

История
Общество
Политика
2018
№3(7)



Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского





ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

№ 3(7)
2018

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2018. №3 (7)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 30.09.2018

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.А. Чубур - кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2018

© Коллектив авторов, 2018



**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

N 3 (7)
2018

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2018. №3 (7)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 09/30/2018

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, international relations and international law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - Doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.A. Chubur - Candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2018

© Authors, 2018

Содержание

70 лет Александру Михайловичу Дубровскому	6
<i>Грудина А.Д.</i> Роль городских попечительств в решении проблем оказания помощи семьям рядовых, призванных на фронт в годы Первой мировой войны	7
<i>Васюта О.О.</i> Границы летописной Сновской тысячи в конце X – первой половине XIII вв.	12
<i>Коротких И.С.</i> Историко географическое положение Воронежской губенрии в конце XIX – начале XX веков	27
<i>Посадский А.В.</i> ПКрестьянское движение в годы Гражданской войны на территории Среднего и Нижнего Поволжья: состояние и проблемы современной историографии	32
<i>Скорород Г.Н.</i> Средства оправдывают цель или оборотная сторона меценатства княгини М.К. Тенишевой	39
<i>Смагина Д.Ф.</i> Опекунские права женщин в пореформенной России	53
<i>Соловьев Ю.П.</i> Крестьянский фашизм в СССР: пропаганда и действительность	58
<i>Чубур А.А.</i> «Венеры» палеолита: взгляд с четырех сторон	67
<i>Шендыгаев Д.И.</i> Британский армейский офицерский корпус в великой войне: к перспективе проблемы	84
О сетевом издании «История. Общество. Политика»	88



Коллектив факультета истории и международных отношений
Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского
сердечно поздравляет профессора

**Александра Михайловича Дубровского
с 70-летием.**

Желаем юбиляру доброго здоровья и свежих сил
для продолжения научной, педагогической и общественной
деятельности, исполнения творческих проектов, дерзновенных планов,
и жизненных свершений!

УДК 94(47).083

А.Д. Грудина

РОЛЬ ГОРОДСКИХ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ РЯДОВЫХ, ПРИЗВАННЫХ НА ФРОНТ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: в статье рассматривается одно из направлений в системе социальной защиты семей военнослужащих в Российской империи. Автор анализирует особенности законодательства, сформированного в этой области накануне Первой мировой войны. Раскрываются характерные черты взаимодействия власти и общества, порожденные противоречиями, вызванными Первой мировой войной.

Ключевые слова: законы Российской империи, Первая мировая война, законы о социальной помощи семьям военнослужащих, Высочайшие повеления.

Grudina A.D. The role of city guardianship in solving problems rendering assistance to the families of the rank and file, called to the front during the First World War

Abstract: in the article is considered one of the directions in the system of social protection of families of servicemen in the Russian Empire. The author analyzes the features of the legislation, which was formed in this area on the eve of the World War I. The characteristic features of the interaction of power and society, generated by the contradictions caused by the First World War, are revealed.

Keywords: laws of the Russian Empire, World War I, laws on social assistance to families of servicemen, ration.

Современные исследования социальной политики российского государства в годы Первой мировой войны содержат разноречивые к ней подходы от «комплексной и многомерной» [11. С. 47] до нарушавшей «один из основных принципов рациональной филантропии, требующей индивидуализации призрения и оказания помощи по мере нужды и с разбором» [2. С. 431].

Общая оценка, однако, сводится к тому, что задача социального обеспечения семей лиц, призванных на войну, в полном объеме не могла быть решена силами государства и благотворительных организаций из-за отсутствия единой системы социальной помощи, усугублявшейся по мере затягивания войны ростом цен и инфляцией [1. С. 122].

В рамках данной статьи попытаемся высветить лишь один из факторов, определявших условия реализации государственной помощи семьям нижних чинов, призванных на войну – роль городских попечительств, на которые возлагалась основная нагрузка в реализации государственной поддержки нуждавшихся солдатских семей в городах.

История деятельности городских попечительств сохранила гораздо больше подробностей, по сравнению со сведениями о практике волостных сельских учреждений. Объясняется это тем, что в городах эти органы готовили регулярные отчеты, которые публиковались в виде отдельных брошюр. Спецификой этих документов является то, что все доклады были подготовлены не по одному образцу и содержали самые разные, чаще всего несопоставимые данные. Однако это обстоятельство не снижает ценности этих публикаций, некоторые из которых дополнены рассуждениями авторов, раскрывающими внутренние механизмы деятельности попечительств, что гораздо ценнее простых цифровых показателей. Сведения об оказании ими практической помощи семьям призванных на войну также содержатся в журналах заседаний и докладах городских дум и управ, в периодической печати.

Закон 25 июня 1912 г. «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» изменил источник финансирования, переложив основные расходы на государство, земства же, а точнее – земские управы, в отличие от ранее действовавшего закона 1877 г., от решения этих вопросов были устранены. На местах предполагалось создать особые органы – волостные попечительства, которые находились под контролем земских участковых начальников и городские попечительства, которые обязаны были отслеживать изменения, могущие произойти в составе семей, осуществлять выдачу пособий.

По закону 1912 г. (статья 67) призрение семей запасных нижних чинов и ратников ополчения возлагалось «в городских поселениях – на городские управы (при упрощенном управлении – на городских старост) или особые исполнительные комиссии в тех городах, где городские думы признают избрание таких комиссий необходимым, или на особые городские попечительства, где последние будут образованы» [10. С. 943-944]. Министерство внутренних дел 23 июня 1913 г. для разъяснения закона подготовило специальную инструкцию, в которой определило, что городские попечительства «образуются по усмотрению городского общественного управления» [8. С. 3].

Из числа гласных городских дум на основании статьи 103 Городового положения (1892 г.) избирался заведующий отделом, который привлекал для новой работы необходимое число сотрудников. Статья 103 определяла место этой структуры в городском управлении: «Для ближайшего заведывания отдельными отраслями хозяйства и управления могут быть назначаемы Думами особые лица, а в случае необходимости – и особые Исполнительные Комиссии. Те и другие, подчиняясь Управе, действуют на основании инструкций Городской Думы и вступают в отправления своих обязанностей с разрешения Губернатора» [9. С. 448]. В статье 104 отмечалось, что назначенный председатель комиссии «...участвует в городской управе с правом голоса при разрешении ею тех дел, которые составляют предмет ближайшего заведывания Исполнительной комиссии» [9. С. 449].

В городах, где до войны существовали попечительства о бедных, например, в Петербурге «Положение о городских попечительствах», было принято столичной городской думой еще в конце 1906 г., в Москве еще раньше – с 1894 г. и к началу войны в городе их насчитывалось 28 [12. Л. 29]. За 20 лет своего существования эти попечительства не только приобрели обширный опыт в деле призрения, но и были хорошо осведомлены о личном составе и имущественном положении значительной части тех семей, которым оказывалась помощь казной и городом.

Таким образом, созданный ранее аппарат вполне подходил для проведения в жизнь социальной государственной политики и старые попечительства стали просто приспособляться к новым условиям, совмещая прежнюю деятельность и новую, связанную с призрением семей нижних чинов.

Городские попечительства разделялись на участки, которые чаще всего совпадали с районами полицейских частей города. В некоторых случаях, когда в том или ином квартале было слишком большое число проживавших семей призванных, участок дробился на дополнительные части. Каждым заведовало отдельное участковое попечительство, избиравшее своего председателя и делопроизводителя. Они, как и остальные попечители, утверждались Городской думой [8. С. 2].

После объявления 18 июля общей мобилизации, практически все городские попечительства испытали кадровые проблемы, поскольку всего лишь в течение двух недель (ст. 71 закона 25 июня 1912 г.) необходимо было обследовать семейное положение всех призванных запасных и ратников государственного ополчения [10. С. 944]. Таких людей в крупных городах насчитывалось десятки тысяч, а число семей, получивших пособие от казны, составляло

около 53,7% призванных [6. С. 10]. Проблемным являлось также то, что в силу плохой грамотности членов солдатских семей приходилось неоднократно переделывать анкеты.

Ситуацию удалось разрешить через привлечение работников-добровольцев, которых было легко найти в условиях необычайного патриотического подъема, охватившего всю страну. С первых недель войны численный состав попечительств увеличился в несколько раз. Например, в уездном Барнауле Томской губернии более 70 человек выразили желание работать в попечительстве на добровольной основе [4. С. 17].

Преподаватели школ и гимназий, гимназисты и студенты в университетских городах, служащие канцелярий, не работавшие женщины совершали обход домов, сверяли списки, по предоставляемым дворниками домовым книгам, сведениям от полиции, определяя тех, кто мог в дальнейшем пользоваться правом на паек. По квартирам отправлялись студенты, курьеры, «вся эта самоотверженная молодежь, которая вся загорелась жаждой подвига и готова работать, бегать по делам с утра до вечера, а с вечера до утра сидеть у стола, переписывать листы, тасовать статистические карточки, подсчитывать итоги» [5].

Однако к лету 1915 г. число добровольцев повсеместно резко сократилось. Причины были разнообразные: усталость, притупление энтузиазма первых месяцев войны, летний дачный сезон.

О.М. Долидович в своей статье называет еще один повод для оттока добровольцев из попечительств: «Солдатки не просили назначения городского пособия, а требовали, считая, что на это идут средства государственного бюджета» [4. С. 18]. Свое недовольство они вымещали, в том числе на работниках-добровольцах, которые выдавали пособия в здании управы и после этого зачастую разочаровывались в своей деятельности.

Поскольку закон предусматривал при выдаче пайка учитывать лишь жену, детей, при определенных условиях родителей, а, между тем, в целом ряде семей оказались и другие родственники, существовавшие за счет труда призванного в армию рядового, например, дяди, тетки, племянники, племянницы, тесть, теща, приемные, внебрачные дети и т. д., которые также нуждались в помощи, то губернские власти в различных районах страны обращались городским управам, губернскому и уездным земствам с просьбой изыскать возможности оказания им необходимой поддержки [12. Л. 17 об.]. В ходе проводимого обследования выяснялся состав семей, их материальное положение, степень трудоспособности и характер нужды. Собранные сведения заносятся в специальные «обследовательные листы», причем отдельно для назначения государственной помощи и сумм из полученных пожертвований.

На основе собранных сведений участковые попечительства давали заключение относительно назначения казенного пайка и пособия из благотворительных средств. При этом «казенное пособие, назначенное участковым попечительством, проверяется и утверждается городским попечительством» [10. С. 944].

Еще одной сложной проблемой являлось положение гражданских жен и внебрачных детей, не имевших права на получение пайка от казны. Например, с начала войны до конца 1915 г. в Московское (Сретенское) попечительство обратилось 440 гражданских жен из общего числа в 4130 семей [7. С. 1]. Таких незаконных семей по Московскому уезду насчитывалось до 500 [12. Л. 33]. Были также случаи, когда ранее жившие в гражданском браке матери повенчались с призванными на фронт, но дети официально еще не были усыновлены. Попечительства специально решали возможность выдачи пайка в таких конкретных случаях [3. С. 15].

Некоторые городские комитеты приняли решение выдавать им пособие из городских средств в том же размере, как законным женам и детям запасных [12. Л. 22 об.]. В других попечительствах сумели даже обеспечить казенным пайком внебрачных детей, но в марте

1915 г. последовало разъяснение со стороны Министерства внутренних дел, запрещавшее выдавать пособие внебрачным семьям. С 1 мая пособие выдавать перестали.

Как уже отмечалось, паёк, в соответствии с законом 25 июня 1912 г. обеспечивал лишь потребности в питании. В решении многочисленных бытовых проблем, вставших перед семьями нижних чинов приняли активное участие городские попечительства, которые разделили своих сотрудников на две группы. Первая занималась обследованием семей, а вторая трудилась в сфере обслуживания дешёвых столовых, детских приютов, приобретала продукты, раздавала пищу, осуществляла надзор за проживающими в приютах, заботилась об оказании медицинской помощи. Впрочем, такое разделение обязанностей могло происходить только при достаточном числе работников. В поисках дополнительных средств попечительства открывали свои хлебопекарни для снабжения столовых и лазаретов, организовывали собственные овощехранилища.

Для деятельности в масштабах города: поиска жилья, заготовки и раздачи дешёвого топлива, сбора одежды, трудоустройства, поиска источников дополнительных финансовых средств создавались особые комиссии и комитеты из представителей от всех участков. Важное место в деятельности городских попечительств занимали общественные благотворительные организации, которые брали на себя отдельные направления работы попечительств: детские очаги (дошкольные учреждения), в которых дети призванных на войну находились с 8 утра до 8 вечера, столовые и т. п. Такие общества (например, общеземский Союз для детей лиц призванных на войну, Дамские комитеты, Семейно-педагогический кружок, Общество борьбы с детской смертностью) получали средства от городских попечительств, осуществлявших последующий контроль за их деятельностью.

В первые месяцы войны в результате благотворительных сборов удалось получить значительные денежные средства, позволявшие попечительствам решать большинство финансовых проблем, которых было весьма много. В ходе начавшегося обследования выяснилось, что семьи призванных, особенно тех, которые трудились на предприятиях, остались практически без всяких средств к существованию, поскольку проведенная мобилизация оказалась для большинства абсолютно неожиданной, а многие старались собрать деньги на снаряжение отправлявшихся на войну. Еще до официальной выдачи пайков городские попечительства самостоятельно смогли решить ряд возникших материальных проблем, но появились и такие ситуации объективного свойства, с которыми городским властям разобраться было не по силам.

Однако летом 1914 г. никто не мог предположить, что война примет такой затяжной характер. Общественный патриотический подъем очень скоро улегся, и на смену ему пришло понимание того, что испытание, вызванное войной, носит масштабный характер и выйти из него победителем возможно только лишь за счет напряжения всех общественных сил, единения фронта и тыла. Одним из важных элементов этого испытания стали органы попечительства, в которых трудились люди, осознававшие гражданское значение своей работы. Поэтому эти структуры, порожденные войной, были свободны от различного рода злоупотреблений и проявляли добровольную инициативу в деле социальной защиты семей призванных на фронт.

Библиографический список

1. Баева Е.П. Организация социальной помощи в годы Первой мировой войны / Е. П. Баева, Н. М. Иванова // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. – 2005. – № 1 (17). – С. 117-122.
2. Булгакова Л.А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – на-

- чала XX века : материалы конференции памяти В.С. Дякина. – Санкт-Петербург ; Кишинев : Nestor-Historia, 2001. С. 429-493.
3. Вологодское городское попечительство по призрению семейств солдат, призванных на действительную военную службу. Отчет о деятельности попечительства за период времени с 1 августа 1915 г. по 1-е апреля 1917 года. – Вологда, 1917. 40 с.
 4. Долидович О.М. Попечительства о семьях призванных солдат в 1914-1917 гг. (на материалах Барнаульского уезда Томской губернии) // Вестник Томского государственного университета. – История. – 2017. – № 45. – С. 16-21.
 5. Мавра, не плачь! // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. – 1914. – № 14368. – 12 сентября.
 6. Обзор деятельности городских попечительств о бедных за первый год войны 1914–1915 / сост. Л. Я. Гуревич. – Пг., 1915. 107 с.
 7. Отчет городского попечительства о бедных Сretenской части за 1915 год. – М., 1916. 25 с.
 8. Отчет отдела Екатеринославской городской управы по призрению семей призванных на войну запасных нижних чинов и ратников ополчения призванных в войска. За 1915 год. – Екатеринослав, 1915. 76 с.
 9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. – Т. 12 (1892). – № 8708.
 10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. – Т. 32 (1912): Часть 1. – № 37507.
 11. Поткина И.В. Регулирование социальной сферы в России в годы Первой мировой войны // Экономическая история. – 2017. – № 1 (36). – С. 36-49.
 12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1253. Оп. 1. Д. 271.



Сведения об авторе:

Грудина Алексей Дмитриевич – аспирант, Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия). grudina81@yandex.ru

УДК 944.041.1

О.О. Васюта

ГРАНИЦЫ ЛЕТОПИСНОЙ СНОВСКОЙ ТЫСЯЧИ В КОНЦЕ X-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII ВВ.

Аннотация. Статья посвящена определению границ летописной Сновской тысячи. На протяжении домонгольского периода истории Руси она являлась административной единицей Чернигово-Северской земли. Сновская тысяча входила в состав первичного ядра государства Киевская Русь, что придает особое значение реконструкции её границ, так как это значительно дополняет представление о времени и направлении расширения государственной территории Руси на Левобережье Днепра в конце IX – рубеже X/XI вв., когда происходило формирование самой Сновской тысячи. Решение таких историко-географических вопросов также способствует объяснению многих моментов политической истории Чернигово-Северской земли в древнерусское время.

Ключевые слова. Сновская тысяча, граница, Новгород-Северское княжество, Черниговское княжество, административная единица, тысяча.

Vasyuta O.O. Borders of the chronical Snovskaya Thousand at the end of the first half of the XIII century

Annotation. The article is devoted to the definition of the chronicle Snovsk's thousand borders. During the pre-Mongol period in the history of Rus, it was the administrative unit of Chernigov-Seversk land. Also the Snovsk's thousand was a part of the primary nucleus of Kievan Rus state, that betrays the special importance for reconstruction of its borders, because this greatly complements the notion of time and the direction of extension the state territory of Rus on the Dnieper's Left-bank at the end of IX – the turn of the X/XI centuries, when the Snovsk's thousand itself had been forming. The solution of such historical and geographical issues also contributes to explain various aspects of the Chernigov-Seversk land political history in ancient Rus' times.

Keywords. Snovsk thousand, border, Novgorod-Seversk principality, Chernigov principality, administrative unit, thousand.

В древнерусское время, как свидетельствуют известия летописей, Чернигово-Северская земля делилась на отдельные административно-территориальные формирования, среди которых также упоминается и Сновская тысяча [40, 1962, стб. 384].

Само понятие «тысяча» является производным от десятичной или, как её ещё называют, децимальной организации населения, связанной с системой государственного управления на Руси. Изначально «тысячи» представляли собой административно-судебные, фискальные и военные территориальные единицы владений киевских правителей. По такому же принципу они функционировали и в период феодальной раздробленности [7, с. 23-38].

Анализ археологических и письменных источников позволяет считать, что территориально Сновская тысяча начала формироваться с конца IX в., а её окончательные границы установились на рубеже X/XI вв. [8, с. 115-125]. Данное формирование также являлось составной частью ядра Древнерусского государства – «Русской земли» в узком значении этого термина [31, с. 33, 57-59]. После утверждения в Чернигове княжеского стола Сновская тысяча стала административной единицей владения местных правителей, а в 1097 г. она вошла в состав новосозданного Новгород-Северского княжества [18, 1975, с. 88, 110]. В середине XII в. в Сновске установился удельный княжеский стол, который, за исключением короткого периода, до самого монгольского нашествия занимали потомки Всеволода Ольговича, старшего сына известного Олега Гориславича [6, с. 16-19].

Упомянув про Сновскую тысячу под 1149 г., летописец зафиксировал только факт её принадлежности к «отчине» Ольговичей, однако обошёл вниманием территории, занимаемые данным формированием. Между тем, как в своё время подчёркивал ещё А.Н. Насонов,

для исследования процесса формирования самой Чернигово-Северской земли определение границ Сновской тысячи является важным вопросом, потому что именно к её территории в ходе расширения Древнерусского государства «приростали» племенные земли восточных северян, радимичей и вятичей [31, с. 57-58, 67]. Кроме того, реконструкция рубежей Сновской тысячи также позволяет установить и отдельные участки границ соседних с ней других внутренних волостей Чернигово-Северской земли – «Задесенья», Черниговской столичной волости, «Подесенья», Новгород-Северской волости.

Вопрос определения территории рассматриваемого формирования уже давно привлёк внимание историков. Так, М.С. Грушевский считал, что Сновская тысяча охватывала течение р. Снов, а Д.Я. Самоквасов под последней подразумевал «седневскую группу городищ» (возле с. Седнев Черниговского р-на Черниговской области Украины) [13, с. 327; 45, с. 38]. Более конкретные выводы относительно границ Сновской тысячи принадлежат П.В. Голубовскому. Как он считал, на западе и юге её ограничивали рр. Снов и Десна, а на севере – городища, которые тянутся в северо-западном направлении от г. Мена (сов. Черниговская обл. Украины). Опираясь на известия грамот начала XVI в. о заключении мира между Польско-Литовским и Московским государствами, историк пришёл к заключению, что восточным рубежом данного формирования являлась р. Мена (правый приток Десны) [11, с. 42-50]. В последующее время такие выводы П.В. Голубовского в общем были поддержаны А.Н. Насоновым и А.К. Зайцевым. Единственно, к территории Сновской тысячи они также отнесли ещё и г. Стародуб [31, с. 57-58, 233; 18, с. 81-88]. Кроме того, согласно А.Н. Насонову, в состав последней входил и Новгород-Северский [31, с. 58]. На сегодня последняя версия относительно границ Сновской тысячи принадлежит В.П. Коваленко. Исследователь привёл конкретные доказательства своего видения расположения рубежей данного формирования на юге и частично на востоке, однако при определении границ на других участках какую-либо аргументацию опустил [21, с. 78-82].

Как показали предшествующие исследования, решение вопроса относительно восточного и южного участков рубежей Сновской тысячи до определённой степени «завязано» на локализации летописного г. Хоробора, который в древнерусских источниках упоминается трижды – под 1153, 1159 и 1234 гг. [40, стб. 465, 502, 772]. По поводу местонахождения данного города в исторической науке присутствует пять разных точек зрения:

1. Летописный Хоробор находился между с. Старый Глебов (ныне не существует, в своё время располагался в современном Козелецком р-не Черниговской обл. Украины) и г. Гомель (Беларусь) [20, Кн. 1, стб. 132, прим. 310].
2. Древнерусский город отождествляется с с. Хоробичи (Городнянский р-н, Черниговской обл. Украины) [48, Кн.6, с. 198-200].
3. Хоробор – это современный г. Короп (Черниговская обл. Украины) [32, с. 462-463; 36, с. 455-456; 4, с. 210; 3, с. 156; 27, с. 310-315; 25, с. 128-130].
4. Хоробор – это современный г. Мена (Черниговская обл. Украины) [11, с. 42-50; 1, с. 104; 31, с. 233; 18, с. 80].
5. Летописный город отождествляется с археологическим комплексом в пгт. Макошино (Менский р-н Черниговской обл. Украины) [9, с. 148-151; 10, с. 119; 21, с. 81].

Как видно из построения выводов автора первой версии, придя к такому заключению, он опирался на известие летописной статьи 1159 (1158) г.: «Побегоша (Изяслав Давидович из Киева – О. В.) на Вышегородъ к Гомью (современный Гомель в Беларуси – О. В.) ... Княгини же бежа к зяти Глебови Переяславлю и оттуде еха на Городокъ та на Глебль, та на Хороборъ (подчёркнуто – О. В.), та на Ропескъ. Ярославъ же Всеволодичъ, оутешивъ и почтивъ ю Ропеске, допровади ю до Гомья ко Изяславу» [40, стб. 502]. Базовым аргументом в первой вер-

сии локализации Хоробора являлось отождествление летописных Глебовля с с. Старый Глебов (Козелецкий р-н Черниговской обл. Украины), а Ропська – с сс. Новый Ропск или Старый Ропск (Климовский р-н Брянской обл. России). Придя к такому заключению относительно Хоробора и Глебовля, автор, по нашему мнению, не учёл политическую ситуацию, сложившуюся на Руси в 1158 г. Если бы данные города находились там, где он их поместил, то в связи с последней зафиксированный в летописи маршрут бегства княгини из Киева к мужу был бы просто невозможен.

В 1157 г. черниговский князь Изяслав Давидович занял киевский стол, а Чернигов и Новгород-Северский перешли под власть Ольговичей. Однако, нарушив договор со своими родственниками, новый киевский правитель и его племянник и дальше продолжали удерживать за собой черниговские волости «Радимичи» (административный центр – летописный г. Гомий) и «Подесенье» [40, стб. 498, 500]. В 1158 г. Изяслав Давидович и Святослав Ольгович окончательно рассорились, в результате чего киевский князь фактически объявил последнему войну [40, стб. 499]. По истечении короткого времени Изяслав Давидович потерпел сокрушительное поражение в столкновении с волынским князем Мстиславом Изяславичем под Белгородом, вследствие чего вынужден был бежать в свою черниговскую волость «Радимичи». Как можно судить из летописных данных, туда Изяслав Давидович добрался по территории Правобережного Поднепровья в обход владений враждебного ему Святослава Ольговича. Княгиня же, вероятно, вовремя не успела присоединиться к мужу и вынуждена была ехать в другую сторону – к зятю в Переяславль.

Описывая последующий маршрут движения княгини, летописец упомянул четыре населённых пункта. Первым среди них назван Городок (Остерский городок). Этот переяславский город располагался на границе трёх княжеств – Киевского, Черниговского и Переяславского [26, с. 123, Рис. 3]. Соответственно, через него княгиня могла в обход Киева и владений черниговского князя попасть на Правобережье Днепра и наиболее коротким путём добраться к мужу в Гомий.

Следующим летописец упоминает Глебль. Если принять тождество данного летописного города с с. Старый Глебов XIX в., то выходит, что княгиня, направляясь сюда, осознанно ехала прямо в руки к врагу своего мужа – черниговского князя. По меньшей мере это выглядит алогично. Соответственно, как мы считаем, летописный Глебль должен был находиться в иной местности. На сегодня в исторической науке утвердилась другая локализация данного древнерусского населённого пункта – археологический комплекс возле с. Красный Колядин (Талалаевский р-н Черниговской обл. Украины) [11, с. 9-10; 1, с. 105; 31, с. 223-224; 18, с. 78; 15, с. 141-142]. Однако, исходя и из такого местонахождения Глебовля, возникает вопрос: почему княгиня из Остерского городка поехала так далеко на восток – на северо-восточный участок границы Переяславского княжества. Сам же Глебль входил в состав черниговской волости «Задесенье», которая в 1158 г. также принадлежала Святославу Ольговичу [46, с. 62-66; 40, стб. 358, 500]. Выходит, что и здесь жена Изяслава Давидовича могла быть схвачена его недругом. Однако, по нашему мнению, такой выбор маршрута был не случайным и единственным, дававшим возможность княгине с наименьшим риском пробраться к мужу в Гомий.

Как становится очевидным из уже упомянутой летописной статьи 1159 (1158) г., жена Изяслава Давидовича, придерживаясь данного маршрута, стремилась попасть именно на территорию Сновской тысячи. В это время ею владел Ярослав Всеволодович. Он хотя и приходился черниговскому князю родным племянником, но какого либо участия в его конфликте с Изяславом Давидовичем не принимал и фактически придерживался нейтралитета. В дальнейшем, вероятно, именно из-за такой политической позиции в 1158 г. Ярослав Всеволодович и пострадал – дядя лишил его права на владение Сновской тысячей [6, с. 18]. Однако,

чтобы попасть на территорию последней, княгине надо было объехать «Задесенье», крайним восточным форпостом которого и был Глебль. Он располагался как на границе Переяславского и Черниговского княжеств, так и одновременно на рубеже «Задесенья» с Вырской волостью [18, с. 80, вкладка, Рис. 2]. Последняя также входила в состав Чернигово-Северской земли, но главное – в это время принадлежала Изяславу Давидовичу [41, с. 71]. Соответственно, если бы его жене всё-таки не удалось попасть на территорию Сновской тысячи, то в таком случае она могла укрыться в соседних владениях своего мужа.

Согласно упомянутой летописной статье 1159 (1158) г., Ярослав Всеволодович, тогдашний владлец Сновской тысячи, встретил жену Изяслава Давидовича в Ропске и провёл её к Гомию. Выходит, что Хоробор, который также проезжала княгиня, находился по дороге между Глебовлем и Ропском. Последние исследователи определяют в современном с. Старый Ропск (Климовский р-н Брянской обл. России) [55, с. 42].

Как можно судить из рассказа летописца, указывая направление бегства жены Изяслава Давидовича, он упоминает те населённые пункты, которые в его понимании в силу определённых причин являлись ключевыми в данном маршруте. В связи с этим обращает на себя внимание то, что зафиксированные в источнике Остёрский городец и Глебль, прежде всего, были приграничными городами. Соответственно, наличие подобного статуса можно предположить и у Хоробора. Тем более, данный тезис косвенно подтверждается и летописной статьёй 1153 г., рассказывающей о переговорах и заключении союзного договора между Изяславом Давидовичем и Святославом Ольговичем, которые тогда состоялись в Хороборе [40, с. 465]. Как правило, подобного рода действия происходили именно в приграничных населённых пунктах. Исходя из этого, можно было бы связать летописный Хоробор с современным с. Хоробичи (Городнянский р-н Черниговской обл. Украины). В древнерусское время в данной местности также проходила граница между черниговской волостью «Радимичи» и новгород-северской Сновской тысячей [21, с. 78-83]. Однако, археологические исследования показали, что возле с. Хоробичи в X-XIII вв. функционировало обычное сельское поселение [35, с. 34, Рис. 7; 16, с. 77]. Тем более, такая локализация не увязывается с ещё одним летописным известием, помещённым в Ипатьевском своде под 1234 г.: «Даниль (Галицкий – О. В.) же поиде ко Володимероу (Киевскому – О. В.) и поидоста Черниговоу ... отоуда же поидоша, пленячи землю, поимаша град многы по Десне, тоу же взяша и Хороборъ (подчёркнуто – О. В.) и Сосницю, и Сновескъ, иныи град многии и придоша же опять Черниговоу» [40, с. 772]. Таким образом, видно, что летописный Хоробор располагался возле р. Десны.

Город Короп, с которым отдельные исследователи отождествляют древнерусский Хоробор, также находится на Десне в 30 км северо-восточнее от г. Сосницы. На первый взгляд такая локализация не противоречит известиям летописной статьи 1234 г. Однако, по нашему мнению, как в своё время отмечал ещё П. В. Голубовский, данная гипотеза, кроме относительного созвучия названий этих населённых пунктов, конкретных доказательств не имеет [11, с. 44]. Главным образом они базируются на предании о событиях 1399 г., записанном в родословии князей Глинских: «(После поражения в битве с татарами на р. Ворскле – О. В.) И князь Ивановы вожи привели великого князя Витовта къ Литовской Украине, къ городу его Хороблю (подчёркнуто – О. В.) да къ волостемъ: къ Макошину, да къ Сохачеву, да къ Верху, да къ Оболоню. Князь же великий Витовтъ тотъ городъ Хороборъ и волости те даль въ вотчину князю Ивану Глинскому» [27, с. 310-311]. Например, В. Е. Куриленко, читая «Макошин» предания как «Макотин», определил последний в современном с. Накот (Коропский р-н Черниговской обл. Украины). И далее, опираясь на то, что все населённые пункты,

упоминаемые в предании Глинских, находятся возле г. Коропа, он именно с последним отождествил Хоробор XIV в. [25, с. 128-129].

Как мы считаем, такая точка зрения В. Е. Куриленко не согласуется с известиями «Реестра черниговских границ» XVI в., где упоминается Хоробор и также отмечена его владельческая принадлежность князю Глинскому [44, с. 208]. Этот документ, составленный в 1527 г., содержит описание территорий, утраченных Литвой в результате предыдущей войны с Московским государством [44, с. 20].

В контексте рассматриваемой проблемы особое значение имеет первая часть «Реестра», где приведен перечень населённых пунктов, административно подчинённых Чернигову. Согласно средневековой традиции, ориентиром для составления данного документа были выданы водные артерии – реки Остёр, Десна, Снов, Свинь (Замглай), Белоус.

Вначале относительно восточного черниговского рубежа в «Реестре» отмечено: «Волыно черниговское село городное, граница с Новым Городком (Новгород-Северский – О. В.), домов 30; Козличи село черниговское, боярщина, домов 10 было; Со/с/ница село черниговское, рубеж с Новым Городком, домов 30, а церкви 2» [44, с. 207]. Потом в документе идет перечисление черниговских «сёл», среди которых присутствуют: «Блистовичи село городное поверх Дистны, домов 30 было. Ушно село у верху Дисны, подворей 15 было, то архимандриче. Хоробор село у верху Дисны (почёркнуто – О. В.), держал Глинский, домов сто было» [44, с. 208]. Таким образом, видно, что автор «Реестра» именно на Хороборе заканчивает перечень населённых пунктов, расположенных вдоль р. Десны на восток от Чернигова и ему подчинённых. В совокупности с известием про Чернигово-Новгород-Северский рубеж это позволяет определять местонахождение Хоробора возле р. Десны в промежутке между с. «Ушно» (теперь – с. Ушня Менского р-на Черниговской обл. Украины) и с. «Сосница» (теперь – г. Сосница Черниговской обл. Украины), расположенном возле р. Убедь (правый приток Десны). Опираясь на такую информацию «Реестра», ещё П. В. Голубовский справедливо отметил, что летописный Хоробор надо искать в междуречье Мены и Убеди, недалеко от Десны. Приняв к вниманию известия актовых материалов начала XVI в. про отдельную Хороборскую волость и сопоставив их с летописной статьёй 1153 г., указывающей на приграничный статус самого Хоробора, историк локализовал последний в г. Мена (Черниговская обл. Украины) [11, с. 48-49]. Однако, по нашему мнению, такой вывод противоречит информации статьи 1234 г., которая не двусмысленно свидетельствует, что Хоробор, Сосница и Сновск находились в составе одного территориального формирования. Соответственно, р. Мена тогда не могла являться Чернигово-Новгород-Северским рубежом. Тем более, косвенные данные позволяют говорить, что первое упоминание о непосредственно самом г. Мена относится к 1408 г. [19, с. 126-128]. Хоробор же, как следует из «Реестра черниговских границ», и в первой половине XVI в. продолжал фигурировать под своим названием.

Дополнительную информацию по данному поводу, как мы считаем, можно также почерпнуть ещё из одного позднесредневекового источника, на который предыдущие исследователи внимания не обратили. Таковым являются Переписные книги 1666 г., где отмечено: «Под местечком Макошином на реке Десне перевоз ... А к тому перевозу озера: озеро Бехово, озеро Трубин, озеро Песочное, озеро Титовка и Харабор (подчёркнуто – О. В.) [34, с. 415-416]. Большинство из упомянутых в документе водоёмов под такими же названиями существуют и в наши дни. Все они находятся возле пгт. Макошино (Менский р-н Черниговской обл. Украины), расположенном в 6 км юго-восточнее от Сосницы. Согласно сведениям Ю. С. Виноградского, относящимся к началу XX в., возле этого населённого пункта также существовало урочище, которое местные жители именовали «Хоробор». Оно представляло собой рельефную западину при въезде в Макошино со стороны Сосницы. Причём, в своей

верхней части она называлась уже по другому – «Крыныця» [9, с. 149]. Кроме того, в 1923 г. Ю. С. Виноградским тут было зафиксировано местное предание, согласно которому, по дороге с боку Сосницы возле Макошино, где балки с протекающими ручьями «Хоробор» и «Бобрик» охватывали возвышенность, когда-то существовал город [9, с. 150].

Первые известия про археологические древности около пгт. Макошино относятся к середине XVIII в. Так, в царской грамоте 1742 г., данной Макошинскому монастырю, отмечено, что последним было приобретено: «Отъ Мартина Косенка, жителя Бабского, поле пахотное: въ одной руке три нивы, въ томъ числе две подле могил, въ третьей руке въ макошинскомъ поле нива великая и лань, такожь и сеножать, подле городища великого (полчёркнуто – О. В.) ... Отъ Григорія Денисенка з шваграми сеножать подь городищемъ (подчёркнуто – О. В.)» [48, с. 107]. Археологическими исследованиями, проводившимися во второй половине XX в., на юго-восточной окраине пгт. Макошино было выявлено городище. Оно размещается на возвышенном мысе коренной террасы р. Десны. Тут, у её подножия, в старицу Десны впадают небольшие притоки Хоробор и Бобрик, берега которых и создают городищенский мыс. Его площадка (100х60 м) находится под современной застройкой. На юг от городища размещается большой посад. На этом комплексе были выявлены материалы XI-XIII вв. и позднего средневековья [22, с. 282].

В.Е. Куриленко, отождествляя «Макошин» и «Хоробор», отображённых в родовом предании князей Глинских, с, соответственно, современными с. Накот и г. Короп, считал, что в другом соучае маршрут отступления литовского князя Витовта представляется алогичным [25, с. 129-130]. С таким утверждением согласится тяжело, если принять к вниманию направление движения татар после победы над Витовтом. Согласно источникам, свой удар они направляли на Киевщину и дошли аж до Волини [42, с. 191]. Соответственно, понятно, что потерпев тотальное поражение, литовский князь, переправившись через Десну у Хоробора (Макошино), просто искал окольный путь, которым бы можно было пройти через Северскую землю в Литву. Прежде выбранное направление на Чернигов тогда, скорее всего, уже было перерезано. Исходя из этого, Витовт, вероятно, и вынужден был повернуть в сторону современного г. Короп. Наличие же в родовом предании Глинских одновременного упоминания про Хоробор и «Макошин», по нашему мнению, верно объяснил Ю.С. Виноградский. Как он считал, при переходе предания из поколения в поколение со временем, чтобы объяснить каким же Хоробором владели Глинские, в его составе и появился «Макошин», новое название этого населённого пункта, которое для современников было более известно и понятно [9, с. 150-151].

Таким образом, рассмотренные факты, по нашему мнению, позволяют отождествить летописный (также и позднесредневековый) Хоробор с археологическим комплексом в пгт. Макошино. Исходя из его такого месторасположения, можно говорить, что в древнерусское время одной из главных функций города являлся контроль за переправой через р. Десну, присутствующей тут, согласно Переписным книгам 1666 г., вплоть до XVII в. Кроме того, данная локализация Хоробора и его приграничный статус, на который указывает летописная статья 1153 г., также свидетельствуют, что южной границей Сновской тысячи являлась р. Десна, отделяющая эту новгород-северскую (до второй половины XII в.) волость от черниговского «Задесенья».

В своё время А.Н. Насонов, ссылаясь на большую древность Сновской тысячи как административного образования нежели Новгород-Северское княжество, выдвинул тезис о вхождении в её состав и территории Новгород-Северского Подесенья [31, с. 58]. Аргументация относительно такого заключения была построена историком на известиях про феодальную войну за Киев в 1146-1155 гг. Согласно источникам, в ходе этого конфликта новгород-

северский князь Святослав Ольгович в 1147 г. фактически потерял все свои владения. Позднее летопись фиксирует, что его противнику Изяславу Давидовичу принадлежали гг. Новгород-Северский и Стародуб [40, стб. 342]. В 1149 г. Святослав Ольгович снова завладел Сновской тысячей [40, стб. 384]. Таким образом, ретроспектируя сведения 1155 г. про административную связь гг. Стародуба и Сновска, А. Н. Насонов включил в состав Сновской тысячи, соответственно, и Стародуб и Новгород-Северский. Как мы считаем, по этому поводу более верный вывод сделал А.К. Зайцев. По его мнению, рассматриваемые А.Н. Насоновым события свидетельствуют о вхождении в состав Сновской тысячи только Стародуба и никоим образом не указывают на такой же статус Новгорода-Северского [18, с. 82]. К этому следует добавить, что, как показывает анализ летописных известий 1146-1155 гг. о владельческих взаимоотношениях чернигово-северских князей, Сновская тысяча стала приобретением Давидовичей ещё в 1146 г. [6, с. 15]. Последние получили её тогда от Игоря Ольговича, впервые отделившего данную волость от Новгород-Северского княжества, как компенсацию за помощь в борьбе за киевский стол [6, с. 15]. Именно это, а не прямой захват в 1147 г., как считал А.Н. Насонов, после смерти Игоря Ольговича позволило Давидовичам при вынужденном возврате с их стороны Святославу Ольговичу Новгорода-Северского удержать за собой Сновскую тысячу и владеть нею аж до 1149 г. Соответственно, аргументация А.Н. Насонова в пользу вхождения в состав Сновской тысячи Новгорода-Северского не может быть признана верной. Скорее тут можно прийти к другому выводу: до 1146 г. сама тысяча являлась неотъемлемой административной составляющей домена новгород-северских князей. После угасания рода Давидовичей, когда всей Чернигово-Северской землёй овладели Ольговичи, во второй половине XII в новгород-северские правители утратили контроль над Сновской тысячей, юрисдикция над которой перешла к черниговскому столу [6, с. 18-19]. Следует отметить, что после всех государственных и политических перипетий, как свидетельствует грамота великого московского князя польскому королю (1526 г.), такое административное подчинение продолжало быть неизменным даже в первой половине XVI в.: «Изъ Киева вступаютьца твои люди въ нашу волость въ Черниговскую, въ Сновескъ» [33, с. 708]. Кроме того, анализ позднесредневековых источников, указывает на то, что древнерусские административные границы на Чернигово-Северщине в своем большинстве сохранились и в период литовской власти [5, с. 27-35]. Соответственно, это даёт возможность до определённой степени привлекать их и для решения отдельных вопросов рассматриваемой темы.

Исходя из вышесказанного, обращают на себя внимание отдельные известия уже упоминавшегося «Реестра черниговских границ» XVI в. Так, в данном документе «село» Сосница обозначено как «рубеж з Новым Городком» [44, с. 210]. Последняя существует и сегодня, располагаясь на правом берегу р. Убедь (правый приток р. Десна) в 6 км выше от её впадения в Десну. Этот населённый пункт упоминается и в летописной статье 1234 г., где указано, что Даниил Галицкий, разоряя владения черниговского князя, на территории Правобережья Десны спалил Хоробор и Сосницу, но потом повернул на запад и уже недалеко от Чернигова уничтожил Сновск [40, стб. 772]. Как мы считаем, данный маршрут похода не был случайным. Его направление не только свидетельствует про принадлежность упомянутых городов к одному административному формированию, подчинённому черниговскому столу, но кроме того, косвенно также указывает и на приграничный статус Сосницы, восточнее которой войска галицкого правителя, согласно летописи, не продвигались. Таким образом, комбинируя известия обоих источников, позднесредневекового и древнерусского, можно прийти к заключению, что на востоке южный рубеж Сновской тысячи, проходя вдоль Десны, заканчи-

вался при впадении в неё Убеди, а потом граница поворачивала вверх и далее уже шла по течению последней.

В летописной статье 1155 г. отмечено: «Оусрете и Святославъ Ольговичъ свата своего Гюргя (Долгорукого – О. В.) оу Синина мосту, оу Радоща ии снястася, тогда же оусрете и Всеволодовичъ (Святослав – О. В.) оу Стародуба» [40, стб. 477]. Однако потом, после новой договорённости, Святослав Ольгович у своего племянника Святослава Всеволодовича «Сновескъ себе отя и Корачевъ и Воротинескъ» [40, стб. 479]. Из данных сообщений видно, что города Сновск и Стародуб имели определённую административную связь. По этому поводу П.В. Голубовский считал, что зафиксированное в данном случае летописью объединение Сновской тысячи и Стародуба являлось единичным фактором [11, с. 43]. Наоборот, А.К. Зайцев, рассматривая этот вопрос, как мы считаем, верно указал на отсутствие известий про отдельную Стародубскую волость, фигурирующую в междукняжеских спорах середины XII в. В последних всегда присутствовали Сновская тысяча и Сновск, обладание которыми, исходя из этого, подразумевало и владение Стародубом [18, с. 85]. По нашему мнению, именно о таком статусе последнего и свидетельствуют летописные известия о событиях 1147-1155 гг. В статье 1155 г. к изъятым у Святослава Всеволодовича владениям также отнесены гг. Корачев и Воротынск. Однако, как было доказано исследователями, они принадлежали к другому административно-территориальному формированию и, соответственно, в состав Сновской тысячи не входили [18, с. 98-101; 37, с. 48-51].

Стародуб, территориально являясь частью Сновской тысячи, в административном плане был центром более мелкого образования – сотни, границы которой, по мнению историков, сформировались уже к концу X в. [52, с. 146-149; 57, с. 21-32]. Опираясь на результаты археологических исследований, Е.А. Шинаков пришёл к выводу, что размеры Стародубской сотни фактически совпадали с природными рубежами территории Стародубского ополья, которое на юге и востоке ограничивают рр. Бабинец, Вабля и Рассуха (бас. р. Судости), на севере смешанные леса в бассейне р. Унеча (левый приток р. Ипутъ) и р. Жеча (левый приток р. Унеча), а на западе – р. Титва (левый приток р. Снов) [57, с. 23-24, 30, Рис.1]. Существование таких административных границ, кроме археологических, также подтверждаются и письменными источниками.

При определении восточного рубежа Сновской тысячи наиболее сложно конкретизировать его отрезок от верховьев р. Убедь до Стародубского ополья. Как свидетельствуют археологические исследования, в древнерусское время данная местность была практически не заселена. Какой-либо информации относительно этого вопроса не дают и письменные источники. Соответственно, данный участок границы можно определить только более-менее условно.

В своё время Д. Я. Самоквасов считал, что на востоке «Черниговскую волость» и «Стародубскую волость» с «Новгород-Северской волостью» разделяла не заселённая область нижнего течения р. Судость, среднего течения рр. Десна и Ревна (левый приток р. Снов), среднего течения р. Снов [45, с. 29-30]. Согласно же выводам В.П. Коваленко, в верховьях р. Убедь граница Сновской тысячи проходила от устья р. Олешня (правый приток р. Убедь), потом по течению последней до её истока у болот между сс. Камка и Радомка (Корюковский р-н Черниговской обл. Украины), из которых на север течёт небольшой приток р. Слот (левый приток р. Ревна, бас. р. Снов), далее системой болот к р. Слот, после чего – на север, к левому притоку р. Рванец (левый приток р. Ревна). Потом рубеж проходил вдоль течения р. Ревна до Стародубского ополья [21, с. 81]. Приблизительно так на рубеже X/XI вв. размещалась граница между Русью и ареалом памятников роменской культуры [12, с. 211, Рис. 59]. В это время данный регион был не заселённым, на что косвенно также указывает и

отсутствие тут кладов куфических монет X в. А. Ф. Фомин, картографировав подобные находки в Посновье, отметил, что на территории Сновской тысячи они концентрируются не около феодальных центров, а, наоборот, в периферийных приграничных регионах, связь с которыми была не очень интенсивна и где «практически не было наезженных торговых дорог» [49, с. 79]. Большинство кладов арабских монет X в. фиксируется вдоль западной границы Сновской тысячи. Они фактически его и маркируют, но на рассматриваемом участке подобные находки отсутствуют.

Вероятнее всего, административная граница Сновской тысячи от верховьев р. Ревна далее проходила на северный восток системой болот к истоку р. Глинка (правый приток р. Красная), потом – по р. Красная (левый приток р. Кичета) и р. Кичета (правый приток р. Вабля) к р. Вабля. Как показали археологические исследования, в 6 км к востоку от устья р. Кичета при слиянии рр. Бабинец и Вабля между сс. Левенка и Десятуха (Стародубский р-н Брянской обл. России) в X – начале XI вв. функционировал дружинный лагерь-погост киевских князей. Подобные пункты, где концентрировалась собираемая дань, также являлись опорой распределения власти последних в близлежащем регионе. Его размещение на периферии племенных территорий указывает на то, что в данное время этот дружинный центр контролировал и приграничье [51, с. 285-286; 54, с. 89-91]. Про присутствие в данной местности административной границы может свидетельствовать ещё один факт: относительно широкая территория между городищами возле сс. Дахновичи и Мишковка (Стародубский р-н Брянской обл. России) на рр. Глинка и Красная и с. Андрейковичи (Почепский р-н Брянской обл. России) на р. Веретенка (левый приток р. Вара, бас. Судости) на протяжении XII в. оставалась не заселённой [14, с. 38]. Скорее всего, особую актуальность этот рубеж приобрёл именно во второй половине XII в., когда новгород-северские князья, утратив контроль над Сновской тысячей, путём военных походов под Стародуб дважды пытались восстановить свои права на данную волость [6, с. 18-19].

Далее административная граница Сновской тысячи, как можно думать, проходила от устья р. Кичета на восток по р. Вабля до устья её левого притока р. Рассуха. По нашему мнению, этот участок рубежа рассматриваемого территориального формирования маркируется кладом арабских монет X в., выявленным возле с. Бобрик (Погарский р-н Брянской обл. России), а также летописным известием 1155 г. про г. Синин Мост, находившимся возле современного с. Синин при слиянии рр. Вабля и Рассуха [49, с. 76; 2, с. 175-176].

В своё время А. К. Зайцев считал, что от устья р. Рассуха граница Сновской тысячи своё продолжение имела вдоль рр. Вабля и Судость [18, с. 81]. Наоборот, согласно выводам В. П. Коваленко и Е. А. Шинакова, на данном отрезке административной межой являлась р. Рассуха [21, с. 81; 52, с. 148]. При решении этого вопроса, по нашему мнению, надо обратить внимание на летописную статью 1155 г., повествующую о встрече Ольговичей и Юрия Долгорукого на переправе возле г. Синин Мост. Исходя из неё, ещё П. В. Голубовский пришёл к заключению о приграничном статусе данного летописного города [11, с. 38]. Как видно из источника, косвенно это подтверждает и сам летописец, когда, описывая встречу князей, дополнительно указывает, что с Юрием Долгоруким Святослав Ольгович «оу Радоща ии снястася», а Святослав Всеволодович – «оу Стародуба» [40, стб. 477]. Однако потом, согласно летописи, вместе князья пошли к Стародубу. Таким образом, как следует из статьи, ростово-суздальского правителя Ольговичи встречали возле границы, но каждый из них это сделал со стороны своих владений. Кроме того, как показали археологические исследования, участок плодородных земель между г. Синин Мост и районом летописного г. Радогощ (г. Погар Брянской обл. России) – городище возле с. Посудичи (Погарский р-н Брянской обл. России) в XII в. оставался не заселённым, что также может указывать на приграничный ста-

тус данной территории [14, с. 38]. До определённой степени подтверждается это и развитием самого г. Синин Мост. Его укрепления, согласно археологическим исследованиям, были спланированы таким образом, что наиболее мощные из них прикрывали город с востока. В XII в. этот участок был ещё дополнительно отремонтирован и обновлён [14, с. 38; 53, с. 160-161, 54, с. 91-92]. Последнее, вероятнее всего, стало последствием двух враждебных походов новгород-северских князей, которые они, пытаясь вернуть Сновскую тысячу, в 1166 и 1174 гг. совершили в район Стародуба [6, с. 18-19].

Следующий участок границы рассматриваемой административной единицы, как мы считаем, далее проходил на север от г. Синин Мост вдоль р. Рассуха до летописного г. Росусь включительно, отождествляемого исследователями с археологическим комплексом возле современного с. Рассуха (Унеческий р-н Брянской обл. России) [2, с. 259]. Относительно административного подчинения данного летописного пункта в исторической литературе также присутствует и иное мнение. Так, согласно А. К. Зайцеву и Г. П. Полякову, он принадлежал не к Сновской тысяче, а входил в состав черниговской волости «Подесенье», правда, в пользу такого заключения историки каких-либо аргументов не приводят [18, с. 98; 37, с. 41].

Про сам г. Росусь в летописи упоминается всего один раз под 1160 г.: «Ко Изяславу (Давидовичу – О. В.) же придоша Половци мнози и иде с ними к Воробейне и к Росусе и, туде повоевавъ, иде къ сновцю своему ко Вщижю» [40, стб. 508]. Перед этим в летописи содержится рассказ про неудачную попытку Изяслава Давидовича отвоевать у Святослава Ольговича Чернигов, после чего он бежал к половцам, с которыми позднее и пришёл в «Подесенье». Как видно из предшествующих событий, поход 1160 г. Изяслав Давидович совершил с территории волости «Вятичи», которую захвати ещё в 1158 г. [40, стб. 502]. Скорее всего, в «Подесенье» он вошёл по той же дороге, по которой в 1147 г. прошёл путь Святослава Ольговича – через Брянск к Воробейне [40, стб. 342]. Относительно последней летописная статья 1147 г. чётко указывает, что этот город административно входил в состав волости «Подесенье» [40, стб. 342]. Согласно исследований Г.П. Полякова и Е.А. Шинакова, в древнерусское время через «Подесенье» и Сновскую тысячу проходил «наезженный» путь из Смоленского и Ростово-Суздальского княжеств к Чернигову и Киеву: после смоленского села Рогнеды на Вщиж, Воробейну, городище возле с. Старый Почеп, Рогово, Ормину (на р. Немолодва), Росусь, Горислово, Стародуб, Ропск, Сновск и далее на Чернигов и Киев [39, с. 117]. Как можно судить из летописной статьи 1160 г., войско Изяслава Давидовича в районе Воробейны вышло именно на этот «наезженный» путь и далее уже по нему двинулось на юг. Соответственно, видно, что целью этого похода являлись северные территории Сновской тысячи, которую на тот момент Святослав Ольгович уже отобрал у своего племянника, ранее проявившего лояльность к Изяславу [6, с. 18]. Таким образом, в статье 1160 г. летописец, скорее всего, просто использовал обычный описательный прием, упомянув Воробейну как исходный, а район Росуси как конечный пункт данной военной акции. Кроме того, следует отметить, что и позднесредневековые документы косвенно также свидетельствуют про административную принадлежность Росуси именно к Сновской тысяче. Информация по этому поводу содержится в третьей части «Реестра черниговских границ» (1527 г.), где отображено описание мглинских границ: «А промежи тых сел рубеж до Стародуба пошол: Росуха стародубьское (подчёркнуто – О. В.), а Мезыревская – то мглинская, а промежи ними рубеж [до Стародуба пошол]; Наипутовичи стародубьское, а Рухова мглинская» [44, с. 212]. В конечном итоге, исходя из всего этого, по нашему мнению, можно считать, что г. Росусь территориально входил в состав Сновской тысячи и имел приграничный статус. Соответственно, рубеж рассматриваемого административного формирования должен был находиться недалеко от данного населённого пункта. В таком случае, логично предположить прохождение в этой местности гра-

ницы Сновской тысячи вдоль р. Писталь от её впадения в р. Рассуха, где располагался летописный г. Росусь, до её истока возле современного с. Рохманово (Унеченский р-н Брянской обл. России), потом – на запад системой болот до истока р. Трубна (левый приток р. Жеча, бас. Унечи), где «Рухова» «Реестра черниговских границ» локализуется в с. Рюхов (Унеченский р-н Брянской обл. России). Далее – по рр. Трубна и Жеча до р. Унеча (левый приток р. Ипуть).

Как показали исследования Е. А. Шинакова и В. Н. Гурьянова, в X в. северо-западный рубеж «Русской земли», а в данном регионе, соответственно, и её составной части Сновской тысячи, фиксируется крайними памятниками этнокультурной территории радимичей, юго-восточная граница которой проходила приблизительно в 20 км на запад от рр. Снов и Титва (левый приток р. Снов) по линии сс. Коржовка – Голубовка – Гулевка – Митьковка – Гетманская Буда – Большие Щербиничи (Клинцовский и Климовский р-ны Брянской обл. России). В данном порубежье не заселённая зона составляла 6-12 км. [56, с. 271]. Следует также добавить, что согласно исследованиям О.А. Макушниковой, использовавшего при реконструкции границ Гомийской волости XII-XIV вв. известия «Реестра ревизии хозяйственной Гомельской волости 1560 г.», административный рубеж на этой территории и в позднее средневековье фактически совпадал с юго-западной границей ареала расселения радимичей, свидетельствуя про его формирование ещё в древнерусское время [28, с. 46, Рис. 1].

Таким образом, учитывая вышеотмеченное, можно предположить, что западная граница Сновской тысячи проходила от устья р. Жеча вдоль р. Унеча до впадения в неё р. Романа. Далее – вдоль последней до её истока, а потом на юго-запад к устью небольшого левого притока р. Титва, поворачивая к верховьям р. Снов в район между сс. Манюки – Тростань и Старый Кривец (Новозыбковский р-н Брянской обл. России), где был зафиксирован клад арабских монет (955 г.) [49, с. 76-77]. Следует также отметить, что согласно позднесредневековым источникам (грамота князя Юрия Лингвеновича 1455 г.), с. Манюки не находилось под административной юрисдикцией Стародуба, а «Реестр» 1560 г. с. Тростань фиксирует в составе Гомийской волости (летописная черниговская волость «Радимичи») [28, с. 45, 29, с. 13-14].

Следующий участок западного рубежа Сновской тысячи, как мы считаем, проходил от верховья р. Снов к верховью р. Ирпа (правый приток р. Снов), где возле с. Митьковка в радимичских захоронениях было зафиксировано довольно значительное количество редких восточных монет (фельсы) и серебряников князей Владимира и Святополка конца X – начала XI вв., что свидетельствует про активные контакты местных жителей с Русью. В таких масштабах они, как правило, происходили именно в приграничных зонах [30, с. 205-214; 49, с. 76-77]. Далее, вероятнее всего, рубеж поворачивал на юг к истоку р. Шапоровка (левый приток р. Трубеж, бас. Снова) и от её устья – к верховью р. Трубеж, а потом – на запад вдоль небольшого левого притока р. Вага (левый приток р. Цата, бас. Снова).

Последующий участок границы Сновской тысячи, как нам видится, позволяют определить известия «Реестра» 1560 г., согласно которого сс. Вага и Старые Юрковичи (Климовский р-н Брянской обл. России) являлись крайними пунктами Гомийской волости [28, с. 45]. Соответственно, в этом районе рубеж Сновской тысячи, вероятнее всего, проходил вдоль р. Вага до её впадения в р. Цата (правый приток р. Снов), а потом – на юго-запад по небольшому правому притоку последней к среднему течению р. Тетева (правый приток р. Снов). Далее межа Сновской тысячи, совпадая с современной украино-белорусской границей, шла вдоль р. Тетева и верхнего течения р. Терюха (левый приток р. Сож, бас. Днепра) до её истоков из болот возле сс. Перепись и Ильмовка (Городнянский р-н Черниговской обл. Украины), напротив которых в 12 км на северный запад «Реестр» 1560 г. фиксирует уже гомийское с. Марковичи (Гомельский р-н Гомельской обл. Беларуси) [28, с.45]. Такая же администра-

тивная принадлежность данного населённого пункта отмечена и в «Реестре черниговских границ» 1527 г. [44, с. 211]. В последнем про гомийско-черниговский рубеж также указано: «А з Гомьем граница Лествин Великий черниговское, домов 30» [44, с. 210]. Упомянутое в документе село локализуется в современном с. Великий Листвен Городнянского района Черниговской обл., расположенном на рр. Крюкова (правый приток р. Снов) [43, с. 305]. Возле последнего также находится поселение X – середины XIII вв. [23, с. 64-66]. Кроме того, в местном курганном могильнике были выявлены воинские захоронения второй половины X в. [17, с. 199]. Таким образом, можно предположить, что в данном регионе рубеж Сновской тысячи от болот возле с. Ильмовка поворачивал на юг и лесными массивами проходил к верховьям р. Крюкова, являясь после 1097 г. также границей между Черниговским и Новгород-Северским княжествами.

В своё время П.В. Голубовский западной межой Сновской тысячи считал р. Снов [11, с. 48]. А.К. Зайцев, не вдаваясь в подробности, расположил её на правобережном Посновье [18, с. 81]. Более детализировал этот вопрос В.П. Коваленко, принявший за таковую Замглайские болота и летописную р. Свинь [21, с. 81].

В данном случае, по нашему мнению, прежде всего, следует обратить внимание на летописные статьи относительно событий, происходивших в Южной Руси в 1152-1153 гг. и в 1157 г. Как свидетельствуют источники, в конце 1152 г. Юрий Долгорукий и Святослав Ольгович, совершая военный поход на Киев, подошли к Чернигову, в котором находился враждебный им Изяслав Давидович. Описывая путь движения войск ростово-суздальского и новгород-северского князей, летописец отметил: «Поиде (Юрий и Святослав – О. В.) къ Березому и тако ста оу Свини с половци оу субботу, а заутра в неделю, не хотя ити к городу, но ста оу Гюричева ... и пусти половци к Чернигову воевать» [40, стб. 456]. Последующее сообщение чётко указывает, что «Свинь» являлась названием не населённого пункта, а представляла собой водную артерию: «Гюрги же и Святославъ Ольгович и Рязанский князи оуслышавъше оже Вячьславъ, Изяславъ идуть ... И поидоша от Чернигова и идоша за Свинь та за Сновъ» [40, стб. 457-458]. В данном случае можно также говорить, что, согласно приведенным летописным известиям, р. Свинь протекала между Черниговом и р. Снов. В связи с этим привлекает внимание и факт поведения войск Юрия Долгорукого и половцев. На территории до р. Свинь они не причиняли вреда местному населению. Именно перед последней союзные войска также останавливались на ночлег и уже потом, переправившись через р. Свинь, они начали боевые действия. Таким образом, перед нами свидетельство того, что регион, находившийся по маршруту движения Юрия Долгорукого и распространявшийся до р. Свинь, не рассматривался последним как враждебный. Соответственно, эти земли в то время административно входили в состав не Черниговского, а Новгород-Северского княжества, хозяин которого тогда являлся союзником ростово-суздальского князя. Данное заключение также подтверждает и летописная статья 1158 (1157) г.: «И приеха Святославъ Ольговичъ (новгород-северский князь – О. В.) со Всеволодичем Святославомъ (сновский князь – О. В.) к Чернигову, и нача Володимерич (племянник Изяслава Давидовича – О. В.) не пустити его в городъ, но битис с ним. Святославъ же то видивъ Ольговичъ съ сновцемъ своимъ Всеволоводичем, и поидоста от города и, шедше, ста за Свиною рекою (подчёркнуто – О. В.). И приде Изяслав (Давидович – О. В.) ис Киева с полки своими и Мьстиславъ Изяславич с нимъ и Святославъ Володимиричъ и сташа противу себе об реку (подчёркнуто – О. В.) и начаша слати межю собою и тако оумиришесья» [ПСРЛ, Т. 2, 1962, стб. 490]. Как видно, уступая в военной силе, Ольговичи всё-таки далеко от Чернигова не отступали и остановились, перейдя р. Свинь. Примечательно, что и Изяслав Давидович с союзниками, подойдя к последней, также прекратил продвижение вперёд, после чего и начались переговоры. Такое расположе-

ние противоборствующих сторон, как мы считаем, является ещё одним свидетельством наличия тут административной границы, которая, судя по приведенным летописным известиям, проходила именно по р. Свинь. Следует отметить, что и в позднее средневековье данная водная артерия имела такой же статус. По этому поводу в грамоте польского короля Сигизмунда III (1625 г.) отмечено: «Граница помянутых Черниговских городских земель идет таким образом ... к Любецкому острову в речку Свинью, Свиньею на низь по озеру Стародубь, чрезь реку Десну, по Свинский перевоз ...» [Ханенко, 1864, с. 63]. В наши дни название «Свинь», относящееся к гидрониму, находящемуся в рассматриваемой местности, не сохранилось, однако благодаря позднесредневековым документам, летописную речку можно уверенно отождествлять с современной р. Замглай, один из притоков которой и сегодня называется «Свинка» [Голубовский, 1908, с. 36; Васюта, 2000, с. 31; Кужильный, 1995, с. 82-83]. Таким образом, приведенные факты позволяют считать, что юго-западный участок границы Сновской тысячи от верховьев р. Крюкова проходил по современной р. Замглай до её впадения в р. Десна.

Как свидетельствует проведенное исследование, очерченная территория древнерусской Сновской тысячи охватывала около 14 тыс. кв. км. Согласно выводам П. П. Толочко, для Киевской земли этот показатель составлял около 12 тыс. кв. км [47, с. 97]. Следовательно, по своей площади Сновская тысяча фактически не выходила за рамки среднестатистических размеров подобных административно-территориальных формирований в Южной Руси.

Сновская тысяча являлась составляющей частью «Русской земли» в узком значении этого термина. Соответственно, определение её границ значительно дополняет наше представление о времени, а также направлениях феодализации и расширения государственной территории Руси на Левобережье Днепра в конце IX – рубеже X/XI вв. Кроме того, в 1097 г. было создано Новгород-Северское княжество, самой крайней волостью на западе которого стала Сновская тысяча. Следовательно, реконструкция северного, западного и южного участков рубежа этой административной единицы даёт представление и о границе между Черниговским и Новгород-Северским княжествами в данном регионе. Решение таких историко-географических вопросов в значительной мере также способствует и объяснению многих моментов политической истории Чернигово-Северской земли в древнерусскую эпоху.

Библиографический список

1. Андріяшев О. М. Нарис історії колонізації Сіверянської землі до початку XVI віку // Записки Історико-філологічного відділу ВУАН. – Київ, 1928. – Кн. XX.
2. Археологическая карта России : Брянская область. – М., 1993.
3. Багалея Д. И. История Северной земли до половины XIV столетия. – Киев, 1882.
4. Барсов Н. П. Географический словарь Русской земли (IX – XIV ст.). – Вильно, 1865.
5. Васюта О. О. «Реєстр чернігівських границь» XVI ст. як джерело з історії Сновської тисячі // Сіверянський літопис. – 2000. – № 3.
6. Васюта О. О. Сновська тисяча в системі взаємостосунків чернігово-сіверських князів у XI-XIII ст. // Сумська старовина. – 2003. – № XI-XII.
7. Васюта О. О. Засади функціонування та час виникнення «тисяч» у давній Русі // Сіверянський літопис. – 2009. – № 4.
8. Васюта О. О. Летописная Сновская тысяча по этническому составу населения в X – середине XIII вв. // Русский сборник. – Брянск, 2013. – Вып. 7.
9. Виноградський Ю. С. Сосниця та її околиці. Топографічні й археологічні матеріали, перекази та історичні відомості // Чернігів і Північне Лівобережжя. – Київ, 1928.
10. Виноградський Ю. С. До історії колонізації Середньої Чернігівщини // Історико-географічний збірник. – Київ, 1931. – Т. 4.

11. Голубовский П. В. Историческая карта Черниговской губ. до 1300 г. // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе 1905 г. – М., 1908. – Т. 2.
12. Григорьев А. В. Северянская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным // Труды Тульской археологической экспедиции. – Тула, 2000. – Вып. 2.
13. Грушевський М.С. Історія України – Руси. – Київ, 1992. – Т. 2.
14. Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А. «Внутренние пограничья» Древней Руси: К постановке проблемы // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посем'я. – Білопілля, 1994.
15. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. (Археологическая карта). – Киев, 1984.
16. Жаров Г. В. Округа селища Автуничи в 1-2 тыс. н. э. // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. – Чернігів, 1993.
17. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888-1902 гг. – СПб, 1908.
18. Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X-XIII вв. – М., 1975.
19. Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. – СПб, 1892.
20. Карамзин Н. М. История государства Российского. – М, 1988. – Кн. 1.
21. Коваленко В. П. Кордони та природні умови літописної Сновської тисячі // Археологічні старожитності Подесення. – Чернігів, 1995.
22. Коваленко В. П., Орлов Р. С. Работы Новгород-Северской экспедиции // АО 1979 года. – М, 1980.
23. Коваленко В. П., Шекун А. В. Летописный Листвен (к вопросу о локализации) // Советская археология. – 1984. – № 4.
24. Кужільний І. Д. Свинь чи Замглай? // Сіверянський літопис. – 1995. – № 3.
25. Куриленко В. Є. До локалізації літописного міста Хоробора // Український історичний журнал. – 1993. - № 1.
26. Кучера М. П. Переяславское княжество // Древнерусские княжества X-XIII вв. – М., 1975.
27. Лазаревский А. М. Описание старой Малороссии. – Киев, 1893. – Т. 2.
28. Макушнікаў А. А. Рубяжы Гомійскай воласці ў XII-XIV ст.ст. (спроба рэканструкцыі) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Памяці Міхася Ткачова. – Мінск, 1993. – Ч. 2.
29. Мёрдер А. Известие о Мглине 1455 г. // Киевская старина. – 1902. – январь. – Т. LXXVI. – Отдел 2.
30. Мец Н. Д. Сребреники из с. Митьковки // Советская археология. – 1960. – № 1.
31. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. – М, 1951.
32. Неволин К. А. Исследования о городах русских. Общий список русских городов // Журнал Министерства внутренних дел. – 1844. – Т. XII.
33. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 1: 1487-1533 // Сборник императорского Русского исторического общества. – Спб., 1892. – Т. 35.
34. Переписні книги 1666 року. – Київ, 1933.
35. Пильник А. Г. Правобережне Поснов'я в X-XIII ст. // Минувле Сосниці та її околиць. – Чернігів, 1990.
36. Погодин М. П. Розыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240 год // Журнал Министерства внутренних дел. – 1848. – № 9.
37. Поляков Г. П. Летописное «Подесенье» // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX-XIII вв.» – Чернигов, 1988.
38. Поляков Г. П. Корачев и «Лесная земля» в XII веке // Тезисы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX-XIII вв.» – Чернигов, 1990.
39. Поляков Г. П., Шинаков Е. А. Летописный Рогов // Любецкий з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. – Чернігів, 1997.
40. ПСРЛ. (Ипатьевская летопись). Т. 2. – М, 1962.
41. ПСРЛ. (Летопись по Воскресенскому списку). Т. 7. – СПб, 1856.
42. ПСРЛ. (Никоновская летопись). Т. 11. – СПб, 1897.
43. Русина О. В. Из спостережень над «Реєстром чернігівських границь» з 20-х років XVI століття // Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. – Львів, 1993. – Т. ССХХУ.
44. Русина О. В. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. – Київ, 1998.
45. Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. – М, 1908.

46. Сытый Ю. Н. К истории изучения Черниговского Задесенья // Проблемы археологии Южной Руси. – Киев, 1990.
47. Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. – Киев, 1989.
48. Филарет. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов, 1874. – Кн. 6.
49. Фомин А. В. Топография кладов куфических монет X в. междуречья Днестра и Десны // Чернигов и его округа в IX-XIII вв. – Киев, 1988.
50. Ханенко А. Исторический очерк межевых учреждений в Малороссии. – Чернигов, 1864.
51. Шинаков Е. А. Поселения у с. Левенка (К вопросу о пунктах-погостах Древней Руси) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII Съезда КПСС. – М., 1987.
52. Шинаков Е. А. Северные границы «Русской земли» X века // Тезисы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX-XIII вв.». – Чернигов, 1990.
53. Шинаков Е. А. От пращи до скрамасакса: на пути к державе Рюриковичей. – Брянск, 1995.
54. Шинаков Е. А. Пути формирования городов в Деснинском регионе Древней Руси // Русский сборник. – Брянск, 2008.
55. Шинаков Е. А. Миненко В. В. Локализация Ормины и Ропеска – летописных центров Черниговской земли // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. – Чернігів, 1993.
56. Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н. Русско-радимичское пограничье середины X – XII вв.: природно-географический аспект // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1994. – № 3.
57. Шинаков Е. А. Ющенко Н. Е. Стародуб и его округа в конце X-XII вв. // Проблемы социальной истории Европы: от античности до нового времени. – Брянск, 1995.



Сведения об авторе:

Васюта Олег Олегович – заместитель заведующего отделом научных исследований пещер и памятников археологии, Национальный архитектурно-исторический заповедник «Чернигов древний», г. Чернигов, Украина, E-mail: atchatte@gmail.com

УДК: 913(1-924.85/.86)

И.С. Коротких

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Аннотация: Статья посвящена изучению антропогенного воздействия на природную среду на юге Центральной России на примере Воронежской губернии. В ходе исследования было определено соотношение естественных и антропогенных факторов развития аграрного общества исследуемого региона во второй половине XIX - начале XX вв.

Ключевые слова: историческая география, антропогенные факторы, аграрное общество, Воронежская губерния, природная среда.

Korotkih I.S. Historical and geographical position of voronezh province in the late XIX-early XX centuries

Abstract: The article is devoted to the study of anthropogenic impact on the natural environment in the South of Central Russia on the example of the Voronezh province. In the course of the study, the ratio of natural and anthropogenic factors of the agricultural society development in the region under study was determined in the second half of the XIX-early XX centuries.

Keywords: historical geography, anthropogenic factors, agricultural society, Voronezh province, natural environment.

Демографические процессы, протекающие на территории отдельно взятого региона, несомненно, оказываются под влиянием различных факторов. Важнейшими из таких факторов, определяющими вектор демографического развития конкретной территории, являются природно-климатические условия и географическое положение данной местности. Трудовая деятельность крестьян в условиях традиционного аграрного общества, существовавшего в России в рассматриваемый период конца XIX - начала XX вв., во многом зависела от природы. Климатический режим, ландшафт, характер почв, наличие лесов и водных ресурсов - это те факторы, которые не только определяли хозяйственный уклад жизни сельского населения, но и непосредственно воздействовали на вектор хозяйственного развития региона в целом. Однако, деятельность человека, в свою очередь, оказывала не менее значительное влияние на окружающую среду, превращая природные ландшафты в антропогенные [1; 11; 13].

В настоящее время в отечественной исторической науке стали появляться труды, изучающие антропогенное влияние человека на природу в исторической ретроспективе, в том числе и по Центральному Черноземью [7; 8; 10; 16]. Социально-экономические и политические проблемы, например, крестьянское переселение, революции, порожденные негативным воздействием антропогенеза, чрезмерное воздействие человека на окружающий мир стало в центре научных изысканий историков [2; 4; 9]. Процессы изменения природных и, соответственно, климатических условий края, а также причины этих процессов требуют отдельного рассмотрения, как это было сделано по соседним с Воронежской губерниям [3; 6]. В связи с этим, актуальность такого исследования в рамках Воронежской губернии является вполне обоснованной.

Воронежская губерния была довольно значительной по своим размерам и занимала площадь в 57 902 кв.в. Ее климат был умеренным и отличался лишь тем, что в южных уездах губернии температурный режим был несколько выше, чем в уездах, располагавшихся ближе к северу. Это отражалось на видовом разнообразии сельскохозяйственных культур, выращиваемых крестьянами, а также на некотором различии в сроках начала и окончания работ сельскохозяйственного цикла.

Основными агрокультурами, возделываемыми крестьянами на территории губернии являлись: рожь, пшеница, овёс, ячмень, просо, гречиха, горох. Рожь занимала 2/3 озимого посева губернии, треть засеивалась озимой пшеницей. Половину ярового сева занимал овёс, а вторая половина засеивалась другими хлебами, преимущественно пшеницей. Помимо хлеба выращивались различные технические культуры: лён, конопля, подсолнечник, мак, свекловица, табак. Широкое распространение в губернии получил картофель. Жители южных уездов (Павловского, Новохопёрского), благодаря более жаркому степному климату активно занимались бахчеводством - выращиванием огурцов, дынь, арбузов [12, с. 398].

Воронежский край представлял собой лесостепь в виде больших открытых пространств, разреженных незначительными лесными насаждениями. В масштабе губернии наиболее богаты лесами были Воронежский, Задонский, Коротоякский, Павловский, Бобровский, Новохопёрский уезды, расположенные в северо-западной части края. В целом, лесов на территории губернии было немного. В XIX в. существовало всего лишь несколько довольно крупных лесных массивов - это Усманский лес (Воронежский уезд), Шипов лес (Павловский уезд) и Теллермановский (Новохопёрский уезд). Южные степные уезды были всегда бедны лесами. Как пример, в Богучарском – самом южном уезде губернии, в середине XIX в. доля лесов составила всего 4,9% от общей площади уезда [5, с.54].

Расширение пашенных угодий могло быть следствием увеличивающейся численности населения. За вторую половину XIX в. площадь пашни значительно возросла в 11 из 12 уездов губернии. Исключением стал только Воронежский уезд, в котором, наоборот, несмотря на колоссальный прирост жителей, посевные площади сократились на 1%. Это объясняется тем, что уезд являлся центром промышленного производства губернии и на его территории были расположены почти половина заводских и мануфактурных предприятий всего Воронежского края. Промышленности требовалась древесина, в том числе в качестве топлива. За 50 лет в уезде было сведено 5,5% лесов. Уменьшилась и площадь сенокосных угодий. Конечно, возросшее количество жителей повлекло за собой значительное расширение территории губернского города Воронежа, которое осуществлялось за счёт поглощения сельскохозяйственных площадей.

Наблюдавшийся рост пашенных угодий происходил с различной интенсивностью. В большинстве чернозёмных уездов основной земельный фонд был распахан уже к середине XIX в. Сохранившиеся целинные земли в южных уездах начали обрабатываться несколько позже. К началу XX в. процент посевных площадей в уездах приблизился к максимальным значениям. Наименьший показатель распашки был зафиксирован в Новохопёрском уезде, в котором под пашню отводилось 60% территории. За ним следуют Острогожский, Воронежский и Павловский уезды с долей посевных площадей в 64, 65,2 и 66% соответственно. В Валуйском уезде 67% территории было занято под земледелие. Показатель в 68% разделили между собой Коротоякский и Бобровский уезды. В Задонском уезде пашня занимала 70,9%. Ещё более высокие значения - 72 и 74% были отмечены в Бирюченском и Богучарском уездах соответственно. Наконец, максимальные доли пахотной земли в 77 и 80% территории принадлежали чернозёмным Нижнедевицкому и Землянскому уездам, расположенным на северо-западе Воронежской губернии.

Расширение пашенных угодий, как уже говорилось, могло происходить за счёт вырубki и без того немногочисленных лесов, что подтверждается статистическими данными. Если в первой половине XIX в. лесные насаждения занимали 9,7% территории губернии, то к рубежу XIX - XX вв. показатель лесистости Воронежской губернии ожидаемо уменьшился, составив 8,7% [13; 14].

В каждом уезде наблюдались более или менее интенсивные процессы лесоистребления. Так, например, за период второй половины XIX в., в Задонском уезде, при увеличении посевных площадей на 13,9% доля лесов сократилась на 11,4%. А вот в Богучарском уезде пашня была увеличена на 12,2% за счёт распашки целинной земли, поэтому площадь лесных насаждений сократилась здесь всего на 0,9%. В свою очередь, уменьшение целинных степных площадей, распашка лугов и сенокосных угодий, привело к упадку скотоводства в губернии и уменьшению поголовья разводимого скота.

Рассматривая динамику сельскохозяйственного производства Воронежской губернии с середины XIX столетия до рубежа XIX - XX вв., можно говорить о негативных процессах, происходивших в этой среде. Отмеченное нами выше, увеличение пахотных угодий до 69% от общей площади, свидетельствует о том, что агротехнологии в крестьянской среде на протяжении XIX в. не развивались. Крестьяне продолжали использовать трёхпольную систему земледелия. Ввиду отсутствия прогресса в среде промышленного и мануфактурного производства, орудия труда земледельцев не совершенствовались. Удобрения в почву, по-прежнему, не вносились, в результате чего плодородный слой почвы истощался, а урожайность неуклонно уменьшалась. Таким образом, увеличивая площадь пахотных земель, сельское хозяйство шло по экстенсивному пути развития.

Практически вся промышленность, существовавшая в губернии, была связана с её аграрным характером и нацелена на переработку продукции сельского хозяйства. Воронежский край относился к хлебородным местностям Российской империи, огромные территории, занятые под земледелие позволяли производить колоссальное количество зерна. Объёмы выращиваемого хлеба были значительно выше, чем требовалось для внутреннего потребления, поэтому зерно было одним из основных товаров, отправляемых на экспорт. Но, слабое развитие внешней торговли, отсутствие инфраструктуры в виде развитой дорожной сети - всё это приводило к образованию большого количества нереализованного хлеба. Эти излишки перерабатывались на винокуренных заводах, которые составляли наиболее значительную часть промышленных предприятий губернии. Далее по важности производства можно выделить салотопенные и шерстомойные заводы, суконные фабрики, перерабатывающие продукцию скотоводства, а также свеклосахарные заводы.

Конечно же, основной причиной увеличения посевных площадей был активный рост населения. В Воронежской губернии изучаемого периода наблюдался демографический бум. Происходило постепенное увеличение естественного прироста населения. Так, численность жителей Воронежской губернии в середине XIX в. составляла 1 878 010 человек, а уже к рубежу XIX - XX вв., по данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., на территории губернии проживало 2 531 253 человек [15, с.10]. Таким образом, прирост населения за полувековой период составил 35%. В этом плане абсолютными рекордсменами стали Воронежский и Бобровский уезды, в которых число жителей за полвека возросло на 52% и составило, соответственно, 273832 и 286745 человек, а на втором месте оказался Новохопёрский, численность населения которого, за аналогичный хронологический период, увеличилась в 1,5 раза и составила 192436 душ. Минимальные темпы роста населения были отмечены в Бирюченском уезде - 13%. В остальных уездах губернии данный показатель колебался в рамках от 20 до 40%.

Значительное увеличение плотности населения вело к уменьшению доли земли на душу населения. Этот показатель, в течение второй половины XIX в. сократился на 0,3 и составил в среднем по губернии 1,6 десятины земли на человека.

Таким образом, на рубеже XIX-XX вв., Воронежская губерния продолжала оставаться типично аграрным регионом. Прогресса в промышленной отрасли не наблюдалось. Сущест-

вующие промышленные предприятия были нацелены, в основном, на переработку аграрной продукции. Земледелие являлось всепоглощающей сферой деятельности населения. Подавляющее большинство крестьян было занято в сфере сельского хозяйства, причём, объёмы земледелия лишь увеличивались. Так, площадь пашни, занимавшая в середине XIX в. чуть более 60% территории, к концу столетия составляла уже 69%.

Подводя итог, можем сказать, что в Воронежской губернии очень активно и в больших масштабах шло освоение земельных угодий. Распашка земель под сельскохозяйственные нужды происходила за счёт сведения и без того немногочисленных лесов, уничтожения луговых угодий. Негативными последствиями такой деятельности стала эрозия почв, и, следовательно, уменьшение их плодородия [17]. В совокупности с экстенсивными методами хозяйствования, всё это проявлялось в неэффективности земледелия. Таким образом, антропогенное влияние человека на окружающую природу в пределах Воронежской губернии можно охарактеризовать как довольно значительное, поэтому, дальнейшая хозяйственная деятельность крестьян, направленная в таком же ключе, могла привести к серьёзным негативным экологическим последствиям и вела к социально-экономическим проблемам.

Библиографический список

1. Александров Н.М. Проблемы аграрной России (вторая половина XIX – начало XX в.) – Ярославль, 2003. 63 с.
2. Бочаров В.О. Крестьянское переселение из центральных областей России в годы столыпинских преобразований // 10 корпус. – 2017. – №3. – С.38-42.
3. Жиров Н.А. Особенности историко-географического положения Верхнеокского района в середине XIX в. (по материалам Орловской губернии) // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – №2. – С.52-57.
4. Жиров Н.А. «Русский бунт, бессмысленный и беспощадный...» к столетию революции 1917 г. в России // Вестник архивиста. – 2018. – №1. – С. 169-180.
5. Загоровский В.П. История Воронежского края от А до Я. - Воронеж, 1982. – 312 с.
6. Канищев В.В., Жиров Н.А. Моделирование историко-географического районирования (на материалах Юга Центральной России XIX в.) / В.В. Канищев, Н.А. Жиров // История: факты и символы. – Елец, 2015. Вып. 1 (№2). С.63-81.
7. Канищев В.В. Сравнительный анализ погодных проявлений на Северо-Западе европейской части России и Юге центральной части страны в первые годы XVIII в. // Северо-Запад в аграрной истории России. – Калининград, 2015. Вып. 21. – С. 37-46.
8. Канищев В.В., Мизис Ю.А. К вопросу о методах историко-климатических исследований: московские погоды в середине XVII и середине XX вв. //История и современность. – 2014. – №2. – С. 17-23.
9. Канищев В.В. Региональные особенности экологических процессов в России второй половины XIX — начала XX в. (Тамбовская и Тверская губернии) // Вестник Тверского ГУ. – 2010. - № 2. – С.133-140.
10. Костовска С.К., Стульшапку В.О. Климатические условия Средне-русской лесостепи во второй половине XIX — первой половине XX в. //Вестник Тамбовского ГУ им. Г. Р. Державина. Сер.: Естественные и технические науки. – 2014. – №1. – С. 234-241.
11. Ляпин Д.А., Жиров Н.А. Динамика социальной организации городов юга России в контексте урбанизации и освоения региона в конце XVI - первой половине XVII вв. // Filo Ariadne. – 2016. - №2. – С. 24-37.
12. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний/ Под ред. Л.Б. Вейнберга. Вып. VI. – Воронеж, 1885. – С.398.
13. Статистический ежегодник России на 1912 г. – С- Петербург, 1912. – С. 106-107.
14. Списки населенных мест по сведениям 1859 года. Воронежская губерния. – СПб., 1865. – С.25-38.

15. Тройницкий Н.А. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД. Т.2. – СПб., 1904. – С.10.
16. Цинцадзе Н.С. Демографические и экологические проблемы развития аграрного общества России во второй половине XIX — начале XX века в восприятии современников / отв. ред. В. В. Канищев. – Тамбов, 2012. – 286 с.
17. Экологические проблемы модернизации российского общества в XIX – первой половине XX вв.: сб. ст. / отв. ред. В. В. Канищев. – Тамбов, 2005. – 125 с.



Сведения об авторе:

Коротких Иван Сергеевич – магистрант Института истории и культуры Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

УДК 94(47).084.3.(282.247.41)

А.В. Посадский

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Аннотация. Статья посвящена современной историографии крестьянского участия в Гражданской войне в Среднем и Нижнем Поволжье. Наиболее ярко это участие выразилось в форме повстанческого движения. В статье показано, что проблематика крестьянского участия в гражданской войне продолжает вызывать сравнительно широкий интерес. Рассматриваются наиболее значительные работы последних двух десятилетий, а также анализируются проблемы и задачи в изучении заявленной темы.

Ключевые слова: Гражданская война, Поволжье, крестьянство, повстанческое движение, народные лидеры.

A. V. Posadsky The peasant movement in the years of the civil war in the territory of the Middle and Lower Volga region: the state and problems of contemporary historiography

Abstract. The article is devoted to the modern historiography of peasant participation in the Civil war in the Middle and Lower Volga region. This participation was most pronounced in the form of a rebel movement. The article shows that the problems of peasant participation in the civil war continues to cause a relatively wide interest. The most significant works of the last two decades are considered, as well as the problems and tasks in the study of the declared topic are analyzed.

Keywords: Civil War, Volga region, peasantry, rebel movement, popular leaders.

Любая тема переживает свои пики и спады. Мы вправе полагать, что проблематика крестьяноведения и гражданской войны в России испытала примерно хронологически единый взлет в конце 1980-х – 1990-х гг. Далее интерес профессионализировался, и отдельные сюжеты продолжали разрабатываться уже вне повышенного общественного внимания и ажиотажа. В их числе – и сюжеты Гражданской войны в Поволжье.

Среднее и Нижнее Поволжье – это переселенческий край со смешанным славяно-угорско-тюркским, а также немецким (колонисты), на юге – калмыцким и казахским населением. Крестьянский массив издавна граничил здесь с казачьим населением – волжским, донским, астраханским, яицким. Данное обстоятельство, естественно, окрашивало и участие крестьянства в Гражданской войне.

Каждое село пережило свою «гражданскую войну», в этом смысле региональная история, малая история имеют значительные возможности для реализации обсуждаемой темы. Вместе с тем, Поволжье знает ряд массовых крестьянских вооруженных выступлений, прежде всего, Чапанную войну 1919-го и Вилочное восстание 1920-го гг., чапаевскую эпопею, восстания А. Сапожкова – В. Серова, К. Вакулина – Ф. Попова, долгое нижеволжское повстанчество. Существовавшие с конца XVIII столетия губернии образовали достаточно устойчивые региональные пространства со своим губернским самоощущением. Вместе с тем, обширнейшее Заволжье хозяйственно жило несколько обособленной жизнью, соприкасаясь с

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00149 «Феномен «красного» повстанчества в гражданской войне: сопряженность идейных установок, военных и организационных решений (Центральное Черноземье, Поволжье и Южный Урал)».

восточными народами, не испытывая жгучей земельной нужды. Это также проявилось в годы Гражданской войны. Мы в свое время давали характеристику Саратовскому Поволжью как исторически единому пространству в панораме Гражданской войны [32].

В советской историографии долгое время существовали идеологически мотивированные темы исследований, такие как «борьба за хлеб», «крах» или «банкротство» непролетарских слоев или партий, «упрочение» советской власти и т.п. Она оперировала термином «политический бандитизм», что делало мнимо бессубъектной массовую и мотивированную крестьянскую борьбу и позволяло рассуждать под углом зрения «искоренения», «преодоления» бандитских проявлений, не разделяя «бандитизм» политический и уголовный. В рамках советской историографии достаточно достоверную и широкую картину развития повстанческого движения нарисовал в свое время И.Я. Трифонов [40]. Он выступает с ортодоксально-коммунистических позиций, однако дает довольно подробную картину вооруженной борьбы и показывает ее масштаб. В числе крупных регионов, охваченных вооруженным крестьянским повстанческим движением, оказывается и Поволжье [40, с.259 - 263].

Как и во многих затронутых войной губерниях, применительно ко многим районам Поволжья можно ставить вопрос о нижней границе начала гражданской войны. В селах со значительным расслоением, широким развитием найма, уже весной 1918 г. известны жестокие и широкомасштабные акты с массивным насилием. Это, например, события в заволжской самарской Семеновке, вооруженное размежевание в слободах Камышинского уезда Саратовской губернии и др.

Многие современные историки, работающие над имперскими сюжетами, сознательно не желают переходить рубеж 1917-го года. Это касается и крестьяноведческой проблематики. Казанский исследователь Д.И. Люкшин в своей известной монографии предложил, используя средневожские материалы, картину крестьянского возмущения за середину XIX в. – 1917 г. [23] Он оперирует термином «общинная революция». Этот автор интересно пишет о 1917-м годе, не переходя условную границу между темой крестьянства в революции и проблематикой воюющего крестьянства в Гражданской войне. О.А. Сухова поддерживает термин «общинная революция», рассматривая его в социально-психологическом ключе [39]. Собственно повстанческого движения она, как правило, не касается, однако разрабатывает матричные сюжеты крестьянского пореволюционного поведения [38], что интересно и важно историкам крестьянского участия в Гражданской войне.

Значительные коллективные работы созданы под руководством известного саранского историка В.А. Юрченкова [5,20,34]. В них рассматриваются многие линии как социальной, так и военной истории крестьянского участия в Гражданской войне, широко представлены поволжские сюжеты.

Активная работа крестьяноведов в Пензе выделяет этот регион не только как один из поволжских, но и как крупный методологический центр разработки проблем социальной активности российского крестьянства. Пенза представлена именами известного аграрника В.В. Кондрашина, уже упомянутой нами О.А. Суховой, О.В. Ягова. Большим историографическим событием стала докторская диссертация В.В. Кондрашина [16]. Научным консультантом выступил автор концепции «крестьянской революции» в России В.П. Данилов. На основе диссертации автор подготовил монографию [17]; в более обобщенном виде тема раскрыта в монографии [18], изданной в серии «История сталинизма». В.В. Кондрашин отмечает общедемократический характер крестьянской борьбы, отсутствие в ней монархических мотивов.

Стоит пожалеть о распаде саратовской школы аграрных исследований, в свое время возглавлявшейся директором академического института социально-экономических проблем АПК В.Б. Островским. Сюжеты Гражданской войны не были в рамках этой школы приори-

тетными по обстоятельствам времени, но имели шанс выйти на видное место в рамках методологии междисциплинарного изучения крестьянства. Тем не менее, саратовские авторы работают по тематике крестьянского участия в Гражданской войне. Общий очерк А.В. Гончарова и В.Н. Данилова подвел первые итоги постсоветского изучения темы [13]. Кузнецов М.В. посвятил свою кандидатскую диссертацию исследованию крестьянства в годы Гражданской войны [21]. В главе третьей автор ведет речь о крестьянском этапе гражданской войны и рассматривает последовательно «крестьянскую войну» и «бандитизм» на протяжении 1921 – 1922 гг. Историография немецкого присутствия в Поволжье обогатилась в постперестроечный период усилиями целого сообщества историков. Значительное внимание участию немецкого населения в Гражданской войне уделяет саратовский историк А.А. Герман [10,11,12]. В частности, он подробно описал наиболее крупное восстание немецких крестьян в январе 1919 г. в селе Варенбург и оценил участие немецких колонистов в массовом повстанческом движении в 1920 – 1921 гг.

Сугубо военная тематика, коль скоро речь идет о Гражданской войне, также неизбежно включает в себя проблематику крестьянских настроений, импровизированных формирований, народных лидеров. Подобные сюжеты оказываются в поле зрения Е.О. Наумова, исследователя создания 1-й армии РККА в Среднем Поволжье [25]. Сегодня в военной истории активно развивается биографический жанр. В приоритетной мере это касается Гражданской войны. Так, например, подробное изучение А.В. Ганиным судьбы полковника Ф.Е. Махина затронуло интересные сюжеты выстраивания регулярных войск Комуча из повстанческих войск Вольского и Хвалынского уездов Саратовской губернии [7,8,9].

Самарский край в советское время имел своего летописца Гражданской войны, который выстроил довольно подробную хронологию событий [29,30,31]. Ему же принадлежит более раннее исследование о судьбе Комуча и, в частности, борьбе крестьян против его власти [28]. Несмотря на очевидную идеологическую пристрастность, автор в своих хрониках предлагает последовательность таких событий (на территории Самарской губернии), как Чапанная война, восстание «Черного орла», восстание А.П. Сапожкова. По соседним губерниям подобной работы до сих пор не проведено. Однако недавно значительный труд появился на свет усилиями двух саратовских авторов-составителей А.В. Кумакова и А.А. Симонова. Это документальная антология, построенная из документов советского делопроизводства, мемуаров и публикаций саратовской прессы за период октября 1917 – конца 1918 гг. [22] Крестьянско-повстанческие сюжеты не являются, просто в силу хронологических обстоятельств, приоритетными, но присутствуют, особенно во втором томе. В частности, значительное отражение нашел ранний этап чапаевского начинания, отражение в прессе, в слухах крестьянских волнений и восстаний, начинавшихся летом и расширявшихся осенью 1918 г., с объявлением массовой мобилизации и усилением нажима по линии «хлебосдачи».

В ряде регионов вышли ведомственные истории органов госбезопасности. Данные труды могут быть весьма не равноценными, однако в Поволжье следует назвать по крайней мере два успешных проекта, касающихся Ярославской области и Республики Мордовия [4,26]. Остановимся на последнем. Мордовский край довольно скромно представлен на карте Гражданской войны. Тем не менее, авторы смогли показать картину вооруженного противодействия крестьян советской власти, масштаб борьбы, динамику настроений деревни под воздействием политики «военного коммунизма».

Сильным аккумулятором текстов по проблематике участия крестьянства в политическом процессе пореволюционных лет стали научные мероприятия и сборники, сформированные в рамках научного проекта «Народ и власть» под руководством С.Ю. Разина и П.П. Марчени. Проект широко представлен в сети «Соционет». При этом собственно дискурс

вооруженного крестьянского движения и повстанчества руководителями проекта не рассматривается как ведущий в проблематике. В результате же деятельности исследовательского проекта «Народные вожаки 1918-1922 гг.», инициированного автором настоящей статьи, сформировался комплекс исторических исследований [3,6,19,24,27], сориентированный именно на вооруженное крестьянское участие в Гражданской войне. В частности, А.Н. Грищенко и В.Г. Яценко представили работы по истории движения бывших красных командиров. Это восстания Г. Маслакова, К. Вакулина – Ф. Попова, М. Пятакова, И. Колесова. Названные движения дали значительные рейдовые формирования повстанцев. Командиры пытались расширить арену борьбы, перемещаясь от верхнедонских округов до Хвалынского. При этом обширное самарско-астраханское Заволжье имело свою логику борьбы, антибольшевистскую изначально, свою организацию под именем «степных партизан». Подробное исследование всей траектории борьбы этих формирований демонстрирует устойчиво губернскую ориентацию участников на этапе поражения. Армия Ф. Попова распадается на «донцов», «самарцев» и «саратовцев». В то же время победы вовлекают в повстанческое движение все новые территории, объединяя русские, украинские, немецкие села и казачьи станицы. Движение Вакулина, помимо того, что оно поднято недавним красным командиром, демонстрирует еще один интересный сюжет. Основное ядро командиров-вакулинцев – выходцы из верхнедонских станиц, которые в 1918 г. дали значительные кадры в красные войска. Этот как раз «мироновские» станицы 1918-го года – Глазуновская, Малодельская и др. Данный факт позволяет размышлять о вариантах союзного поведения крестьян и казаков и об эволюции революционаризма активистов 1918-го года к осени 1920-го. Движение, как известно, широко распространилось вверх по Волге, на аграрные районы Саратовской и Самарской губерний. В.Г. Яценко является автором содержательной монографии, - вышло два издания, второе – существенно расширенное [42,43]. М.М. Биндусов – энтузиаст эпопеи Вакулина – Попова смог предложить первую системную биографию Федора Попова, отметив обстоятельства его скоропалительного расстрела недавними сослуживцами по красной службе. Автор делает предположение, что в условиях окончания повстанчества многим бывшим колебавшимся красным командирам опасны были развернутые показания Ф. Попова, которые он мог бы дать при более или менее правильном следствии [6, с.322 – 333, 336 – 337].

В советские десятилетия официальная слава В.И. Чапаева была доведена пропагандой едва ли не до гротеска, особенно в массовом сознании. Поэтому изучение корпуса чапаевских командиров, параллельное изучение «античапаевской» активности части заволжской деревни, отток чапаевских кадров в антибольшевистские повстанческие формирования в 1920 – 1921 гг. – это по-прежнему научно значимые темы. При этом множатся научно-популярные, публицистические версии [14,15,41], которые дают зачастую откровенно недостоверную картину как судьбы самого В.И. Чапаева, так и, тем более, судьбы всего круга чапаевских командиров. Недавняя книга П. Аптекаря подготовлена как популярная версия, однако с привлечением некоторого массива неопубликованных документов [2]. В любом случае, общие биографии, как правило, акцентируют внимание отнюдь не на самом перспективном в просопографическом плане: рождении в определенных социально-хозяйственных обстоятельствах крупного активного ядра крестьянских командиров и их земляков-бойцов, проявлениях местной борьбы, роли соседства с Николаевским уездом Самарской губернии уральского казачества, эволюции настроений чапаевских командиров от 1918-го к 1921 гг. А.А. Симонов, наиболее авторитетный исследователь чапаевской тематики, в числе многих своих работ по теме [35,36 и др.], дал большой очерк в территориальной логике - как историю Николаевского уезда в годы Гражданской войны [37]. Трудями этого автора выстраивается достоверная и богато представленная персоналиями картина развития в заволжском

сельском уезде красногвардейского и красноповстанческого, антиказачьего массового движения.

Интересно, что в информационном пространстве республиканских субъектов федерации революция имеет дополнительный плюс как начало национальной государственности. Поэтому крестьянская борьба, насколько можно заметить, рассматривается более в страдательном, чем субъектном ключе. Это касается в первую очередь событий в Казанской губернии, отчасти Симбирской, Тамбовской и Пензенской, по имперскому территориальному делению.

На сегодняшний день сравнительно хорошо исследованы основные события вооруженного участия крестьянства в гражданской войне в Поволжье. Хотя многие сюжеты крестьянского участия в Гражданской войне требуют дальнейшей разработки. Так, история Чапанной войны и восстания «Черного орла» оставляет обширные возможности для дальнейшего изучения. Пока это главным образом прерогатива краеведов. Мы в свое время высказывали соображение о том, что события в начале марта 1919 г. в Саратовской губернии составляют единую протестную логику с Чапанной войной, хотя и не развились в большое движение [33, с.134 - 135.].

Можно увидеть контуры интересной исследовательской задачи: проследить связь между «общинной революцией» 1917 – 1918 гг. и массовой вооруженной борьбой крестьянства в 1918 – 1922 гг. С одной стороны, эта связь очевидна. С другой – механизмы мобилизации, выдвижение лидеров, массовость участия в борьбе за землю с привычными противниками и при поддержке революционного города, - и жестокая война за свою уже землю, за право распоряжаться плодами труда на ней, представляют собой существенно разные явления.

Слабо разработаны связи между лидерами крестьянского – красногвардейского – движения 1917 – 1918 гг. и повстанчества 1920 – 1922 гг. Остается значимым для изучения вопрос о связях между крестьянскими повстанцами и казаками в рядах красноповстанческого или антибольшевистского повстанческого движения. Практически не разработана проблематика активности астраханской деревни на протяжении 1918 – 1922 гг. Данная губерния дала много кадров в антибольшевистскую борьбу. Самостоятельным сюжетом являются взаимоотношения астраханских крестьян с казаками и калмыками в событиях междоусобицы. Остается в тени, например, известный по белогвардейским мемуарам сюжет с белыми партизанами на Каспии под руководством Склянина с кадром из астраханских рыбаков.

Сравнительно (подчеркнем!) хорошая на сегодняшний день изученность фактической стороны крупных крестьянских вооруженных выступлений в рассматриваемом регионе позволяет двигаться дальше – в сторону изучения персоналий и исследования идейной, организационной сопряженности, личностных связей между инициаторами, руководителями и участниками различных выступлений. Необходимо продолжать исследовательскую деятельность по выявлению степени субъектности, самостоятельности, или напротив, ведомости крестьянского движения в годы Гражданской войны.

Библиографический список

1. Аншакова Ю.Ю. Крестьянские восстания в Среднем Поволжье в 1918-1920 гг. Дисс. ... канд. ист. наук (Самара, 1998).
2. Аптекар П.А. Чапаев. М.: Молодая гвардия, 2017.
3. «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сб. статей и мат-лов. Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2015.
4. Верой и правдой: ФСБ. Страницы истории / Упр. Федер. службы безопасности по Яросл. обл. - Ярославль: НЮАНС, 2001.

5. Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918-1920 гг. Саранск, 2010.
6. Вожаки и лидеры Смуты 1918 – 1922 гг. Биографические материалы. Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. – М.: АИРО-XXI, 2017.
7. Ганин А.В. Судьба Генерального штаба полковника Ф. Е. Махина // Военно-исторический журнал. 2006. №6. С.54-58.
8. Ганин А.В. «...От мысли, что рядом со мною в казачьей форме сидит тайный эсер, я был далек» (Ф.Е. Махин) // Военно-исторический журнал. Интернет-приложение. 2006. №3.
9. Ганин А.В. «Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сб. статей и материалов. М., 2014. С.16-59.
10. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге 1918–1941. 2-е изд., испр. и доп. М.: МСНК-пресс, 2007.
11. Герман А.А. Крестьянская война в области немцев Поволжья // военно-исторические исследования в Поволжье. Выпуск 3. часть 2. Саратов, 1999. С.12-27.
12. Герман А.А. Политические и социально-экономические процессы 1918 года в селах Саратовского Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2018. Т.18. Вып.3.
13. Гончаров А.В., Данилов В.Н. Саратовское Поволжье в годы Гражданской войны. Саратов, 2000.
14. Дайнес В.О. Чапаев. М.: Вече, 2010.
15. Дайнес В.О. Чапаев – мастер наступления и обороны. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2012.
16. Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922 гг. Дисс. ... соискание степени доктора ист. наук (Самара, 2001).
17. Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922 гг. – М., 2001.
18. Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.
19. Крестьянский фронт 1918 – 1922 гг. Сб. статей и мат-лов. Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2013.
20. Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и гражданской войны: национально-региональный аспект. М. – Саранск: НИИ гуманитарных наук при пр-ве РМ, 2017.
21. Кузнецов М.В. Крестьянство Саратовского Поволжья в годы Гражданской войны: 1917-1922 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004.
22. Кумаков А.В, Симонов А.А. Пролетарская революция, какой мы ее не знаем. В 2-х книгах. Саратов: Волга, 2016.
23. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.: АИРО-XXI, 2006.
24. Народные вожаки 1918 – 1922 гг.: проблемы изучения и понимания. Материалы заочного круглого стола. Подготовка и редактирование текста Полторак С.Н., Посадский А.В. // Клио. Журнал для ученых (Санкт-Петербург). 2016. №4(112). С.177-210.
25. Наумов Е.О. Создание объединений Красной армии в годы Гражданской войны в Среднем Поволжье (на примере 1-й армии Восточного фронта). Дисс. ... канд. ист. наук. Представлена к защите в Саранске. См. параграф 2.1.
26. От ВЧК до ФСБ. История и современность Управления ФСБ РФ по Республике Мордовия / [Авт.-сост.: Н.М. Арсентьев и др.]. - Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2003.
27. От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сб. статей и мат-лов. Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2014.
28. Попов Ф.Г. За власть Советов. Разгром самарской учредилки. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1959.
29. Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1972.

30. Попов Ф.Г. 1919 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1974.
31. Попов Ф.Г. 1920 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1977.
32. Посадский А.В. Саратовская губерния: место в истории Гражданской войны // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиция, проблемы. Материалы IX межрегиональных научных краеведческих чтений 7-8 апреля 2000 года. Саратов: изд-во Саратовского университета, 2000. С.57-66.
33. Посадский А.В. От Царицына до Сызрани. Очерки истории Гражданской войны в Поволжье. М.: АИРО-XXI, 2010. С.134 – 135.
34. Российское крестьянство в эпоху революций и гражданской войны: регионально-национальный аспект. Саранск, 2016.
35. Симонов А.А. Первый отряд Чапаева // Родина. 2011. № 2. С.69-72.
36. Симонов А.А. «А насчет винтовок – вечером проверю!..»: из боевой биографии Василия Ивановича Чапаева // Родина. 2015. №1. С.66 – 67.
37. Симонов А.А. Гражданская война в уезде / Журавлев К.И., Симонов А.А., Сулейманова Н.И. Город Пугачев. История и современность: в 2-х тт. - Т.1. От основания до 1945 г. Саратов: ИД «Волга», 2016. С.195 – 294.
38. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX - начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. - М.: РОССПЭН, 2008.
39. Сухова О.А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). – П.: ПГПУ, 2007;
40. Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921 – 1923 гг.). Ч.1. Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. Л.: изд-во Ленинград. ун-та, 1964.
41. Чапаева Е. Мой неизвестный Чапаев. М.: Корвет, 2005.
42. Яценко В.Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918 – 1923. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008.
43. Яценко В.Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (1918 – 1923). Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2017.



Сведения об авторе

Посадский Антон Викторович, д.и.н., доцент, профессор Поволжского института управления – филиала Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы (Саратов),
e-mail: Posadav68@mail.ru

УДК 658.14+364.054+929(470)

Г. Н. Скороход

СРЕДСТВА ОПРАВДЫВАЮТ ЦЕЛЬ ИЛИ ОБОРОТНАЯ СТОРОНА МЕЦЕНАТСТВА КНЯГИНИ М.К. ТЕНИШЕВОЙ

«Одни иезуиты утверждают, что всякое средство хорошо, лишь бы достигнуть цели. Неправда! Неправда! С ногами, осквернёнными грязью дороги, недостойно войти в чистый храм».
И.С. Тургенев, «Переписка, 10»

«Княгиня – солнце; всё остальное интересно только постольку, поскольку может служить ей и усиливать её славу».
Ольга Безанкур, дневники

Аннотация: Мария Клавдиевна Тенишева благодаря усилиям историков и краеведов считается известным меценатом и благотворителем конца XIX – начала XX веков. Но к способам получения М.К. Тенишевой средств для реализации поставленных целей и к этическим особенностям её личности остается много не до конца разрешенных вопросов.

Ключевые слова: М.К. Тенишева, меценаты, благотворительность, этический аспект

G.N. Skorohod

The means justify the goal or but on the other hand of the Princess M.K. Tenisheva's philanthropy

Abstract: Maria Tenisheva, thanks to the efforts of scientists and local historians, is considered a well-known philanthropist and philanthropist of the late XIX - early XX centuries. But to the methods of obtaining M.K. Tenisheva's means for the realization of the goals set and for the ethical characteristics of her personality remain many not fully resolved issues.

Keywords: M.K. Tenisheva, philanthropists, charity, ethical aspect

Уже много лет жители Брянского края с почтением произносят ставшее широко известным имя: Мария Клавдиевна Тенишева. Для многих она стала важнейшим символом меценатства и благотворительности [6]. При этом никого почему-то не смущают некоторые, существенные на наш взгляд, детали ее жизни и деятельности, без которых исторический портрет прима-благотворительницы оказывается неполным и однобоким.

Во-первых, как известно, меценат – бескорыстный покровитель, способствующий развитию науки и искусства, выделяя для этого материальную помощь из личных средств [13]. Но вот беда: существенных личных средств у Марии Клавдиевны до смерти ее второго мужа практически не было. В одном из писем Николаю Рериху (17.04.1912) княгиня писала: «Многое я смогла бы сделать, планов и замыслов у меня хоть отбавляй, но средства имеют границы. При жизни моего мужа было легче – он наживал, а я этого делать не умею...» [5]. Как следует из её объяснения, деньги давал муж, В.Н. Тенишев, который смог их заработать, кстати, благодаря первой жене, Анне Тенишевой [16].

Во-вторых: своеобразны способы получения средств от мужа – князя В.Н. Тенишева. Если проанализировать описанные в имеющихся источниках ситуации, то нетрудно сделать вывод: деньги она получала либо путём жёстких настойчивых требований, либо... обманом.

Мария Клавдиевна пишет: «Я шла к нему в кабинет просить денег, но, получив отказ – вежливый, с поцелуем руки, - из просительницы превращалась в законодательницу, я требовала и говорила: "А я тебе говорю, что я так хочу. Прошу тебя, чтобы завтра это было сделано"» [18]. Вот подробности истории покупки знаменитого имения Талашкино под Смоленском: «22-го июля кн. Т[енишева] вышла вся в белом и заявила: сегодня именины Талашкина

и затем прочитала приблизительно след[ующую] историю. 17 л[ет] тому назад это было. Кн. Т[енишева] с мужем приехала в Талашкино. ...Нескол[ько] раз подымался разговор о том, что кн. Ч[етвертинская] вынуждена по семейным обстоятельствам продать Тал[ашкино]. Князь всегда говорил, чтобы М[ария] К[лавдиевна] была спокойна, что он этого не допустит, но разговоры разговорами и оставались. Итак: 22 июля кн. Т[енишева] просыпается и застаёт на своём ночном столике великолепное жемчужное кольцо. ...Сам же князь, оказалось, к ужасу княгини, уехал в Бежицу, вместе с одним из директоров завода, кот[орый] тоже приехал к этому дню. Кн[ягин]я Т[енишева] (пишу с её слов) была в ужасе и отчаянии. Ждали к обеду, полон дом гостей – и вдруг хозяина нет. Чем объяснить? Все останутся в убеждении, что ссора, разрыв... Жемчужного кольца для реабили[ти]рования – мало. Тогда кн. Т[енишева] устраивает такую штуку: выписывает немедленно из Смоленска нотариуса и совершает купчую крепость с кн. Ч[етвертинской] на Талашкино. Собрались гости, кн. Т[енишева], сияющая, показывает им подарки, кот[орые] ей сделал муж: кольцо и имение. На другой день приезжает князь как ни в чём ни бывало (он в горячем деловом споре с Петровским забыл о празднике, и так как спор можно б[ыло] разрешить только на месте, то они и укатили, забыв обо всём на свете). Когда князь приехал – кн[ягин]я с большим внутренним страхом сообщила ему о своём деянии и о мотивах. ...Она подавала ему ложные счета за платья, а деньги тратила на то, на что ей хотелось...» [1]¹

Некоторые историки искусства утверждали, что М.К. Тенишева из зависти лаврам великих меценатов Третьякова и Мамонтова попыталась скопировать в Талашкино уже известную усадьбу Абрамцево [22]. Так или иначе, Талашкино с 1893 г., как и подмосковное Абрамцево, стало центром притяжения для талантливых художников и музыкантов – в этом заслуга Марии Клавдиевны, что, однако, не отменяет обстоятельств покупки имения.

Её отношение к начинанию самого князя Тенишева – созданию Тенишевского училища, учебного заведения нового типа, на которое он, в отличие от супруги, тратил заработанные им самим средства, было радикально иным: «Я не раз искала случая заинтересовать мужа своей школой, завоевать его симпатию к ней. Много раз приходилось мне с ним по этому поводу спорить. Муж продолжал относиться несочувственно, и это было обидно. Такое отношение было особенно странно с его стороны, так как он сам затеял огромную и очень дорогую постройку – училище в Петербурге. Купив для этой цели на Моховой очень дорогой участок земли, он сыпал в это дело не десятки, а сотни тысяч и, преследуя исключительно свое желание скорее видеть его законченным, глядел сквозь пальцы на то, что вокруг этого дела многие сильно нагрели себе руки. Мне было жаль, что все эти огромные жертвы и затраты производились исключительно для маленькой горсти детей богатых родителей, которым и так все доступно, и что, несмотря на большую плату за учение, доходы школы далеко не покрывали расходов. В первые годы муж приплачивал до пятидесяти тысяч рублей в год, а иногда и больше. Я горько упрекала его за то, что, бросая деньги на такую дорогую затею, он безжалостно предоставляет мне строить из мусора необходимые постройки во Флёнове» [18].

Видел ли князь Тенишев в увлечениях жены нечто серьёзное и заслуживающее внимание? По её же мнению – нет: «Не раз я упрекала мужа в этом, но он обращал мои слова в шутку, целовал и миловал меня, как целуют избалованного, капризного ребенка, который

¹ В тексте, я буду приводить и другие цитаты из дневника Ольги Безанкур. Её характеристикам можно вполне доверять. К моменту первого посещения Талашкина в июне 1909 года, Ольга Безанкур преподавала в школе при Экспедиции по заготовлению государственных бумаг, была журналисткой, подготовила и провела цикл лекций по теме «Женщины в искусстве».

сам не знает, чего он хочет. <...>. Мои серьезные разговоры только забавляли его, и он почти всегда слушал меня со снисходительной улыбкой. Когда же возникали денежные вопросы, он не щадил ни выражений, ни обидных выводов» [18]. Ольга Безанкур по этому поводу еще более откровенна: «Мне всё кажется, что даже эти добрые дела – только средство для развлечения, не более».

В дневниках Ольги Безанкур в полной мере раскрывается эгоистичная и властная натура Марии Клавдиевны: «...в мире жить с княгиней Т[енишевой] возможно только при условии совершенного отречения от своей личности. Порядок бытия таков: она говорит – всё остальное смолкает или даёт сочувственные реплики. Разговор, малейшее сближение между собою кого-либо приводят мало того в негодование – в самую необузданную ярость. Вчера я попробовала разговариваться с Барщевским – ой, ой, какая сцена была нам устроена. Княгиня влетела в гостиную, где мы сидели, с выговором (буквально), зачем мы не идём, ибо там-де идёт деловой разговор... и т.д. В действительности – ничего подобного» [1].

Тяжелый характер княгини и её колкие, часто несправедливые высказывания (которые, кстати, наводят на мысль о тщательно скрываемом непонимании искусства), сказались и на отношениях с передовыми современниками.



Рис.1. Мария Тенишева и Илья Репин на этюдах в Талашкино. 1890-е гг.

Например, о выдающемся русском художнике Илье Репине (Рис.1) она сообщает: «Вообще мне много пришлось поспорить с Репиным. Недостаток вкуса, поражающий у художника, еще отсутствие всякого инстинкта красоты приводили меня в полное недоумение... Общество наложило на него венец славы, и невольно хочется понять, каким образом он дошел до нее» [18]. О русском театральном и художественном деятеле, одном из основателей группы и журнала «Мир искусства», организаторе «Русских сезонов» в Париже и труппы «Русский балет Дягилева», княгиня пишет еще более уничижительно, сравнивая его с величием собственной персоны: «Мое имя, положение были гораздо более известны, чем имя Дягилева, который еще недавно вышел на это поприще. Он один большого значения не имел и не мог бы издавать журнала» [18]. А вот ее мнение о способностях В.А. Се-

(русский живописец и график, мастер портрета): «В то время как еще только зарождался "Мир искусства", я позировала Серову для портрета масляными красками ...перемена освещения дала мне желтый рефлекс на лице и совершенно убила удачный колорит портрета. ...С тех пор Серов сделался моим отъявленным врагом» [18].

Ольга Безанкур не случайно подмечает у Марии Клавдиевны самовлюбленность, нарциссизм, легко переходящие в ненависть к окружающим (приведем несколько пространных цитат, ибо они того стоят): «...к словам кн. Т[енишевой] я отношусь с опаской – не потому чтобы она лгала сознательно, нет, но, мне кажется, она чудовищно несправедлива, раз дело касается тех, кого она не любит, в своей злобе на этих людей она доходит тогда до геркулесовых столбов, не признавая за ними уже ровно ничего, никаких достоинств. Так, напр[имер], Репин – даже художник никакой, картина его «Иоан[н] Грозн[ый]» в Москве ничего не стоит, п[отому] ч[то] действие происходит в 16 в., а печка стиля 17-го в. (её изразцы и проч.), ни одной картины он-де не скомпоновал сам, все идеи давал ему Стасов, портреты Реп[ина] – ничего не стоят, у него нет малейших признаков вкуса... и т.д., и т.д. Такие же отзывы обо всех художниках, о деятельности всех других женщин-меценаток, занимающихся тем же, чем и кн. Т[енишева] – популяризацией рус[ского] ис[кусст]ва. Мамонтову – грош цена, он меценатствовал женщинам, а не ис[кусст]ву, Поленова – сухая копиистка... и т.д., и т.п. – повторяю, это ряд абсурдов» [1]. «В разговоре с Рерихом «Обильно издевались над Дягилевым, Ал. Бенуа, вспоминали драку Врангеля с Боткиным, одинаково злорадствуя и над тем, и над другим. ...Упоминали с тою же злобой о Баксте, об Иде Рубинштейн, кот[орая] танцует совершенно голая, о Зволянской, кот[орая] писала Рер[иху] анонимные письма, о Маковском, который обсчитывал своих экспонентов при расчётах по выставке «Салон», о Липковской, кот[орая] в «Псковитянке» появляется в чёрн[ых] ажурн[ых] чулках и лакированных туфлях, очень долго и скучно перебирали все кости Жиркевича – словом, дуэт б[ыл] согласный, и я только удивлялась: действительно ли все эти люди причинили им столько зла или это просто злоба... но такая, что становится жутко и тяжело» [1]. «О кн[яги]не Барятинской и её сыне – отзывались насмешливо и презрительно, о Барщевском холодно или свысока, о Роше, Даниловиче, m-me Ивановой, Свирских – свысока или насмешливо, о Репине – со злобой неистовой, с пеной у рта, о Нордман-Северо[во]й [кн. Т[енишева] отзывается: «...его девка»... о родной дочери – злобно-холодно, о внучке – холодно... Боже мой, мне, в конце концов, положительно жутко делается. Когда вспомню: ни одного тёплого, от души, движения к какому-либо человеку – ко всем и всему только как ступеням к тщеславию: забавляющих, поющих, вопиющих, славословящих и глаголющих...» [1].

В свете изложенного совсем не удивляет, что у княгини не складывались отношения с обществом. Вот что пишет сама М.К. Тенишева «Давно, давно, еще задолго до войны, я с отращением отошла от того круга людей, который присвоил себе название "высшего общества", и поняла всю пустоту, глупую напыщенность, ограниченность и... продажность большинства его представителей. Не раз приходилось мне иметь дело с так называемыми передовыми людьми... Но, ни разу мне не удавалось с ними договориться» [18].

Договариваться? О чём? Ощущение, что речь идёт о торговле. Но именно так подчас и выглядели её отношения с теми, кого она поддерживала из капиталов, а затем из наследства супруга. Например, Мария Клавдиевна стала одной из основательниц журнала «Мир искусства». Он выходил в Петербурге с 1898 по 1904 гг., был посвящен пропаганде творчества русских символистов, являясь органом одноименного объединения «Мир искусства». Но в планы журнала ее не посвящали и, в конце концов вовсе отстранили от любого участия в работе редакции. Со многим она была не согласна, но «мирискусники» не видели в ней ни художницы, ни просто человека, разбирающегося в искусстве и имевшего собственное мнение.

Лишь источник средств [22]. Они не верили, что княгиней движет лишь любовь к искусству. Один из основателей общества и журнала, график и живописец Константин Сомов в письме Е.Н. Завнцевой (01.12.1898) категоричен: «Истинного понимания и любви и серьезного интереса в этом меценатстве нет» [17]. Позднее известный русский художник Михаил Васильевич Нестеров вспомнил о карикатуре на княгиню: «Изобразил Тенишеву, как ее доят мирискусники. Княгиня высокая была, огромная, породистая. Корова – похожа на Тенишеву удивительно, а корова, настоящая корова. Дягилев, в виде бабы, повязанный платком, доил ее. Корова оставила след. Петушок задорный клюет в нем зернышки. Петушок — вылитый Бакст. А я поодаль, в виде Христовой невесты, вышиваю в пальцах шелками» [2]. Злая карикатура (Рис.2), но отражающая суть отношений «Мира искусства» с княгиней: мирискусники, осознавая её неумело скрываемую слабость как знатока искусств, терпели и угождали ее прихотям из-за возможности добыть средства для творчества и на издание своего журнала.



Рис.2. Карикатура П.Е.Щербова на М.К.Тенишеву и мирискусников. Журнал «Шут», 1899.

Александр Бенуа закономерно полагал, что движущим мотивом благотворительности Тенишевой является стремление разведенной и разрушившей чужую семью женщины реабилитироваться в глазах высшего общества. «Возможно, что в будущем рисовалась перспектива быть принятой ко двору, а это послужило бы ей чем-то вроде реабилитации после того, что она, разведясь со своим первым мужем, заняла в петербургском обществе несколько щекотливое положение». Он же утверждал, что Екатерина Константиновна Четвертинская (Киту), предпочитавшая всегда оставаться в тени, и была как раз «настоящим инициатором проектов Тенишевой» [2]. Насколько он прав мы не ведаем, но мнение мэтра явно имело под собой некие основания.

Не только в области искусства пыталась снискать славу княгиня. Привлекала ее и лежавшая тогда на грани с искусствоведением наука о древностях – археология. Однако отношение научного мира России огорчило Марию Клавдиевну: «По приезде в Москву я почему-то думала, что наш профессорский археологический мир... привлечет меня в свою среду... Лелеяла я надежду, что у нас найдется достаточно общих интересов, и я примкну к институтской жизни. Но.. Кроме профессора Мальмберга, никто обо мне не вспомнил» [18].

Причина подобного отношения к княгине становится понятной, если внимательно прочитать её воспоминания. Мария Клавдиевна не осознавала кардинального отличия археологической науки от банального дилетантского коллекционирования древностей. Более того, интересные находки ассоциировались в ее голове не с открытием новой страницы в истории как таковым, а со славой исследователя. Не случайно ее непонимание того, что член Археологической комиссии г. Покрышкин не поддержал ее пламенную идею разместить свой музей старины в Никольской башне Смоленского кремля. Археологу идея показалась кощунственной. Наиболее же показательна история конфликта с исследовавшим Гнездовский курганный некрополь профессором Владимиром Ильичом Сизовым (1840-1904), из вежливости предложившим ей копать курганы вместе с ним (а в изложении некоторых современных краеведов это уже полная дилетантка в археологии Тенишева милостиво зовёт московского профессора участвовать в её эпохальных раскопках!) (Рис.3).

«Так как я сама не могла присутствовать все время на раскопках, то к своим курганам я приставила нашего станового пристава, Неклюдова, страстного археолога. Спустя два дня мне по телефону сообщили, чтобы я была настороже, что в моих курганах была найдена византийская пряжка с эмалью, но что Сизов просил мне этого не говорить, так как сам в продолжение многих лет домогался найти такую вещь, как недостающую в его курганных коллекциях и очень важную для его ученых выводов. Приехав с раскопок 15 июля (день его Ангела), Сизов молчал о находке, но я не выдержала и попросила его показать ее. Мы сидели за обедом большой компанией. Он неохотно вынул ее из кармана и подал мне. Когда я взяла ее в руки, что-то дрогнуло в моем сердце, археологическая страсть охватила меня, и желание иметь эту пряжку поглотило все остальные чувства... Я объявила ему, что пряжки не отдам, так как она найдена на моих курганах. Сизов побледнел. Я тоже сидела вся трепеща, нервно сжимая вещь в руке. За столом все замерли, наступило тягостное молчание. Даже муж, который всегда умел выйти из неловкого положения, всегда находился в трудные моменты и шуткой или насмешкой давал разговору другой оборот, тоже застыл. Положение становилось страшно натянутым. Я чувствовала, что была права, но как хозяйка дома, особенно еще пригласившая Сизова отпраздновать у нее свои именины, должна была сдаться, зная, что находка эта послужит ему для его славы. Долго, томительно сидели мы, глядя друг на друга. Разговор давно упал, все ждали, что будет. Я еще боролась с собой, а Сизов, видимо, переставал владеть своими нервами – вот-вот выйдет вспышка. Не знаю, сколько времени прошло в этом натянутом положении, но наконец, переломив себя, с болью в сердце, я рассталась с желанным предметом и передала его Сизову. Но с этой минуты я не могла ни смотреть на него, ни говорить с ним, я его положительно возненавидела в эту минуту. Мы очень холодно простились с ним, он уехал сконфуженный, но довольный, а я в продолжение двух лет избегала с ним встречи...» [18]

Столкновение вполне в духе современных жарких баталий между профессиональными археологами и «черными копателями», причем носителем мировоззрения «черного копателя», коллекционера не представляющего себе целей и методов археологической науки выступает княгиня. А еще чем-то ситуация неуловимо напоминает историю покупки Талашкино.

Да, в дальнейшем княгиней М.К. Тенишевой в Московском археологическом институте (МАИ) была защищена диссертация «Эмаль и инкрустация» [19], но некоторые исследователи предполагают, что эта защита в мае 1916 г. скорее походила на некое театрализованное



Рис.3. В.И.Сизов

представление, организованное профессурой. Цель? Польстить тщеславию Марии Клавдиевны, дабы отблагодарить её за переданные в распоряжение археологов коллекции древностей и за финансирование раскопок. В деле написания же диссертации ей, судя по ее же мемуарам, явно содействовал (правда, трудно сказать, в какой мере – слишком много недосказанностей и полунамеков) профессор А.И. Успенский – создатель МАИ.

Самое ужасное – даже не отношения княгини с людьми. Мария Клавдиевна, как натура крайне эгоистичная, не думала еще и о том, какими расходами для других людей или предприятий могут обернуться её начинания, и есть ли при этом в них смысл и острая необходимость.

Например, организация Марией Клавдиевной ремесленного училища, а потом и строительство для него нового здания в Бежице. Этим фактом очень гордятся в современном Брянске и, особенно в его Бежицком районе. Но посмотрим на данное событие с точки зрения акционеров Брянского завода, за чей счёт, по требованиям княгини, и была на самом деле осуществлена постройка, а потом и содержание заведения. Итак:

1. В Бежице к 1892 году уже 14 лет существовало народное училище, открытое Анной Дмитриевной Тенишевой, и потому острой потребности в создании в небольшом поселении второго училища не было. Кроме этого, действовала женская (открыта в 1890 г.) и платная (открыта в 1892 г.) школы, а также созданный Анной Дмитриевной детский сад, который для размещения ремесленного училища Марии Клавдиевны пришлось закрыть [14].

2. Через небольшой промежуток времени (1894 г.) Мария Клавдиевна начала требовать у завода строительства большого каменного здания на двести человек, несмотря на то, что ежегодно открытое училище принимало по 60 детей, что уже было чересчур для пополнения штата специалистов-мастеров одного завода. Не будем забывать: училище готовило не квалифицированных рабочих, а «штучных специалистов» - мастеров. Естественно, трудоустроить 60 человек ежегодно на заводе не было никакой возможности – производство такими темпами не расширялось.

3. В 1891-1892 гг., при существовании трех школ, мест для желающих получить начальное образование не хватало, и правление Брянского завода было вынуждено приспособить старый заброшенный цех под школу, где стало заниматься сразу 400 учащихся [9]. Шесть лет школа ютилась в этом помещении, в то время как завод по капризу Марии Клавдиевны, вкладывал огромные деньги в строительство и содержание не особенно нужной производству школы ремесленных учеников, носящей её имя.

Согласившись на строительство по прихоти Марии Клавдиевны, акционеры вложили средства в убыточное предприятие, готовящее специалистов по сути дела для других – возможно, конкурирующих с ними заводов. Княгиня же, чуждая рациональности и принципиально не вникавшая в экономическую сторону дела видела все иначе: «В будущем прямым путем для наших учеников, несомненно, был завод, куда они и поступали по окончании, завоевывая самые лучшие отзывы. Но тут я встретила препятствие в лице И... Он предпочитал держать на заводе самоучек, темных людей... Он... прекратил прием наших учеников на завод, ссылаясь на неимение свободных мест. Таким образом, ученикам по выходе из училища приходилось искать счастье на других заводах» [18]. Содержалась ремесленная школа, как и остальные, за счёт завода: «Ежегодный расход на школы завод делает до 8000 рублей. Школы в достаточном количестве снабжены от завода учебниками, учебными пособиями и принадлежностями, и учащиеся всем пользуются бесплатно». Подтверждает это и смета расходов Брянского завода за февраль 1898 г. [ГАБО, ф.220, оп.4, д.9, л.9]. В этом документе, в частности, прописано выделение конкретных сумм на содержание ремесленного училища.

Чтобы исправить перекося с перепроизводством кадров, один из основателей завода, председатель правления В.Ф. Голубев открыл в здании училища в 1899 г. (Тенишевых уже

четыре года не было в Бежице), наряду со школой ремесленных учеников еще и низшую ремесленную школу с трехлетним курсом обучения для подготовки кадров по заявкам и направлениям руководителей цехов [15]. Сейчас при заводе БМЗ есть подобное учебное заведение. Оно носит имя Марии Клавдиевны Тенишевой, хотя было бы куда более справедливо и резонно назвать его как раз именем Виктора Фёдоровича Голубева.

«Покидая завод, - пишет в воспоминаниях Мария Клавдиевна, - я оставила, кроме моего ремесленного училища, шесть благоустроенных и специальных школьных зданий» [18]. Два из них существовали задолго до её приезда и были обязаны своим открытием первой жене князя – Анне – и правлению завода, одно платное училище открыла новая княгиня. Где же шесть благоустроенных школьных зданий? Директора одной из школ княгиня походя обвинила в приработке на продаже учебников втридорога, но из документов известно, что учебные пособия и учебники выдавались учащимся бесплатно во временное пользование и были приобретены на средства Брянского завода. Да и закрытие в провинциальной Бежице ультрасовременного для конца XIX века детского сада под руководством высокообразованного (Фребелевские курсы) специалиста Е.В. Нигрицкой [14, 16] (именно в здании детского сада Мария Клавдиевна разместила свое ремесленное училище с не совсем понятной формулировкой «всегда чувствовалось в этой затее что-то деланное, нежизненное» [18]), иначе, как ревнивой попыткой поскорее затмить деяния предшественницы не назовёшь.

Воспоминания Марии Клавдиевны о Брянском заводе и Бежице вообще изобилуют неточностями, малодостоверными сведениями, а иногда и откровенными конфузами, как, например, история помощи Брянского завода Путиловскому:

«Среди многих людей жило убеждение, что я приношу счастье тем, кто имеет со мной дело. Подобный случай произошел с Путиловским заводом. Как-то раз мы с мужем получили приглашение посетить этот завод. К пристани на Неве нам прислали пароход, доставивший нас на завод, а там нас встретили директора и заведующие и показали все. На меня Путиловский завод произвел сильное впечатление, но все было, видимо, в упадке – и огромные, железные, очень ценные строения, соединенные между собой целой сетью железнодорожных ветвей, и прекрасная гавань. Казалось, завод находился накануне своей смерти. Больно было видеть это дело, в которое было вложено столько гигантских усилий и труда, в таком запустении.

Под впечатлением всего виденного, я подняла бокал и, поблагодарив от души за радушный прием, выразила искреннее пожелание видеть снова это дело процветающим. На завтраке присутствовал один крупный биржевой деятель, Гольденберг, а также Голубев, Петровский и другие. Все сочувственно встретили мое пожелание, а муж сказал: «Ну, в память нашего посещения я беру на себя столько-то акций». Гольденберг и Петровский выразили то же намерение.

В скором времени мне пришлось услышать, что Путиловский завод возрождается, идет в гору, акции его на бирже котируются и поднимаются. Дело стало в прежнее положение, и ровно через год те же директора в том же составе и с теми же гостями снова пригласили нас с мужем. За завтраком, вспомнив мое тогдашнее пожелание, устроили мне овацию: встретили с музыкой, цветами, были тосты, прочувствованные слова, – точно я действительно сделала для них что-нибудь. По-видимому, все были довольны результатами протекшего года» [18].

Всё прекрасно в этом рассказе, кроме того, что описанная ситуация имела место в 1880 году, когда после смерти Н.И. Путилова Государственный банк продал Путиловские акции синдикату Брянского и Варшавского сталелитейных заводов. Предприятие перешло в руки новых хозяев, но по-прежнему называлось Путиловским заводом. Синдикат прибрал к рукам русский рельсовый рынок. А «приносящая счастье» Мария Клавдиевна познакомилась с князем Тенишевым только спустя одиннадцать лет.

Много ныне пишется и говорится о почти глобальных социальных преобразованиях Марии Клавдиевны в Бежице, причем так, что в тени её фигуры начисто теряются другие меценаты, сделавшие не меньше, такие, например, как Виктор Федорович Голубев [15] и Анна Тенишева [14]. По факту же, прожила княгиня в самой Бежице всего-то три месяца, с мая 1892 г., смертельно скучая, и ни с кем не заведя знакомства. Потом князем была приобретена усадьба в Хотылёво (осень 1892), куда состоялся переезд. Затем – Талашкино (1893) и хутор Фленёво (1894), куда тут же перебралась Мария Клавдиевна для реализации новых своих проектов. Откуда могла знать княгиня о потребностях и быте населения Бежицы, прожив там короткий срок в депрессии и ни с кем не общаясь (по ее же словам)? Да и о каком общении может идти речь, если Мария Клавдиевна презирала население рабочего поселка. «Это были или самого пошлого пошиба архипровинциальные кокетки со скандальной репутацией, или просто разжирелые от избытка, грубые, вульгарные матроны с кучами невоспитанных детей. Холодно мне было среди этих некультурных людей. Грубость их нравов леденила меня, узость, ограниченность интересов подавляли» [18]. Ни одного хорошего слова хоть о ком-то. Чего тогда стоят рассуждения о бедных людях, которым княгиня якобы пыталась помочь? Тем, кого презирают, помощь дают лишь из честолюбия. Были ли ей вообще были интересны реальные проблемы этих «ограниченных» людей?

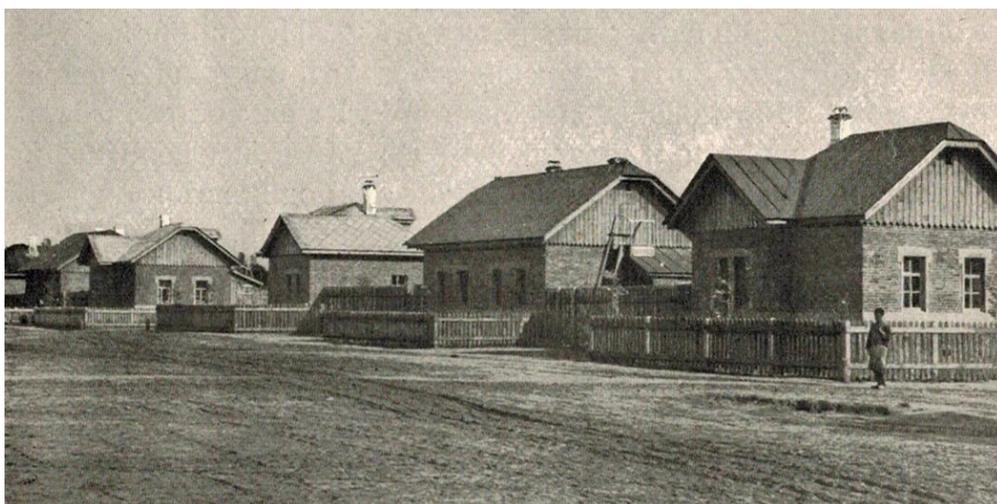


Рис.4. Дома-«колонки» для рабочих Бежицы. Фото 1911 г.

Мария Клавдиевна приписывает себе в заслугу начало строительства в Бежице домов-«колонок» для семей рабочих (необычное название из-за района, где происходил землеотвод под строительство, названного «Колония») (Рис.4). Но опубликованные архивные сведения говорят о том, отвод земель, что дома-колонки начался по предложению директора завода Н. Ильина в Бежице весной 1892 г., практически в момент ее приезда. И объяснял директор этот шаг весьма прагматично: «Сейчас рабочие не довольны бараками и казармами, ворчат, что тесно, грязно, дорого. А в своем доме пусть живут хоть один на другом, хоть по уши в грязи, но ворчать не будут, не на кого - своё. И выплачивать стоимость домика надо будет ежемесячно в течение ряда лет, а \это и есть путь надежного закрепления квалифицированных рабочих за заводом. Да и бунтовать не посмеют, не станут рисковать «вылететь» с семьей с заводской земли» [3; 4]. Летом такие же дома-колонки строить начали и на Александровском заводе Брянского Общества уже в Екатеринославе. Тоже по предложению княгини?

Тем, кто близко знаком с выдающимися для того времени преобразованиями в Бежице, проводящимися акционерами завода, нелепо звучат многие претензии Марии Клавдиевны. Она пишет: «Еще одна крупная реформа была проведена на заводе, в которой я приняла дея-

тельнейшее, живейшее участие: из когтей общества была вырвана торговля, эта хищническая нажива посредством монополии. Завод помещался в центре огромной земли в три тысячи десятин, принадлежавших целиком Бежецкому акционерному обществу. Монополия при этих условиях процветала вовсю: лавки, пивные, винная торговля — все было в руках общества, налагавшего на все свои цены и законы. Рабочим выдавались "квитки", которые они обменивали в лавках на товары. "Квиток" — это бумажка, в нем нет физиономии, и рабочий легко и необдуманно тратил свое жалованье, не считаясь, что "квиток" — те же деньги. Часто он забирал больше, чем мог себе позволить, и влезал в долги. Это была прямая ловушка, в которую попадали бесхарактерные люди. Рабочим, задолжавшим в лавке, отпускался залежалый, некачественный товар, и ни протестовать, ни переменить поставщика было невозможно, так как только заводские лавки обслуживали завод. Идти же в Брянск за покупками было нельзя — пропадал рабочий день. Жить далеко от завода в лучших условиях было затруднительно, поневоле приходилось подчиняться существующему положению дел. Я застала завод в полном его расцвете, и в ту пору одна лавка с красным товаром давала обществу чистой прибыли более двухсот тысяч рублей в год, не говоря уже о мясной, пивной, бакалейной и других» [18].

О какой прибыли идёт речь? Лишь недалёкий человек не поймет, что лавки были устроены для удобства рабочих. Зачем акционерам, имевшим баснословные прибыли с производства и продажи вагонов, рельсов, механизмов заниматься устройством магазина с целью получения дополнительной прибыли? Помимо продовольственного магазина, располагающего паровой мельницей и бойней в Бежице работал базар. Напомним, что у завода имелся свой хутор, где с применением современной сельскохозяйственной техники выращивалось всё необходимое. Нужно ли было «бороться» с акционерами за создание «Общества потребителей», если подобное Общество было уже создано самими акционерами на упоминавшемся Александровском заводе Брянского Общества в Екатеринославе ещё в 1892 году? В исторической литературе основание Общества представлено как решение именно заводской администрации, связанное с тем, что один магазин не справлялся уже с обслуживанием большой массы населения [11]. Князь Тенишев дал на это в аренду участок принадлежавшей ему земли с постройками. Общество работало чаще в убыток, и тому были причины: «Даже сиятельный аристократ Тенишев не приминул случая устроить за счёт нового кооперативного предприятия близкого человека, некоего Остафьева, введя в договор обязательство содержать его на жалование и в квартире. Если принять во внимание, что Остафьев представлял отжившую, разбитую параличом развалину, которую под руки таскали два лакея, то станет понятной забота князя-патрона об интересах кооперации. Делами кооперации Остафьев, конечно, не мог, но требовалось, чтобы служащие к нему обращались за всякими разрешениями и тут он проявлял своё самодурство» [11]. Кстати, именно магазин Общества потребителей стал причиной бунта рабочих в 1896 году.

О больничном деле М.К. Тенишева пишет: «Однажды я проснулась с отвратительным вкусом. Все, что я брала в рот, казалось горьким. У меня объявилась желтуха. Заводской доктор И., горький пьяница, но, кажется, добродушный малый, сказал мужу: "Везите-ка вы барыню вон отсюда. Ей заводской воздух вреден"». А ведь больничное дело было на Брянском заводе на высоте. По приглашению одного из учредителей Брянского завода инженера В.Ф. Голубева в 1874 г. в Бежицу прибыл выпускник Петербургской медико-хирургической академии Л.М. Мандельбаум, бывший и врачом, и провизором. Учитывая растущее количество рабочего населения (~12/000) в 1884 г. в поселке открыли больницу павильонного типа на 50 коек. Главным врачом пригласили туда Н.В. Комаревского – выпускника медицинского факультета Московского университета. А в 1893 г. старшим врачом был назначен

С.П. Ижевский, окончивший Императорскую медико-хирургическую академию (1879) в Санкт-Петербурге [9]. Здесь работали профессионалы, и вряд ли заводская администрация горького пьяницу сделала бы через год после приезда М.К. Тенишевой старшим врачом, (ведь, скорее всего речь идет об Ижевском). Между прочим, Сергей Петрович Ижевский (1854-1926), потомственный рязанский дворянин, имел чин коллежского советника и ученую степень доктора медицины (1899) за защиту диссертации «К патологической гистологии узловых ганглиев блуждающего нерва при крупозной пневмонии и хронических нефритах». После Брянска работал в клиниках Вильно и в Рязани, где потом имел частную практику. Такой вот «горький пьяница». Можно ли после этого верить характеристикам, которые Мария Клавдиевна даёт людям, которые ей попросту не понравились?

Описывая заводскую жизнь Тенишева намеренно сгущает краски. Для чего? В её воспоминаниях есть и ответ. Завод «стал дорог мне, как место моего крещения, как поле брани, где я отличилась и мне удалось стяжать славу, развернуться, выполнить все заветные мечты» [18]. Стяжать славу? Вот он – главный смысл всех её начинаний. Выходит, смысл непродолжительной социальной деятельности в Бежице сводился к борьбе за статус, который ранее занимала тут Анна Тенишева, к эгоистичной попытке затмить славу прежней жены князя и уважаемой всеми благотворительницы.

Эгоизм двигал Марией Клавдиевной и когда она разбивала пусть и давшую уже трещину семью Тенишевых, до этого разрушив свою собственную, следуя честолюбивым планам. Любила ли она В.Н. Тенишева, который был старше её на пятнадцать лет? Нет. Ей нужно было его состояние. Если при первой жене, Анне Дмитриевне, Тенишев зарабатывал деньги (в том числе и с ее помощью), то со второй женой в основном тратил уже накопленный во время первого брака капитал. Основная часть его денег уходила на капризы и прихоти Марии Клавдиевны, решившей любой ценой получить славу мецената и благотворителя. Только одни её многочисленные портреты обошлись Тенишеву в фантастические суммы (заметим, что сам князь считал художественное творчество бесполезным и не нужным для будущего человечества).

Подтверждение мы вновь находим в мемуарах Бенуа, где он коснулся исключительно деликатной темы, сделав весьма прозрачный намек: «Немудрено также, что между супругами происходили частые столкновения, и они стали учащаться по мере того, что Тенишев, женившийся по безумной страсти, стал к Марии Клавдиевне охладевать, что опять-таки совершенно понятно уже потому, что всем домогательствам влюбленного человека она противопоставляла не только холодность, но и едва скрываемое отвращение. Об этом непреодолимом отвращении она не стеснялась говорить с нами и даже напирала на это, быть может, не без тайной мысли, что тем самым она доставляет утешение своей подруге Киту Четвертинской» [2].

В воспоминаниях Марии Клавдиевны вообще немало документальных несоответствий и даже анахронизмов, о чём наперебой сообщают исследователи её жизни и деятельности. Это и открытие памятника Глинке, и встреча с Тургеневым и другими известными людьми, и даже точный год её рождения. В своих записках она указывает 1867, но это не соответствует датам других событий ее жизни – первому замужеству, рождению дочери, отъезду в 1881 году в Париж. Лишь относительно удалось документально доказать, что Мария Клавдиевна родилась в 1858 году [23]. Тайной остается и ее происхождение. Своего отца Мария Клавдиевна не знала, росла в доме отчима Фон-Дезена. В дневнике она пишет: «Росла Я под именем Аварии Морисовны, и тут же, как во сне, мне припомнилось, что давным-давно, в туманном детстве, меня звали Марией Георгиевной» [18]. Во время замужества при росписи в официальной книге ее мать, которую она всю жизнь боялась, и которая всегда была строга и хо-

лодна к ней, велела расписаться как Мария Клавдиевна. А если верить воспоминаниям Ольги де Клапье, ученицы Тенишевой в годы эмиграции, то ее отцом – по словам княгини – был сам император Александр II. Снова тщеславие и, одновременно, не прошедшая ревность к первой княгине Анне Тенишевой (о которой имелась сходная «царственная» легенда)?

Первый муж по её словам «был больной человек; больной духом и волей. Таким людям чужды все человеческие страсти, им не нужна ни любовь женщины, ни карьера, ничего.... Он был просто жалок» [18]. Совсем иначе первый муж Марии Клавдиевны предстаёт в исследованиях историков и официальных источниках: В списке 35-го выпуска Императорского Училища Правоведения 15 Мая 1874 г. значится под тринадцатым номером «Николаев, Рафаил Николаевич, IX-м классом; действительный статский советник» [12], в дальнейшем заместитель управляющего Бакинским отделом Э.И. Бергрота, а с 1891 г. управляющий Бакинским отделом Товарищества братьев Нобель. В период его работы полностью был переустроен химический завод, налажены прочные связи с другими нефтепромышленными предприятиями. Он принимал деятельное участие в организации Съездов нефтепромышленников и в Браковочном комитете. При его ближайшем содействии был организован в Баку первый экспортный Союз керосинозаводчиков, которому он уделял много внимания и труда [7]. Вот вам и жалкая личность, чуждая карьеры.

Многое белых пятен и несоответствий между личными воспоминаниями и реальностью и в художественном творчестве Марии Клавдиевны. Как оказалось, балалайки для Всемирной выставки в Париже, которые, по ее словам, якобы скупали по деревням для последующей росписи, были на самом деле изготовлены одним мастером в Талашкино [10]. Исследователи до сих пор не могут понять принцип подписи Тенишевой на работах, чтобы выяснить, какие именно работы делала лично она. Достоверно установлено, что некоторые из работ с её подписью сделаны другими людьми (Н.К. Рерихом, С.В. Малютиным и др.) [8]. Резонно задуматься: а существуют ли вообще в полной мере собственные, персональные работы княгини? Ведь всюду и постоянно рядом с ней оказывается некто, помогающий ей устраивать выставки, рисовать, придумывать новые краски и т.д. В этом свете кажутся более понятными причины нескончаемого потока критики произведений искусства и их создателей со стороны княгини.

Кстати, почему Мария Клавдиевна, обычно выставляя всю свою деятельность напоказ, не занималась прилюдно эмалью? В воспоминаниях это подается так: «Взявшись за эмаль, я ревниво пряталась от всех и не признавалась никому. Никогда у меня не было намерения выступать перед публикой, и если я желала достичь известного совершенства, то только чтобы послужить моей церкви» [18]. Но мы уже знаем о вольности обращения княгини с фактами, а современники указывают, что она не была усидчивой натурой, что является основным требованием в эмальерном деле, требующем еще и физической силы. Почему, не лично она, а Лидин в Париже даёт уроки выемчатой эмали Родзянко, которой позже отошла мастерская Тенишевой? А ведь, как утверждала Мария Клавдиевна, именно с момента появления Лидина она и начала заниматься эмальерным делом [18].

Вспоминаются её слова «Это как на портретах 18-го столетия: у наших дедов, у всех без исключения, написаны очень красивые руки. Кто там разберет потом, так ли это было в натуре?» [18]. Похоже, и в своих делах, и при написании своих воспоминаний она надеялась на этот «эффект красивых рук». Кто там потом разберёт...

Возможно, справедливы мнения людей близко с ней знакомых, что она на самом деле мало смыслила в искусстве? Может и Бенуа имел веские основания считать все её идеи идеями её ближайшей подруги Киту? Невольно вспоминается, как она учила в детстве уроки. Возможно, это стало привычкой по жизни: сначала присваивать слова, затем идеи, а затем и

дела других людей, попутно многих унижая. Вся её жизнь – с момента, когда она уезжает впервые в Париж – сплошная попытка выделиться, привлечь внимание, славу, любой ценой демонстрируя свою исключительность [2; 18; 20].

Не слишком ли нас увлекает иллюзорный мир российского меценатства, если воспевая его, мы готовы с легкостью закрыть глаза на отношение к людям, на отношения с людьми, на ложь, на простые человеческие качества тех, кого превозносим – и, может быть, не всегда заслуженно? При этом хлёсткие, резкие, и при этом зачастую абсолютно несправедливые слова М.К. Тенишевой о многих современниках, окружавших её, на добрую сотню лет лишили исследователей желания изучать и детализировать историю жизни ярких, но обладавших куда большей личной скромностью персон, как раз и бывших истинными меценатами в изначальном смысле слова.

Вы всё ещё полагаете, что именно Мария Клавдиевна – идеал мецената и благотворителя? Но как же тогда духовные ценности, мораль, этика? Да, безусловно, нет идеальных людей. И ведь получилось у неё сделать в результате весьма немало – этого невозможно не признать. Ясно, что, конечно же, цель, не всегда оправдывает средства. Но не дает покоя и не находит пока ответа другой мучительный вопрос: неужели вложенные в достижение цели средства способны оправдать даже не самую достойную цель?

Библиографический список

1. Безанкур О.Г. Дневник. Автограф. *Отдел рукописей Института русской литературы РАН. ф.15. д.18.*
2. Бенуа А. Мои воспоминания (в пяти книгах) / в 2 т. – М.: Наука, 1990. – 712+744 с.
3. Васильев В.И. Старая Бежица // Брянская газета. 1995. № 36 (231) 7-13 сент., с. 10.
4. Васильев В.И. Истоки: Краевед. очерки - Брянск: Дебрянск, 1993.- 60 с.:
5. Вахитова Т.М. «Русский американец» в Петербурге // Новый журнал. 1994. № 2/3
6. Городков А.В., Дубровский А.М., Кеня И.А. Мария Тенишева: духовное наследие в Брянском крае. – Брянск, 2008. – 20 с.
7. Двадцатипятилетие Товарищества нефтяного производства бр. Нобель. 1879-1904. – СПб: Типография Р. Голике и А. Вильборг, 1904. – 171 с.
8. Журавлева Л.С.. Талашкино. – М.: Изобразительное искусство, 1989. – 208 с.
9. Исайчиков В.Ф. С фотокамерой по старой Бежице. – Брянск. 1999.
10. Исаченко Т.В. Творчество М.К. Тенишевой. Атрибуция монограммы М.К. Тенишевой // Международная научно-практическая конференция «М.К.Тенишева и ее время» (Материалы конференции) 5-6 сентября 2008 г. – Брянск, 2008. С.12-15.
11. Кооперация в Бежице: ко дню 30-ти летней годовщины. 1895-1925 г. – Бежица: Издание Бежицкого ЦРК, 1925. – 62 с.
12. Пашенный Н.Л. Императорское Училище Правоведения и Правоведы в годы мира, войны и смуты. – Мадрид, 1967. - 457 с.
13. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.. Современный экономический словарь. — 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. – 479 с..
14. Скороход Г.Н. Благотворительная деятельность княгини Анны Дмитриевны Тенишевой // Деснинские древности: материалы VIII межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья», посвященной памяти Ф.М.Заверняева. – Брянск: РИО БГУ. 2016. С.288-296.
15. Скороход Г.Н., Чубур А.А. Директор и председатель правления Акционерного общества Брянского завода Виктор Фёдорович Голубев, как меценат Бежицы // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Вып.1. – Брянск: «Курсив», 2016. С. 63-85.
16. Скороход Г.Н., Чубур А.А. Загадка капиталов князя В.Н. Тенишева // История. Общество. Политика. 2017. № 1 (1). С. 179-191.
17. Сомов К.А. Письма. Дневники. Суждения современников / Вступ.статья, подготовка, коммент. Ю.Н. Подкопаевой, А.Н. Свешниковой. – М.: Искусство, 1979. – 624 с.,

18. Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Воспоминания. – М.: Захаров, 2002. – 397 с.
19. Тенишева М.К. Эмаль и инкрустация. – Прага: Seminarium Kondakovianum, 1930. – 162 с.
20. Шафенкова Ю.В., Чубур А.А. Голубевы и Тенишевы: состязание на ниве ктиторства // История. Общество. Политика. 2017. № 2 (2). С.30-46.
21. Экштут С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи великих реформ до Серебряного века. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 470 с.
22. Экштут С.А. Закат империи От порядка к хаосу. – М.: Вече, 2012. – 304 с.
23. Янчаркова Ю. «Россия была мне мачехой» - Штрихи к портрету княгини Марии Клавдиевны Тенишевой // Rossica. 1998. № 2. С.135-150.



Сведения об авторе

Скороход Галина Николаевна – преподаватель Брянской кадетской школы имени Героя России В.И. Шкурного, историк-краевед skorochodgn@yandex.ru

ОПЕКУНСКИЕ ПРАВА ЖЕНЩИН В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: Статья посвящена анализу правового статуса женщины в сфере опекунов в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. Рассматривается возможность установления для женщины единоличной опеки над своими несовершеннолетними детьми, её полномочия, причины для отказа в назначении её единоличным опекуном. Отмечается, что, несмотря на то, что женщины в исследуемый период обладали определенной правоспособностью, они всё же находились на второстепенном положении, уступая мужчинам во многих областях права, в том числе и в опеке над детьми. По законодательству женщина не всегда могла выступать в роли единоличного опекуна, широта её прав на опеку варьировалась и находилась в зависимости от множества факторов: от местности проживания до репутации.

Ключевые слова: Россия, опека, права женщины, семейное право.

D.F. Smagina. Operating rights of women in prescribe Russia

Annotation: The article is devoted to the analysis of the woman rights of guardianship in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX th. The possibility of establishing a sole custody for a woman and the reasons for refusing her appointment is considered. It is noted that despite the fact that women during the this period under study had some legal capacity, they were still in a secondary position, giving way to men in many areas of law, including custody of children. By legislation, a woman could not always act as the sole guardian, the breadth of her rights to custody varied, and was dependent on many factors: from the locality to the reputation.

Key words: Russia, guardianship, women's rights, family law.

Развитие гендерных исследований и микроистории делают изучение брака и внутрисемейных отношений всё более актуальными. Исследование различных прав и обязанностей женщины в Российской империи дает более полную информацию о положении женщин в обществе, позволяет делать выводы об их правоспособности. В отличие от большинства своих современниц из других стран, русские женщины располагали определенной юридической самостоятельностью – даже при вступлении в брак они сохраняли право управления имуществом, могли представлять свои интересы в суде. Однако ни о каком равноправии, разумеется, речи ещё не шло.

Замужние женщины Российской империи, хотя и не «сливались» в глазах закона с фигурой мужа (как это было, к примеру, в викторианской Англии) в своих правах были существенно ограничены. В рамках патриархальной концепции, царившей в дореволюционной России, преобладающая роль как в обществе в целом, так и в семейных взаимоотношениях принадлежала мужчинам. Традиционно, уделом «слабого пола» было ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Впрочем, даже в деле воспитания подрастающего поколения женщина не рассматривалась как персона, равноценная своему супругу.

В исследованиях, посвященных истории развития семейного права в России отмечается, что по «Русской Правде» опека над малолетними детьми и их имуществом назначалась только в том случае, если дети потеряли обоих родителей, либо если их мать выходила замуж повторно. Если вдова не вступала в брак, то она обладала всеми правами отца детей и рассматривалась как глава семейства [12. С. 37]. В дальнейшем официальным сборником действующих законодательных актов Российской империи стал «Свод законов Российской империи», впервые изданный в первой половине XIX века. Акты, посвященные отношениям в семье, попечительству и опеке, содержались в X томе Свода.

Одной из наиболее характерных черт дореволюционного семейного законодательства в России было верховенство власти родителей даже над совершеннолетними детьми [9. Ст. 164], в то время как иски детей рассматривались только в случае совершения их родителями деяний, подлежащих уголовному наказанию [9. Ст. 168-170]. До совершеннолетия детей их интересы представляли родители, прежде всего отец. Так, право распоряжения имуществом, переданным в собственность несовершеннолетним, при жизни родителей принадлежало именно ему [9. Ст. 226].

Опека – это организация юридической защиты и попечения о личности и имуществе лишенных дееспособности членов гражданского общества. Типичной её формой была и является опека над несовершеннолетними [11]. Опекун, таким образом, выступает как законный представитель интересов несовершеннолетних.

В случае смерти одного из родителей речь заходила уже не только о распоряжении имуществом, но и об опеке над личностью ребенка. Исходя из законодательных норм, органам опеки следовало обратиться к духовному завещанию умершего, где тот мог указать лиц, которых желал видеть опекунами своих детей. Если же завещание отсутствовало, либо кандидатура опекуна там указана не была, опека переходила к оставшемуся в живых родителю [9. Ст. 229], но только если не было причин, по которым тот не мог стать опекуном. Среди таких поводов могли быть утрата прав состояния, расточительность, разгульный образ жизни.

По законам Российской империи, матери не делалось препятствий в том, чтобы стать единственным опекуном своих несовершеннолетних детей (исключением были лишь Черниговская и Полтавская губернии, где мать могла осуществлять опеку только «совместно с назначенными от Дворянской опеки или Сиротского суда старшими родственниками малолетнего, преимущественно с отцовской стороны, а за неимением их с посторонними лицами»^{*}). Однако к матерям предъявлялись те же требования, что и к другим лицам, претендовавшим на пост опекуна, в том числе – и незапятнанная репутация. К примеру, если вдова была слишком молода, либо отличалась нескромным поведением, родственники со стороны её покойного мужа могли добиться назначения дополнительных опекунов [4. С. 132].

В крестьянской среде вдова при повторном замужестве и переходе на чужой двор могла как сохранить право опеки над своими детьми, так и потерять его, всё зависело от конкретной местности [3]. В случае повторного замужества матери детей, опекуном мог стать и их отчим. Однако, даже имея хорошую репутацию, обычно он получал только опеку над личностью, а правом распоряжения имуществом несовершеннолетних не обладал; если такое и происходило, это свидетельствовало о равнодушии схода к судьбе детей [4. С. 135].

Для сравнения, в Великобритании женщины получили право опеки над детьми возрастом до семи лет только в 1839 г. (при условии, что женщина не была уличена в прелюбодеянии). Лишь в 1873 г. «Закон об опеке над несовершеннолетними» (Infant Custody Act) разрешил для женщин доступ к детям в случае развода, либо раздельного проживания. Единственным опекуном для своих детей в случае смерти мужа британская женщина могла стать только после принятия «Закона об опекунстве над несовершеннолетними» в 1886 г. [6].

Некоторыми исследователями^[3, 8] упоминается такое явление, как «естественное право матери», якобы свойственное институту опеки в дореволюционной России. Речь идет о таком виде опеки, при котором мать детей, как единственный оставшийся в живых родитель, безоговорочно признавалась опекуном над своими детьми без утверждения властей [8. С. 215]. Тем не менее, если подобный обычай и существовал на территории Российской импе-

^{*} Свод Законов Российской империи. СПб., 1912. Т. X. Ст. 232. С. 22. [Эл. ресурс]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/24.html#img25> (дата обращения: 28.09.2018).

рии, он не был распространен повсеместно (к примеру, М. П. Осипова после изучения комплекса источников приходит к выводу, что на территории Тамбовской губернии матерям для получения опекуна над детьми всё же требовалось обращаться в соответствующие учреждения). В итоге, мы можем говорить скорее о «естественном праве отца», поскольку случаи установления опеки овдовевшего отца над детьми единичны, хотя и встречаются в юридической практике [2. Л. 36, 169], в то время как опекунству матери всегда требовалось подтверждение со стороны опекунских органов.

Для некоторых регионов, напротив, общим правилом являлось отрицание единоличного права матери на опеку (это касалось, прежде всего, тех районов страны, где были особенно сильны патриархальные устои). Так было, к примеру, в среде казачества, где вдовы порой даже не получали часть от надела покойного супруга, хотя по закону имели на это право [5]. Вообще стоит заметить, что опека в дореволюционной России была явлением строго сословным и внутри каждого сословия имела свои особенности. Некоторые исследователи после изучения архивных материалов приходят к выводу, что в среде дворянства опекуном часто становилась мать, в то время как для крестьян важнее было найти того, кто будет максимально выгодно распоряжаться хозяйством несовершеннолетнего [1].

Любопытным фактом является то, что, исходя из содержания ст. 230 и 231 «Свода законов гражданских», только отец и мать ребенка имели право сразу отказаться от принятия опекунских обязанностей. Прочие лица такой возможности не имели, и могли подать прошение о снятии с должности только после того, как составят опись и примут имущество несовершеннолетнего в управление.

Любые действия, связанные с имуществом несовершеннолетних, опекун мог производить только с получением разрешения от опекунских органов, даже в том случае, если опекуном выступала родная мать детей. Кроме того, мать могла участвовать в опеке над своими детьми совместно с другими опекунами, даже если не была указана среди кандидатур в духовном завещании отца. По-видимому, это было связано со значимостью родительской власти: даже при условии, что имуществом несовершеннолетних распоряжались другие люди, опеку над личностью (проще говоря, право воспитания детей) у матери отобрать без веской причины не могли.

Дополнительного опекуна над личностью детей и их имуществом могли назначить в случае неблагоприятного поведения вдовы либо недоверия к ней [4. С. 132]. Обычно его выбирали из числа родственников покойного мужа, но могли привлечь и постороннего человека, если он был достаточно благонадежным и рачительным хозяином. Вообще, моральные качества кандидата имели большое значение при выборе опекуна [4. Там же]. При этом четкого понятия благонадежности не было, оно носило оценочный характер и могло включать разные наборы качеств.

Имел значение и характер проживания семьи. К примеру, если крестьянская вдова с детьми жила отдельной малой семьей, в которой не было других совершеннолетних членов, домохозяйкой обычно становилась вдова [1. С. 161]. Если же овдовевшая мать была частью большой патриархальной семьи, главным здесь был уже глава этой семьи – большак.

Даже в том случае, если единоличным опекуном назначалась мать ребенка, это не освобождало её от обязанности ежегодно предоставлять отчет о результатах своей деятельности в органы опеки. Впрочем, находчивые и нечистые на руку могли и здесь найти лазейки. Описываются случаи, когда мать вступала в сговор с представителем опекунского учреждения [10]. Так, выйдя замуж за дворянского заседателя опеки, (составлявшего опись имущества), вдова некоего А.А. Этькова не указала в описи ни посуды, ни драгоценностей или иных ценных вещей, а только «какой-то хлам» [10. С. 157], а потому могла получить деньги с их

продажи, ведь в документах они не значились. Любопытен и тот факт, что при расследовании дела властями сам чиновник на момент ревизии даже не был снят с должности.

Несовершенство действующего семейного законодательства, в том числе и его разделы, касающиеся опеки и попечительства, вызвали ожесточенные дискуссии как в среде юристов, так и в периодической печати. Плодом этого становились проекты, которые должны были усовершенствовать действующее законодательство (к примеру, известен проект Устава об опеках, выработанный комиссией под председательством сенатора Любошинского в 1875 г.), однако в итоге ни один из предлагаемых уставов так и не был рассмотрен властями.

Известный российский правовед XIX в., Александр Серафимович Невзоров в своем очерке о положении института опеки над несовершеннолетними [7] давал обзор новых уставов, касавшихся сферы опеки и попечительства. Подробно рассматривая выдвигаемые в них требования к кандидатуре опекуна, его правах, требования к опекунским учреждениям, он не обходил стороной такой насущный вопрос, как отказ от опеки. Искреннее негодование А.С. Невзорова вызывал тот факт, что в одном из проектов среди причин, служивших поводом для отказа от опеки, предлагалась, в том числе и принадлежность к женскому полу (наравне с преклонным возрастом, нахождением на государственной или военной службе, стесненностью в средствах и отдаленностью проживания). Как замечал А. С. Невзоров, «если опека – общегражданская обязанность, то принятие её обязательно и для женщин как гражданок» [7. С. 176]. По его мнению, отнесение женщин в категорию лиц, имевших право отказаться от опекуна только на основании половой принадлежности, если и задумывалось как привилегия, будет для женщин скорее обидным, поскольку основывается на традиционном представлении о них как о существах более слабых и легкомысленных.

Правовед отмечал, что женщины «не с меньшим, чем мужчины, успехом, справляются со своими делами» [7. Там же], а потому женщины должны иметь возможность отказа от опекунских обязанностей на тех же основаниях, что и мужчины (возраст старше 60 лет, проблемы со здоровьем, отдаленность проживания и т. п.). Возможность беспричинного отказа от опеки, только ввиду принадлежности к женскому полу виделась А.С. Невзорову противоречащей тому положению русской женщины, «какое она занимала в истории и в настоящее время» [7. С. 177].

Таким образом, семейное законодательство дореволюционной России, хотя и закрепляло наличие строгой иерархии в семье и в положении полов, наделяло женщин определенной правоспособностью, в том числе и при защите ими интересов своих детей. Ограниченность прав женщины была вызвана как патриархальной, консервативной концепцией государства и общества, так и господствовавшей в этот период христианской идеологией, в рамках которых женщинам отводилось лишь ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. При этом несовершенство действующего законодательства было очевидными, потому правовое регулирование отношений в семье, а также связанные с этим права женщин активно обсуждались как юристами, так и простыми гражданами, служили поводом для разработки новых, более совершенных законодательных норм.

Библиографический список

1. Вьюнник Е.П. Опекуны и попечители как объекты правового функционализма в отношении детей-сирот в конце XIXв. (по материалам Центрального Черноземья) // Проблемы истории, филологии и культуры, 2011. [Эл. ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opekuny-i-popechiteli-kak-subekty-pravovogo-funktsionalizma-v-otnoshenii-detey-sirot-v-kontse-xix-v-po-materialam-tsentralnogo-chnozemya> (дата обращения: 28.09.2018).
2. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 308. Оп. 1. Д. 201.

3. Даньшина А.А. Общественное призрение детей в Северо-Западной крестьянской общине во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Псковской и Новгородской губерний) // Вестник Екатеринбургского института. М., 2017. № 3 (39).
4. Заколodная В.Н. Организация и функционирование крестьянской опеки над сиротами в России во второй половине XIX – начале XX в. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-i-funktsionirovanie-krestyanskoj-opeki-nad-sirotami-v-grossii-vo-vtoroy-polovine-xix-nachale-xx-v> (дата обращения: 27.09.2018)
5. Коваленко В.В. Социальная помощь и опека в станичных обществах Кубани в конце XVIII – начале XX вв. / Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2013. №11. [Эл. ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-pomosch-i-opeka-v-stanichnyh-obschestvah-kubani-v-kontse-xviii-nachale-xx-vv> (дата обращения: 27.09.2018)
6. Коути Е. Недобрая старая Англия. СПб., 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1021395/21/Kouti_-_Nedobraya_staraya_Angliya.html (дата обращения: 30.09.2018).
7. Невзоров А.С. Опека над несовершеннолетними. Исторический очерк института и положение его в действующем русском законодательстве. Ревель, 1892.
8. Осипова М.П. Опекунские права великорусской крестьянки в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Тамбовской губернии) // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем. Череповец, 2010. Т.1.
9. Свод Законов Российской империи, неофициальное переиздание в пяти томах. СПб., 1912. [Эл. ресурс]. URL: <http://civil.consultant.ru/code/> (дата обращения: 27.09.2018).
10. Соловьева Е.А. Практика установления и снятия опеки над личностью и имуществом дворян-сирот во второй половине XIX в. (на материалах Симбирской губернии). [Эл. ресурс]. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2014/8-1/44.html> (дата обращения: 27.09.2018).
11. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Эл. ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/75014/ (дата обращения: 28.09.2018).
12. Ярмонова Е.Н. Вдова как особый субъект русского канонического права // Юридический вестник Кубанского государственного университета. Краснодар, 2016. № 2 (27).



Сведения об авторе

Смагина Дарья Федоровна – магистрант факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 14, корп.2. E-mail s.khk@yandex.ru

КРЕСТЬЯНСКИЙ ФАШИЗМ В СССР: ПРОПАГАНДА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация: В статье анализируются причины, которые привели к созданию фашистской и национал-социалистической партий в среде брянских крестьян на территории Локотского округа самоуправления в 1941 г. и в Лепеле в 1943 г. Показана провоцирующая роль в этом процессе советской пропаганды 1923-1939 гг., советской крестьянской политики и подбора руководящих кадров в СССР.
Ключевые слова: 1923-1943. СССР. Крестьяне. Брянская область. Локоть. Вторая мировая война. Фашизм. Национал-социализм. Советская пропаганда.

Solovev Yu.P. Peasant fascism in the USSR: propaganda and reality

Abstract: The article analyzes the causes that led to the creation of fascist and national-socialist parties in the environment of the Bryansk peasants in the territory Lokotskogo County government in 1941 and Lepel in 1943. Shows a provocative role in this process of Soviet propaganda from 1923 to 1939, the Soviet peasant policy and selection of leading recruiting in the USSR.

Keywords: 1923-1943. USSR. Peasants. Bryansk region. Lokot. Second world war. Fascism. National socialism. Soviet propaganda.

Крестьянский протест против коммунистической политики на селе в силу сложившейся в XX веке традиции приобретал время от времени политическую окраску. И окраска эта в разных уголках СССР к концу 1930-х годов была одинаковой. Скажем, из Западной области, куда входил и Брянский край, энкаведешники докладывали 14 января 1937 г.: «Антисоветские элементы из единоличников ведут фашистскую пораженческую и повстанческую агитацию. В Дорогобужском районе на пленуме Белавского сельсовета во время обсуждения проекта новой Конституции единоличник Писарев (середняк) в присутствии председателя рика (районного исполнительного комитета совета народных депутатов. – Ю.С.) в своем выступлении требовал “предусмотреть в новой Конституции право на существование фашистских партий”. На пленуме Волочковского сельсовета Андреевского района единоличник Буланов заявил: “Скоро советская власть пропадет, и тогда всех коммунистов перебьем и перевешаем. Гитлер уничтожит советскую власть и расправится с коммунистами, этого ждут с каждым днем”. Дело на Буланова направлено в спецколлегия облсуда» [22, с.115]. А, скажем, в с. Санжариха Ротмистровского района Киевской области в ночь на 27 сентября 1937 г., накануне собрания «по вопросу создания участковых избирательных комиссий», расклеены были листовки такого содержания: «Да здравствует Троцкий», «Да здравствует Гитлер», «Долой коммунизм — давай войну», «Крестьяне, требуйте гитлеровской власти — при ней жить будет лучше». На всех листовках имелась надпись на немецком языке «Гитлер». Тогда же похожие листовки появились в Каневском и Уманском районах Киевской области [22, с.521].

Как видим, настроения, приведшие в 1941-1942 гг. к созданию в Локте (ныне Брянской области РФ) русской национал-социалистической партии, бытовали в крестьянской среде и до войны. Следовательно, локотский эксперимент в области партийного строительства нельзя считать историческим курьезом. Но, конечно, следует разобраться в том, что именно понимали крестьяне второй половины 1930-х годов под словом «фашизм», и в том, почему вдруг имена Гитлера и Троцкого оказались на одной ступени в смысле положительном, а не

в стандартной формуле обвинительных заключений эпохи «большого террора» (например, в ноябре 1937 г. во время суда над бывшим председателем севского – Севский район входит сейчас в состав Брянской области, а в 1942 – 1943 гг. входил в состав Локотского округа самоуправления – райисполкома М.П.Кондратенко и тремя местными животноводами прокурор именовал подсудимых «подлыми фашистскими выродками» и «троцкистско-вредительской группой» [20, с.137]).

Уже в 1920-х годах говорить о какой-либо партийной оппозиции большевикам в СССР было невозможно. Автором всех партийных экспериментов в стране того времени было ОГПУ – тайная политическая полиция коммунистического режима. Например, это учреждение создало для осуществления провокационной операции против русских эмигрантов («Трест») «Монархическую организацию Центральной России» (1922 г.), а для показательных политических процессов выдумало «Промпартию» и «Трудовую крестьянскую партию» (1930 г.). Но, вместе с тем, была за пределами СССР политическая сила, ненависть к которой принимала в советской повременной печати характер истерии. Сила эта – фашизм. Большевицкая печать записывала в фашисты всех, кого хотела, в том числе режимы, которые совершенно не вяжутся у современного человека с представлениями о фашизме. Чтобы представить интенсивность и истеричность антифашистской кампании в советских средствах массовой информации, процитируем заголовки статей, опубликованных в 1929-1930 гг. на первой полосе провинциальной газеты «Брянский рабочий» (до конца 1929 г. – орган губернского, потом – окружного комитета ВКП(б)). Итак: «Диктатура фашизма» («Государственный переворот, произошедший в Юго-Славии (так!)...», 10 января 1929); «На поклон к Муссолини. Вожди Амстердамского Интернационала у главаря фашистов» (17 января 1929). Там же напечатана карикатура «Дорога в Рим»: вожди Амстердамского (желтого) интернационала Ситрин и Зассенбах, изображенные в виде бродяг, подходят к Риму, над которым в лучах солнца сияет свастика. Этот знак вообще постоянно возникает на политических карикатурах «Брянского рабочего». Свастику рисуют то на папской тиаре, то на детской колыбели, то на дамском платье... Продолжаем цитировать заголовки: «Долой фашизм». Демонстрация безработных в Будапеште» (27 января 1929); «К событиям в Юго-Славии. Собираются создать фашистские профсоюзы» (30 января 1929); «Польские фашисты мечтают о захвате УССР. План нападения на Литву» (2 февраля 1929); «Польские фашисты распоясываются» (8 февраля 1929); «Франция боится соглашения Муссолини с римским папой. Фашизм и католичество – враги СССР» (15 февраля 1929); «Антифашистский конгресс. Доклад Анри Барбюса. Мобилизовать массы на борьбу с фашизмом. Борьба с фашистами – борьба с меньшевиками (!)» (12 марта 1929); «Фашистский переворот в Ривсальте. Буржуазия арестовала коммунистического мэра якобы за фальсификацию результатов выборов» (16 мая 1929); «В фашистском застенке (Письмо из Италии)» (30 мая 1929); «Фашизация профсоюзов в Польше» (31 мая 1929); «Бои труда с капиталом. Против трудящихся – единый фронт буржуазии, соц.-демократов и фашистов» и «Слияние фашистских организаций Германии и Австрии» (7 июня 1929); «Тревоги фашистской печати улеглись» (8 июня 1929); «Дикая расправа фашистских властей с туземцами. Убито 600, несколько сот человек ранено» («По итальянским сообщениям из Триполитании (нынешней Ливии. – Ю.С.)...», 4 июня 1929); «В фашистской Польше» (15 июня 1929); «Не партия, а национальный фашистский орден» (3 июля 1929); «Польский фашизм боится голоса трудящихся масс СССР» (8 июля 1929); «Побоище в Париже. Социал-фашизм в союзе с полицией напал на рабочих. В результате – десятки раненых, много арестованных и избитых» (8 октября 1929); «Снова зашевелились в Австрии фашисты. Попрежнему (так!) социал-демократы расчищают им путь к фашизации страны» (10 октября 1929); «Годовщина фашистской диктатуры в Юго-Славии» и «Фашисты похитили организатора молодежи. Нью-

Йорк, 7 [января]. Как сообщают из Шарлотты, банда фашистов в Лембертове (штат Северная Каролина) избил и похитил организатора молодежи союза текстильщиков Альберта Тетероу» (8 января 1930); «Бешеная кампания французских социал-фашистов против СССР не прекращается. Керенский и Милюков сколачивают антисоветский блок» (31 января 1930); «Фашистская Польша готовится к войне против СССР» (22 февраля 1930); «Секретный меморандум германских фашистов» («Берлин, 23 [сентября]. Центральный орган германской компартии «Роте Фане» опубликовал содержание секретного меморандума о ближайших задачах национал-социалистов (фашистов). Автором меморандума является Розенберг, национал-социалистический теоретик и ближайший советник Гитлера. Розенберг ставит перед национал-социалистами (фашистами) три задачи...», 24 сентября 1930); «Перед фашистскими выборами в Польше» (15 ноября 1930); «После фашистских выборов в Польше» (21 ноября 1930) и т.д. Упоминаются «Брянским рабочим» также греческие, эстонские и румынские фашисты...

Из процитированных заголовков видно, что фашизм представлялся советской прессой своим читателям как значительная международная сила, уже вобравшая в себя прежних оппонентов большевизма (социал-демократов, меньшевиков, Керенского, Милюкова). Кроме того, можно сделать парадоксальный вывод, что главный в Европе фашистский режим правил не в Италии, а в... Польше. Ясно, что все эти утверждения были плодом воображения коммунистических пропагандистов. Однако для воспитанного подобной «Брянскому рабочему» прессой сознания национальность руководителя Локотского самоуправления 1942 – 1943 гг. Бронислава Каминского приобретала особенный политический оттенок. Но это, что называется, дело второе. Главное же заключается в том, что подобные заголовки демонстрировали какой-то ужас коммунистического режима перед фашизмом. Что, конечно, не могло не ободрять придавленных раскулачиванием, колхозным игом и непомерными налогами крестьян. А ведь в той же советской газете «Брянский рабочий» рядом с фашистами в качестве главных врагов коммунистического режима названы крестьяне-кулаки. Например, когда на первой полосе «Брянского рабочего» от 8 октября 1930 г. сообщается о том, что в Париже «социал-фашизм в союзе с полицией напал на рабочих», тут же параллельный заголовок объявляет: «Кулак пытается увильнуть от выполнения хлебозаготовок. Нужно объявить решительную борьбу тем, кто смазывает классовый характер хлебозаготовительной кампании». И 31 января 1930 г. та же газета вышла с двумя центральными материалами, из которых один посвящен «бешеной кампании французских социал-фашистов против СССР», второй озаглавлен «К ликвидации кулачества, как класса». Наконец, очень красноречив заголовок с первой полосы «Брянского рабочего» от 18 декабря 1929 г.: «Рейхстаг постановил оказать помощь эмигрировавшим кулакам»...

Таким образом, советская пресса как бы подсказывала крестьянам, что у этих последних есть сильный и влиятельный международный союзник, имя которому – фашизм. Но как же этот фашизм толковался большевиками для советских подданных? «Популярный политический словарь», выпущенный вторым изданием в 1923 г., разъяснял: «Фашизм — буржуазное контрреволюционное движение, возникшее по окончании империалистической (т.е. Первой мировой. – Ю.С.) войны в Италии, распространившееся затем в других странах, приобретающее мировой характер. <...> Движение фашистов выражается в открытых выступлениях против рабочих и беднейших крестьян, в убийствах и истязаниях отдельных коммунистов и социалистов, в разгроме профсоюзов, рабочих домов, редакций рабочих газет, кооперативов (здесь и далее курсив наш. – Ю.С.), рабочих просветительных организаций и т. п. Помимо представителей буржуазии и деклассированных общественных элементов, в состав фашистских организаций входят и несознательные отсталые слои рабочих. В 1922 г.

выступления итальянских фашистов привели к захвату власти Муссолини... Пример итальянских фашистов нашел последователей в других буржуазных странах. <...> Борьба с фашизмом является одним из главных лозунгов создания единого рабочего фронта» [23] .

В этом определении есть, как нам кажется, вещи, вполне привлекательные для возмущенных большевистской политикой на селе советских крестьян. Во-первых, противниками фашистов названы те же персонажи, что отравляли жизнь многим крестьянам в СССР: «отдельные коммунисты», «беднейшие крестьяне» (комбеды, то есть «комитеты бедноты»), «рабочие газеты»... Во-вторых, фашисты громили, среди прочего, кооперативы – прообразы колхозов. В-третьих, советский справочник признавал – в рядах фашистов немало рабочих. И, наконец, на счету фашистов была уже победа над коммунистами в Италии в 1922 г. – в то, примерно, время, когда и русские крестьяне в Тамбовской губернии, в Сибири – и здесь, в Брянском крае, в Глодневе – поднимались против того же врага.

После победы в 1933 г. партии Гитлера в Германии советские коммунисты и их зарубежные союзники объявили: «Германский фашизм выступает как ударный кулак международной контрреволюции, как главный поджигатель империалистической войны, как зачинщик крепостного (?) похода против Советского союза, великого отечества трудящихся всего мира». На VII конгрессе Коминтерна знаменитый деятель международного коммунистического движения болгарин Г.Димитров провозгласил: «Самая реакционная разновидность фашизма — это фашизм германского типа. Он нагло именуется национал-социализмом, не имея ничего общего с социализмом. Гитлеровский фашизм — это не только буржуазный национализм. Это звериный шовинизм. Это правительственная система политического бандитизма, система провокаций и пыток в отношении рабочего класса и революционных элементов крестьянства...» [2, с.7] Но ведь бандитами, угрожающими «революционным элементам крестьянства», коммунистические газеты объявляли крестьян-кулаков, а советские карательные органы этих последних за то же самое расстреливали, о чем также сообщали газеты.

А что мог узнать рядовой советский обыватель о крестьянской политике Гитлера? В книге И.Дворкина «Экономическая программа германского национал-социализма», вышедшей в Москве в 1933 г. 25-тысячным тиражом, можно было вычитать вещи весьма актуальные для придавленной коллективизацией и налогами советской деревни. В названной книге говорилось: «Национал-социализм сумел обещаниями создания замкнутого самодовлеющего хозяйства, субсидий сельскому хозяйству, повышения сельскохозяйственных цен и т. д. привлечь на свою сторону мелких и средних крестьян. Кулак стал твердой опорой фашизма в деревне. <...> Национал-социалисты выставили соответствующие требования насчет уничтожения ”процентного рабства”. Как минимум они требуют снижения процентов по долгам вдвое. Этим лозунгом национал-социализм завоевал широкие массы крестьянства. Баварские кулаки, прусские помещики рассчитывают освободиться от бремени процентов. Кулак стал его важнейшей социальной опорой в деревне. <...> Германский фашизм обещает далее крестьянству снижение налогов и огромные субсидии сельскому хозяйству. <...> Для завоевания далее мелкобуржуазных слоев города и деревни, ремесленников и крестьян, мелких торговцев и чиновников национал-социалисты выдвинули лозунг... безналогового государства: “Высшая цель национал-социалистического государства есть государство без налогов”» [9, с.38, 49, 58, 61] . Как же после таких заманчивых заявлений не потребовать учреждения фашистских партий в СССР?

А вот какое определение дал к 1931 г. фашизму Сталин: «Фашизм есть боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии. Социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма. Нет основания предположить, что

боевая организация буржуазии может добиться решающих “успехов” в боях или управлении страной без активной поддержки социал-демократии. Столь же мало основания думать, что социал-демократия может добиться решающих успехов в боях или управлении страной без активной поддержки боевой организации буржуазии. Эти организации не отрицают, а дополняют друг друга. Это не антиподы, а близнецы...» [21, с.110-111] Понятно, что ничего общего с действительностью это определение не имело. Тем более, что первоначальное название партии, которую возглавлял Сталин, звучало так: Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)... Но советский обыватель понимал из сталинских слов то, что фашизм всего лишь разновидность социализма (своего рода «советы без коммунистов», введения которых требовали восставшие в 1921 г. русские крестьяне и казаки). А к тому, что большевики поносят последними словами еретиков от «приватизированного» ими социалистического движения, граждане СССР давно привыкли.

С процитированным сталинским определением фашизма связана также история включения советской пропагандой Троцкого, опального большевика и этнического еврея, в число фашистов и пособников Гитлера. Анализируя в интервью газете «Манчестер Гардиан» 22 марта 1933 г. причины победы Гитлера на парламентских выборах в Германии, Троцкий совершенно справедливо указал главной причиной победы национал-социалистов то, «что германская компартия не заключила с социал-демократией единого фронта на единственно приемлемой для социал-демократии платформе: “защиты парламентского правительства и массовых профсоюзов”» [6, с.21] . Слова эти, как видим, были прямой противоположностью сталинскому определению фашизма, как «близнеца социал-демократии». А ведь сталинское определение успело стать для международного коммунистического движения догмой. И Троцкий тут же был провозглашен «социал-фашистом». Член ЦК (центрального комитета) германской компартии Фриц Геккерт писал в те дни: «Факты жестоко разоблачили подлинный контрреволюционный смысл “платформы” социал-гитлеровца Троцкого, пытавшегося доказать, что социал-демократия и фашизм — не близнецы, а антиподы. <...> Пособник Гитлера Троцкий пытается под видом платформы единого фронта навязать германскому рабочему классу социал-фашистскую тактику “меньшего зла”, тот реакционный единый фронт, который привел Гитлера к власти» [6, с.22-23] .

После таких доктринальных уточнений любая близость к троцкизму – идейная, территориальная или воображаемая – автоматически превращалась в глазах коммунистического режима и его карательных органов в близость к фашизму. Что относилось, например, и к будущему руководителю Локотского округа самоуправления Б.В.Каминскому, которого арестовывали в 1930-х за связь с троцкистами.

* * *

Вот из таких настроений на местах, а вовсе не в «подполье в сибирских концлагерях», родились положения программы Народной социалистической партии России «Викинг» («Витязь»), опубликованные в оккупированном немцами Локте 25 ноября 1941 г. Константином Павловичем Воскобойником (КПВ), подписавшим свой манифест псевдонимом «Инженер Земля». Положения партийной программы «Викинга-Витязя» довольно полно воплощают не только требования предвоенного колхозного крестьянства, но и дореволюционные настроения комарицких крестьян (например, в отношении лесопользования). Цитируем их: «1) Полное уничтожение в России коммунистического и колхозного строя. 2) Бесплатная передача крестьянству в вечное, наследственное пользование всей пахотной земли, с правом аренды и обмена участков, но без права продажи. (В руках одного гражданина может быть только один участок). Размер участка около 10 гкт (гектаров. – Ю.С.). в средней полосе Рос-

сии. 3) Бесплатное наделение в вечное, наследственное пользование каждого гражданина России усадебным участком, с правом обмена, но без права продажи. Размер участка в средней полосе России определяется приблизительно в 1 гектар. 4) Свободное развертывание частной инициативы, в соответствии с чем разрешается частным лицам свободное занятие всеми ремеслами, промыслами, постройка фабрик и заводов. Размер капитала в частном владении ограничивается пятью миллионами золотых рублей на каждого совершеннолетнего гражданина. 5) Установление на всех видах производств 2-х месячного годового отпуска в целях использования его для работы на собственных усадебных участках. <...> 6) Наделение всех граждан бесплатно лесом из государственных дач, для постройки жилищ. 7) Закрепление в собственность Государства лесов, железных дорог, содержимого недр земли и всех основных фабрик и заводов. <...> Народная социалистическая партия шлет привет мужественному германскому народу, уничтожившему в России сталинское крепостное право» [14].

Кроме того, в манифесте К.П.Воскобойника провозглашалась амнистия «всех комсомольцев», «рядовых членов партии, не запятнавших себя издевательством над народом», «всех коммунистов, с оружием в руках участвовавших в свержении сталинского режима», «героев Советского Союза», а также «беспощадное уничтожение евреев, бывших комиссарами» [14]. А.Даллин в своей замечательной работе «Бригада Каминского» (1972) высказал предположение, «что эта сентенция была включена в партийную программу с явной оглядкой на немецкие оккупационные власти; на это указывает ее нелогичность: а как насчет евреев, которые не были комиссарами, и комиссаров, которые не были евреями?» [8]

Но здесь Даллин ошибается, поскольку и антиеврейский пункт манифеста появился также из местных настроений. Еще в ноябре 1905 г. крестьяне Севского уезда предполагали устроить «погром еврейских лавок и избиение евреев» [19, с.397]. Но если вернуться к коммунистической газете «Брянский рабочий» за 1929-1930 гг., то мы увидим, что одним из постоянных сюжетов этого издания, наряду с проклятиями в адрес кулаков и фашистов, была борьба с антисемитизмом. Вот заголовки с первой и второй полос «Брянского рабочего»: «Антисемитизм – орудие контрреволюции. Изгнать антисемитов из рабочей семьи. Новые факты антисемитизма на клинцовских фабриках. Сегодня в Зубовке, а завтра в Глуховке свивают себе гнезда антисемиты. Антисемитский “ндрав” милиционера Чернышова (ой)» («Женщина-милиционер Чернышова (в пос. Дубровка) откровенно признается, что не любит “жидов пархатых”...», 12 января 1929); «Антисемиты на скамье подсудимых. Приговор истязателям рабочего Берельсона» (17 января 1929); «Антисемитам с нами не по пути» (25 января 1929); «Сокрушительный удар по антисемитизму! Антисемиты продолжают творить свое гнусное дело. Мобилизовать внимание трудящихся на борьбу с проявлениями контрреволюции» (26 января 1929); «Внимание борьбе с антисемитизмом» (20 февраля 1929); «Хулигану-антисемиту не место в рабочей семье! Рабочие Бежицы и Брянска требуют сурового наказания Башкирова» (4 июля 1929. С.3); «Вон хулиганов и антисемитов из рабочей семьи. Монтер Герн (БРЭС) ударил в лицо инженера Фридмана. 800 рабочих и служащих БРЭС'а с негодованием осуждают поступок Герна и требуют сурового наказания хулигану. Собрание призывает к дружной работе рабочих и инженерно-технический персонал» (2 августа 1929); «Антисемитизм – разновидность контрреволюции. Партийные и комсомольские организации канатной фабрики и сельцовского сельсовета проглядели контрреволюционные вылазки классового врага. Нужно: проверить и оздоровить партийное и комсомольское руководство канатной фабрики и Сельца, привлечь антисемитов к ответственности, развернуть работу по интернациональному воспитанию рабочих» (20 сентября 1930)...

Подобные настроения были вызваны не только памятью о 19-летнем товарище Науме Моисеевиче Ашкинази, который в 1918 – 1919 гг. во главе «Карательного коммунистическо-

го отряда» терроризировал крестьян Севского уезда [13; 20, с.110-111]. Дело в том, что за время существования Брянской губернии (1920-1929) пять из семи ответственных секретарей губернского комитета ВКП(б) были этническими евреями [3] : З.П. Горский-Шапиро (1920-1921), «Борис Михайлович Волин» – он же Иосиф Ефимович Фрадкин (по май 1921), Сергей Семенович Зорин-Гомбарг (1921-1922, расстрелян 10.09.1937) [11] , Ефим Осипович Бумажный (1922-1923) [4] , Илья Савельевич Шелехес (17 октября 1928 – 26 июля или 1 октября 1929, расстрелян 2.08.1937) [5, с.35, 38-39] ...

* * *

Провозглашение в Локте «Народной социалистической партии России» не на шутку встревожило коммунистические власти и чекистов, которые, правда, даже в официальном отчете об этом событии намеренно, надо полагать, искажают информацию о политическом конкуренте. Во всяком случае, 15 марта 1942 г. К.Ф.Фирсанов (с января 1939 г. начальник УНКВД по Орловской области, с февраля 1941 г. начальник УНКГБ по Орловской области, с июля 1941 г. начальник УНКВД по Орловской области, с июля 1944 г. начальник УНКВД по Брянской области [17, с.492]) в докладной записке секретарю орловского обкома ВКП(б) «о результатах боевой деятельности партизан и диверсионно-разведывательных групп» писал: «В декабре месяце 1941 года в Брасовском районе инженером Воскобойниковым (так!) создана националистическая организация “Всея Россия” с задачей борьбы с компартией, Советами и колхозным строем. Организация имела в районе 5 ячеек, вооруженный отряде 200 человек. 7 января с[его] г[ода] партизанский отряд под командованием тов[арища] Сабурова произвел налет на эту организацию, уничтожив 54 человека, в том числе и Воскобойникова...» [18, с.98]

Повторно к партийному строительству выходцы из Локотского округа самоуправления обратились осенью 1943 г., обосновавшись в белорусском Лепеле. Во всяком случае, здесь был опубликован манифест Национал-социалистической трудовой партии России (НСТПР). Этот проект возник, безусловно, не только из предвоенных настроений крестьянства. Определенную роль сыграли в нем мотивы, царившие как в собственно немецкой, так и коллаборационистской пропаганде еще до ухода немцев и каминцев из Брянского края. Вот как, например, заканчивалась заметка «Воскресный день в Бежице» (город Бежица в 1956 г. присоединен на правах района к Брянску), напечатанная 29 января 1943 г. в орловской коллаборационистской газете «Речь»: «Сегодня воскресный день. Мы посетили несколько домов по Елецкой и Брянской улицам. Везде в домах праздничный вид. Появились иконы, перед ними горят лампы. В одном доме мы застали девушек за чтением брошюры “Что такое национал-социализм?”. Об этой книжке сегодня говорит весь город. Она передавалась из дома в дом. Ее с великим удовольствием читают и старые, и молодые. В ней очевидцы рассказали, как богато и радостно живет германский народ» [15] ...

Вновь организованная каминцами в Лепеле Национал-социалистическая трудовая партия России ставила себе такие задачи: «1. Свержение кровавого сталинского строя в России. 2. Создание суверенного государства, объединяющего народы России. 3. Признание за отдельными национальностями России, созревшими к самостоятельному государственному существованию, права на самоопределение. 4. Путем создания в Новой России справедливого социального трудового строя ликвидировать искусственно созданную большевиками классово-сословную рознь». Экономическая программа НСТПР была такой: «1. Земля должна быть передана в частное пользование крестьянам. 2. Рабочий из крепостного пролетария должен быть превращен в свободного труженика, участника создаваемых им прибылей. 3. Творчество интеллигенции должно быть свободно от политических оков. Полная свобода

слова и печати. 4. Все имущественные права бывших помещиков и капиталистов (русских, а также и иностранных) считать утерянными» [10]. Как видим, ничего специфично фашистского или нацистского в этой программе нет.

Евреи, если сравнивать цитируемый документ с программным антисемитизмом нацистов, поминаются в манифесте НСТПР дважды. Во-первых, констатируется: «Огромнейшее количество палачей НКВД, главным образом из еврейства, подавляло (до войны. – Ю.С.) всякие попытки протеста» [10]. В этом заявлении нет преувеличения. На должности начальника ОГПУ, а потом УНКВД Западной области, в состав которой, напомним, входили Брянский край и Брасово с Локтем, последовательно с 1929 по 1937 г. сменяли друг друга этнические евреи: «Лев Борисович Залин», он же Соломон Маркович Левин (март 1929 – сентябрь 1930, расстрелян 22.01.1940, не реабилитирован), Иосиф Михайлович (Иось-Герш Михелевич) Блат (октябрь 1931 – сентябрь 1936, расстрелян 23.02.1939, не реабилитирован), Семен Григорьевич Гендин (сентябрь 1936 – апрель 1937, расстрелян 23.02.1939, реабилитирован 19.09.1957 [7; 16, с.158-162]), Василий Абрамович Каруцкий (апрель – сентябрь 1937, покончил с собой 13.05.1938). Когда же Брянские земли передали в состав Орловской области, председателем тамошнего УНКВД с октября 1937 по январь 1939 г. также был этнический еврей Пинхус Шоломович Симановский (расстрелян 22 февраля 1940, не реабилитирован) [12, с.578, 641-642, 613, 648-649, 588, 688].

Во-вторых, манифест содержит лозунг: «Еврейским интернациональным идеям мы противопоставляем силу национальных идей – любовь к своей Родине и к своему Народу» [10]. Словом, в манифесте НСТПР нет ничего остро антисемитского, тем более призывов к геноциду евреев. Название же партии выбрано, надо полагать, как символ политической силы, наиболее враждебной коммунистическому режиму с точки зрения самого этого режима.

На то, что протестный потенциал фашистских или нацистских символов по отношению к коммунистическому режиму был востребован в Брянском крае и в послевоенное время, причем людьми, в детстве пережившими оккупацию, указывает такой случай. 1 мая 1966 г. над домом культуры Брянского машиностроительного завода (Бежицкий район г. Брянска) двое молодых людей: Кузин В.А. (1939 года рождения, русский, образование 7 классов, рабочий) и Климов В.А. (1938 года рождения, русский, образование 6 классов, не работал) вывесили самодельный флаг со свастикой [1, с.676].

Библиографический список

1. 58-10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953—1991 / Под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко; сост. О.В. Эдельман, М., 1999.
2. Бернар Л. Фашистская Германия - очаг варварства и мракобесия. М.-Л., 1936.
3. Брянский губернский комитет РКП(б) - ВКП(б), ответственные секретари // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898 – 1991 // <http://www.knowbysight.info/>
4. Бумажный, Ефим Осипович // <http://ru.wikipedia.org/>
5. Виноградова О.В. Илья Савельевич Шелехес 1891-1937 гг. // Вестник Катинского мемориала №7 2007 год. Смоленск, 2007.
6. Геккерт Ф. Что происходит в Германии? М., 1933.
7. Гендин Семен Григорьевич // Жертвы политического террора в СССР / Издание 4-е, переработанное и дополненное / Составление «Международный Мемориал». [Электронный ресурс] – М.: Звенья, 2007.- 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
8. Даллин А.В. Бригада Каминского / Перевод с англ. А. Жукова и М. Кожемякина. М., 2011 // <http://zadocs.ru/download/literatura-25449/25449.doc>
9. Дворкин И. Экономическая программа германского национал-социализма. М., 1933.

10. Ермолов И., Дробязко С. Антипартизанская республика // [Электронный ресурс] <http://www.ostbataillon.fromru.com/antipartisan3.htm> и <http://diderix.petergen.com/articles2.htm> – Ч.3. 10. Борьба за сохранение бригады и попытка создания Лепельского автономного округа
11. Зорин, Сергей Семёнович // <http://ru.wikipedia.org/>
12. Колпакиди А., Север А. КГБ. Энциклопедия спецслужб. М., 2010.
13. Крашенинников В.В. «Дело Н.Ашкинази» // Крашенинников В.В. История Севска и окрестных мест / Издание 2-ое, дополненное и уточненное. Т. II. Брянск, 2013. С.482-494.
14. Манифест 25 ноября 1941 года / Предисловия и публикация С.Кудряшова // Родина. 1993. №11. С.53.
15. Новосильцев И. Воскресный день в Бежице // Речь. Газета для населения освобожденных местностей. (Орел.) 1943. №12 (195). 29 ноября. С.3.
16. Они руководили ГРУ. М., 2010.
17. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т.2. Кн.1. М., 2000.
18. Партизаны Брянщины. Сборник документов и материалов. Брянск, 1962.
19. Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч.2. М.-Л., 1955.
20. Соловьев Ю.П. Краткий очерк истории судостроительства на Брянской земле. Брянск, 2014.
21. Спекке Б. Финляндский фашизм (Лапуасское движение в Финляндии) / 2-е значительно дополненное и исправленное издание. Л., 1931.
22. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы. В 5 тт. Т. 5. Кн. 1. / Под ред. В.Данилова, Р.Маннинг. М., 2004.
23. Фашизм // Популярный политический словарь / 2-е изд. М., 1923 // Библиотека словарей II. [Электронный ресурс] – М.: ООО «Си ЭТС», 2005. - 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).



Сведения об авторе:

Соловьев Юрий Павлович, кандидат филологических наук, доцент Московского психолого-социального университета, филиал в г. Брянске, vur.soloviev@yandex.ru

«ВЕНЕРЫ» ПАЛЕОЛИТА: ВЗГЛЯД С ЧЕТЫРЕХ СТОРОН

Аннотация. Загадка назначения так называемых «палеолитических Венер» - одна из проблем, вот уже более ста лет стоящая перед археологией, культурной антропологией, искусствоведением. В обзоре дан широкий спектр опубликованных в научной печати мнений по данной проблематике – от традиционных до весьма дискуссионных и оригинальных. Они систематизированы по четырем основным направлениям. 1. Эротико-эстетическое назначение (искусство ради искусства или искусство как воплощение сексуальности). 2. Теологическое назначение (фетиши, изображающие верховное женское божество, Великую Мать-Богиню). 3. Ритуально-магическое назначение (вместилища духов-помощников шамана либо духов-покровителей семьи и очага – аналогов римских ларов и пенатов). 4. Бытовое назначение (игрушки, персонажи первобытного «театра-вертепа», обучающие предметы).

Ключевые слова: палеолитическое искусство, женские статуэтки, сексуальность, мать-богиня, дух очага, духи-помощники, шаманизм, первобытная педагогика.

Chubur A.A. The paleolithic "Venuses": view from four perspectives

Abstract: The riddle intended of so-called "Venus figurines" is one of the challenges for more than a hundred years facing archeology, cultural anthropology and art history. The review is given a wide range of published in the scientific literature of opinion on this problem - from the traditional to the very controversial and original. They are systematized in four main areas. 1. The purpose of erotic and aesthetic (art for art's sake or art as the embodiment of sexuality). 2. The theological purpose (fetishes, depicting the supreme female deity, the Great Mother Goddess). 3. Ritual magical significance (receptacle of spirit helpers of the shaman, the spirits-protectors of family and hearth - unique Roman Lares and Penates). 4. Utility purpose (toys, characters primitive "Theatre-den" teaching subjects)

Keywords: Paleolithic art, female figurines, sexuality, the mother goddess, the spirit of the hearth, spirit-helpers, shamanism, primitive pedagogy.

Свобода – единственная форма существования искусства. Мне кажется, что именно этому учит нас его первоначальная фаза. Именно этим оно важно для нас, людей века Пикассо и Штокгаузена. Да, оно поучительно, и еще больше поучительна история науки о первобытном искусстве. Это бесконечно далекое от нас искусство было в наших руках подвластно нам, мы лепили из него доказательства своей правоты, своих представлений о человеке. А теперь оно нас учит, указывая на элементарную истину – неизменность человеческой природы при всей изменчивости человеческого общества.

Геннадий Павлович Григорьев

Открытие в первые годы изучения палеолита древнейших изображений женщин, получивших звучное образное имя «палеолитические Венеры» поставило перед учеными множество проблем, которые обсуждаются до сих пор. Одним из важнейших и наиболее трудноразрешимых вопросов является назначение этих скульптур (и примыкающих к ним наскальных рисунков и барельефов).

Изображенные женщины, как правило, обнажены. Именно по этой причине они и получили название, связанное с античной богиней, Впрочем, есть фигурки частично (в виде поясков, лент, ремешков на теле) и даже, в исключительных случаях, полностью одетые. Высота фигурок обычно от 5 до 25 см. Наличие нескольких канонов построения фигур стату-

эток объясняются разными подходами к созданию заготовки и особенностями технологии обработки материала [22, с.120-131].

Ареал распространения миниатюрных статуэток из слоновой кости, мягкого камня, а иногда и керамики, на первый взгляд представляется огромным – от Западной Европы до бассейна Ангары. Однако если нанести все находки на карту, то становится ясно, что зоны их распространения можно перечислить по пальцам, при этом каждая из них довольно компактна. В Европе это участки долин Дордони и Везера в Аквитании и восточные отроги Пиренеев (юго-восток Франции, более 80 находок), это Лигурия (северная Италия, около 20 находок), это Дунайско-Рейнская область с ядром в Моравии (Чехия), включающая также Словакию, Австрию и южную Польшу и Германию (свыше 70 находок) и, наконец, территория, охватывающая верхний Дон, верхнее Поочье, отчасти Среднее и верхнее Поднепровье, включая весь бассейн Десны (свыше 60 находок). В Азии статуэтки встречены только в Приангарье (31 находка) [3].



О популярности темы палеолитических «Венер» в современной культуре говорят их изображения на коллекционных монетах и почтовых марках разных государств

В предлагаемом вниманию обзоре я почти не стану касаться таких сторон проблематики «палеолитических Венер», как их типология, топография находок, технология изготовления. Речь пойдет в первую очередь о предназначении. Любая вещь, созданная руками человека, создавалась с определенной целью. Для удобства попробуем разбить существующий огромный массив гипотез на несколько групп и посмотреть на древние статуэтки как бы с четырех разных сторон.

1. Версия эротическая (она же - эстетическая).

В европейской литературе ещё в конце XIX века возникла теория, находившая в женских статуэтках отражение «эстетического идеала» людей каменного века и объясняя появление «варварского эталона красоты» в первую очередь почти зоологическими эротическими переживаниями пещерных дикарей. «Секс и голод были двумя причинами, которые повлияли на всю психическую жизнь охотников на мамонта и их произведения искусства» - писал чешский археолог Карел Абсолон [31].

Российский этолог В.Р.Дольник предлагал сопоставить настенные «фрески» современного мужского общественного туалета или лифта в многоэтажке и палеолитические изображения: «чем избыточнее выражены у модели те признаки, которые закодированы в программе узнавания, тем сильнее она действует. Палеолитическую Венеру называют высоким искусством, современный плакат с голой девицей – эротикой, а сортирную «Венеру» — порнографией. ...Но верно и то, что, с точки зрения этолога, это все одна и та же подсознательная потребность мужчин как-то выразить свое влечение и восхищение» [10, с.143]. Так, Анна и Ян Бурдукевич (Вроцлавский университет, Польша) обращают внимание, что типы женских

силуэтов в современном эротическом фотоискусстве и в палеолитической скульптуре оказываются практически идентичными [35]. Американский этолог и антрополог Дэйл Гэтри, в свою очередь, указывает, что столь же сходны классические сексуальные позы моделей «Плейбоя» и позы палеолитических изображений женщин – как скульптурных, так и живописных и гравированных. По его мнению, палеолитическое искусство в целом носило в первую очередь не магический, а вполне реалистичный характер и служило тем же целям, что и соответствующие фотографии в современном мире [42, 43]. Отсюда один шаг до предположений о вырезании и гравировке фигурок подростками, у которых гормоны уже играют, но которые до женского тела допуска не имеют, пока не пройдут инициацию. Вот только выходит, что они с детства были опытными резчиками по кости и мягкому камню, что вызывает резонные сомнения. Да и сложную топографию находок в культурных слоях такая гормонально-сексуальная гипотеза ничуть не прояснит.



Карел Абсолон
(1877-1960)



Виктор Рафаэлевич Дольник
(1938-2013)



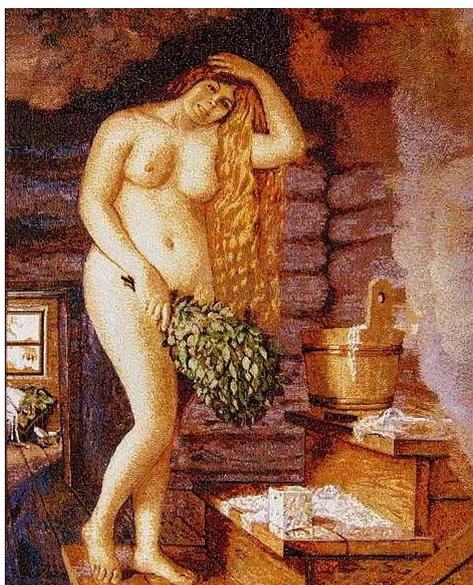
Венера из
Монпазьер

Рудольф фон Фейстель (Йенский университет, Германия) полагал, что изначально главной целью изображений с выраженным акцентом на груди, таз и половые органы было стимулирование «влажной животной похоти» у древних охотников – то есть искусственно усиливало их инстинкт размножения [39, p.10]. Заметим, что для Фейстеля это положение – лишь отправной пункт, назначение женских фигурок далее оказывается не столь однозначным. Некоторые же исследователи и в конце XX века придерживались теории «палеолитической порнографии», «искусства ради искусства» или точнее – «искусства для удовольствия»: «солютрейские женские фигурки, выгравированные вульвы и животные должны быть связаны с сильным физическим желанием пищи и секса у молодых людей...» [45, p.68].

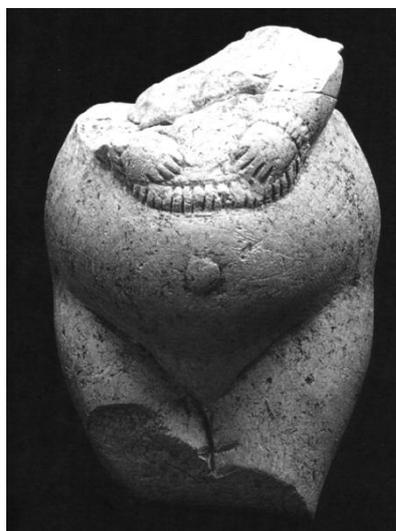
Однако возникает резонный вопрос: зачем палеолитическим мужчинам могли понадобиться «порноизображения», или, выражаясь изысканней, «мет-арт» ледникового периода? Грубо говоря, это все равно, что просматривать эротические ролики, загораая на нудистском пляже. Ведь в отапливаемых жилищах было жарко даже в морозный период, и все их обитатели находились внутри только обнаженными или почти обнаженными. Иного варианта при отсутствии тканей или вязаной одежды просто нет: кожаная и меховая одежда быстро пропитывается потом и затем на морозе начинает крошиться. Об этом недвусмысленно свидетельствуют и данные этнография народов крайнего севера [5]. Древние скульпторы, кроя кремнёвыми пластинами и резцами слоновую кость и мягкий камень, скорее изображали не нечто тайное, обычно скрытое от глаз, а напротив – то, что было перед глазами практически постоянно.

Гипотеза реалистичных женских портретов эпохи палеолита имеет немало версий объяснения причин их создания. Старейшая – гипотетические межрасовые контакты, потрясшие воображение и чувственный мир кроманьонцев. Согласно предположениям Эдварда Пьетта, статуэтки отразили знакомство европеоидов с представительницами негроидной расы, о чем, по его мнению, говорит стеатопигия (чрезмерное развитие жировой клетчатки на бёдрах и ягодицах действительно характерно для женщин койсанской расы – бушменов и готтентотов) [62; 63]. Однако расовая теория Пьетта быстро утратила свои позиции уже к двадцатым годам XX века.

Н.Д.Праслов (ИИМК РАН), анализируя иконографию статуэток, также вынес на повестку дня идею о портретах современников в исполнении первобытных художников и скульпторов. Николай Дмитриевич подметил, что определенные каноны скульптурных изображений касаются только сюжетной схемы (а на самом деле они связаны еще и с технологией изготовления статуэток), но не трактовки художественного содержания. Жесткие каноны исполнения статуэток не противоречат созданию художественного образа, в основе которого вполне мог быть каждый раз конкретный живой прототип с неповторимыми портретными чертами. Под портретными чертами подразумеваются черты, как лица, так и тела вообще, в палеолите не менее открытого, чем лицо в христианском мире, а значит тоже имевшего четкую персонификацию.¹ Таким образом, Н.Д. Праслов предлагал видеть в палеолитических Венерах изображения вполне конкретных людей [18]. Кстати, упоминавшиеся уже польские исследователи, проанализировав соматотипы женщин, запечатленных в скульптуре палеолитической эпохи, пришли к выводу, что они практически полностью соответствуют набору современных женских соматотипов.



Б.М. Кустодиев «Русская Венера»



Палеолитическая Венера из Костенок. Сезон 1988 г., была найдена в присутствии автора. Раскопки Н.Д. Праслова



Николай Дмитриевич Праслов (1937-2009)

В отличие от предположений об изображении недостижимых объектов вожделения и о простом эстетическом наслаждении женской красотой, так называемая гипотеза «Демонст-

¹ Вспомним известную, основанную на реальном событии притчу о Чарлзе Дарвине и дикаре-огнеземецке: Дарвин поинтересовался, не холодно ли туземцу без одежды, на что тот, указав на лицо Дарвина ответил вопросом на вопрос: - А тебе не холодно? – Но это же лицо, - ответил ученый. – Так у меня везде лицо, - констатировал туземец (см. Максимилиан Волошин «Лицо, маска и нагота»).

рации трофеев», предполагает, что палеолитическое искусство вообще возникло как средство демонстрации мужчинами своих охотничьих и сексуальных успехов [37]. Таким образом, согласно этой гипотезе, мужчина после каждого свершившегося сексуального акта с новой женской особью изготавливал портрет очередной «дамы сердца» из бивня или иного материала. «Венеры» в таком случае - своеобразная галерея похождений доисторических «мачо». Впрочем, учитывая уникальность таких находок (пока что менее 300 на всю огромную Евразию) о понятии «мачо» следует забыть, и лишь дивиться, как человечество умудрилось с такими темпами соитий не вымереть еще в верхнем палеолите.

Определенным образом перекликается с гипотезой «Демонстрации трофеев» и гипотеза, изложенная в серии статей И.В.Шмидт (Омский государственный университет) [26; 27; 28; 29]. Она полагает, что древних скульпторов привлекали не эротизм с одной стороны, и не деторождение как таковое с другой, а само пограничное состояние беременности: «Складывается ощущение, что палеолитическую культуру интересовала, образно выражая мысль, «срединная часть» повествования на тему рождения жизни – без начала и без концовки» [28]. Но беременность – срединная часть для женщины, а для мужчины – это уже результат его деятельности. Таким образом, «изображение беременной женщины, как бы это странно не звучало, знак роли именно мужчины в рождении / продолжении жизни, а не женщины... Знаком мужчины в рассматриваемом тексте является «набухший новой жизнью» живот женщины» [29, с.197]. Заметим лишь, что далеко не все статуэтки изображают беременных женщин, но в рамках предложенной концепции и этому может быть найдено объяснение.

Иное прочтение «изобразительного текста» предлагает этнограф-африканист П.А. Куценков, пытаясь объяснить причины носящего оттенок эротики творчества людей верхнего палеолита, полагает, что как минимум часть Венер изображает женские особи другого биологического вида – неандертальцев, некоторое время, возможно, сосуществовавших с *Homo sapiens* [14]. По его мнению, неандертальские женщины по какой-то причине оказывались наиболее привлекательным объектом сексуального влечения для мужчин-кроманьонцев. Это влечение, считает исследователь, требовалось подавить в целях выживания нового вида. «Всякий контакт с видом-предшественником неизбежно должен быть блокирован, прежде всего, для мужской части разрозненных групп неантропов... Новый вид был бы обречен, еще не успев толком отделиться от предшествующего. Между тем "запрет" на половые связи с представителями предшествующего вида блокировал самый мощный инстинкт – размножения. Это была депривация – лишение организма нормальных раздражителей из внешней среды и/или возможности нормальной реакции на них. ...Создание женских изображений и могло быть тем предохранителем, который "снял" невроз и возвращал перволудей в "нормальное" состояние» [15, с.146-148].

Не будем вдаваться в сомнительные рассуждения об уровне познаний далеких предков как в области генетики и селекции, так и в области реальных и мнимых опасностей межвидового секса, поскольку главная ошибка П.А. Куценкова состоит не в этом, а в крайне плохом знании источников. Он считает неандертальцев «видом-предшественником», тогда как на самом деле это совершенно самостоятельная параллельная ветвь рода *Homo* – иначе говоря, неандертальцы не являются предковой формой людей современного типа. Генетическое разделение видов по данным анализа ДНК, произошло почти полмиллиона лет назад [41]. При этом все палеолитические Венеры были изготовлены в развитой поре верхнего палеолита (не более 32000 лет по калиброванным радиоуглеродным датам), то есть в то время, когда последний неандерталец, скорее всего, почил не менее десяти тысячелетий назад, если не считать уникальных рефугиумов мустьерской культуры вроде Бетово под Брянском. Эти два факта уже делают гипотезу П.А. Куценкова абсолютно несостоятельной. Развернутая критика его работ опубликована М.В. Аниковичем и Н.И. Платоновой [4].

Близкая версия замещения реальной природы ее изображением была выдвинута петербургским психологом В.И. Искриным. Здесь речь, однако, уже о внутривидовых отношениях. По мнению исследователя, статуэтка – это не что иное, как вручившийся мужчине женщиной символ отказа от сексуальной связи с ним – заменитель природы куклой, изображением, с целью снятия у несостоявшегося партнера психологического напряжения и агрессии [12]. Этакий «утешительный приз» или, если вспомнить украинскую этнографию, «поднесение гарбуза». Свое изображение женщина, по мнению В.И.Искрина, делала сама (отсюда и индивидуальные черты статуэток), затрачивая немало стараний, сил и времени для мужчины, совершенно для нее непривлекательного. Плохое знание контекстов залегания, облика и сохранности артефактов приводит к высказыванию откровенно курьезных и даже анекдотичных сентенций. Так, к примеру, разбитые статуэтки, по его мнению, раскалывались специально на две «привлекательные для мужчин части – верхнюю и нижнюю». Как тогда быть с многочисленными обломками ножек и отломавшимися головами? Предположить, что потерпевший неудачу на сексуальном фронте соплеменник в сердцах крушил подарок оземь, снимая тем самым агрессию? Статуэтки, часто не имевшие проработанных лиц, нередко выполнены с явными индивидуальными чертами, хоть и по единому канону. Однако отсутствие ликов наводит В.И.Искрина на мысль, что палеолитические женщины во время секса надевали на себя нечто вроде паранджи или чадры, дабы обезличить себя, став для партнёра «женщиной вообще». Анекдотичность, паранаучность «теории», не находящей к тому же и серьезных этнографических аналогий, лежит на поверхности.

Итак, подведем промежуточный итог. Отрицать наличие эротической составляющей в женских изображениях палеолитической эпохи было бы неразумно, как и наличие составляющей эстетической. Вопрос лишь в том, является она доминантой, или же лишь фоном, оттеняющим и усиливающим основное предназначение статуэток. Д-р Иржи Свобода (Институт археологии, Брно, Чехия) указал, что и в современном мире роль женской красоты как таковой не утратила значения: «Наша собственная культура в значительной мере опирается на изображения женщин, чтобы подчеркнуть эротический смысл и коммерческое применение, другими словами, женская красота широко демонстрируется публике даже в целях рекламы продукции в материалистическом обществе» [69, p.206].

2. Версия теологическая (она же – мифологическая).

Прямым антиподом гипотезе «порнографии каменного века» стали воззрения, согласно которым женские фигурки напротив, глубоко одухотворены, и являют собой доказательство существования охватывающего огромные пространства древнейшего религиозного культа Богини-Матери, Матери-Земли или Великой Богини. Изначально ряд исследователей признавал связь статуэток и иных женских изображений не с рефлексией на сексуальные потребности мужчин, а с образом некоего «божества плодородия», сформировавшимся на основе изначального промискуитета [17; 47].

Корни атрибуции палеолитических женских статуэток, как изображений Богини-Матери, лежат в трудах создателя исторической мифологии матриархата Иоганна Бахофена. Именно он предположил изначальное существование в первобытном социуме культа высшего женского божества и, соответственно, верховенства женщин в социальной структуре [33]. Основанное на умозаключениях его убеждение, что матрилинейные системы обязательно примитивнее патрилинейных, привело в первобытной археологии и доистории к затянувшемуся смешению понятия матриархата (власти женщин, гинеократии – плода фантазии Бахофена) с реальными матрилинейностью и матрилокальностью [8]. Из трудов Бахофена и его последователей, среди коих наиболее известны К.Маркс и Ф.Энгельс, вырастают до сих пор не покинувшие некоторые учебные пособия социологизаторские схемы советской пер-

вобытной археологии, в которых марксистские догматы были сакрализованы. Так, советский палеолитовед П.П.Ефименко полагал женский образ центральным в первобытном искусстве и считал его как раз подтверждением материнско-родовой организации социума и матриархата, а также «женского культа», вызванного к жизни исключительной ролью женщины в общественной и хозяйственной жизни первобытной общины, в продлении рода [11]. Такие суждения вошли во все советские учебники. Исключительно благодаря марксистской сакрализации и сама идея матриархата дожила, как в заповеднике, до распада СССР (а во многих российских учебниках успешно продолжает свое посмертное бытие), тогда как во всем мире была отвергнута еще в первой половине XX века.



Иоганн Якоб Бахофен
(1815-1877)



Пётр Петрович Ефименко
(1884-1969)



Мария Гимбутас
(1921-1994)

Основным добытчиком пропитания в палеолитическое время всегда был мужчина-охотник, защитником – мужчина-воин. Без мужчин род, община были обречены на скорое и, скорее всего, вымирание. Такова реальность, если отбросить принимающую порой неадекватные формы в современной антропологии гендерную толерантность. Социальный статус мужчины в палеолите был непререкаем в силу его социальных функций. Статус женщин, как продолжательниц рода и хозяек тоже был по-своему важен, но ни о какой их власти речи не могло быть. Об этом свидетельствует и этнография современных «примитивных социумов». По данным «Этнографического атласа» Дж. Мёрдока, «среди 224 обществ охотников и собирателей лишь 17 (8%) имеют матрилинейный род, 30 (13%) имеют патрилинейный род, 7 имеют родовую организацию иного типа, а большинство (170 обществ) родовой организации не имеют. Среди 423 обществ мотыжных земледельцев явно больше обществ с матрилинейным родом (17%). В целом матрилинейные общества встречаются вообще достаточно редко (менее 20% случаев), при этом повышенный процент их наблюдается в обществах со средним уровнем культурной сложности - мотыжных, бесплужных земледельцев. В обществах с плужным земледелием число матрилинейных групп снижается» [6]. Даже матрилокальность и вытекающий из нее матрилинейный отсчет родства для палеолитических общин вызывает серьезные сомнения, ибо для рода крайне нелогично отпускать добытчиков в другой род на постоянное место жительства.

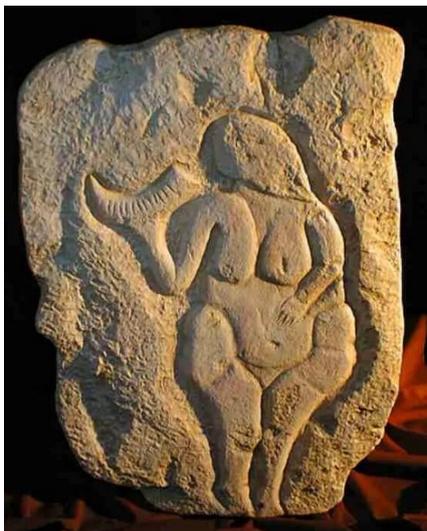
По мнению крупного специалиста по первобытному искусству З.А.Абрамовой, предложившей синтез гипотез о Матери-Богине и об охотничьей магии (о которой речь пойдет несколько ниже), обезличенность большинства фигурок позволяет предположить, что их образы не связаны с реальной натурой. Зоя Александровна полагала, что «Венеры» имели ис-

ключительно культовый подтекст, магическое назначение. Это, по мнению исследовательницы, был собирательный образ матери и женщины-хозяйки стихийных сил природы, владычицы животных, от обилия которых зависела жизнь и благополучие общины [1, с.106]. В последних своих работах З.А.Абрамова уже не придавала женским фигуркам столь всеобъемлющего сакрального значения, говоря, что «искусство малых форм носит бытовой, «домашний» характер, в нем нет ничего мифологического» [2, с.24]. И об этом нам еще предстоит вспомнить позднее.

Как уже было сказано выше, немало статуэток имеют весьма выразительное изображение черт лица. Более того, фигурки имеют, помимо лица, массу иных индивидуальных признаков, они выполнены по сходным канонам, но вовсе не единообразны. Патриция Райс, ознакомившись со 188 статуэтками, смогла разделить их по строению тела на четыре возрастных группы: 1) дорепродуктивная, 2) репродуктивная (беременные), 3) репродуктивная (небеременные), 4) пожилые [64]. Таким образом, статуэтки изображают женщин всех возрастов, а не только матерей и беременных, что уже не укладывается в концепцию Матери-Богини. Выше уже говорилось, что статуэтки отражают все известные типы конституции женского тела [35].



Зоя Александровна Абрамова
(1925-2013)



«Венера» из грота Лоссель
(Франция)



Сергей Николаевич Замятин
(1899-1958)

В 1926 г. К. Шухардт [67], основываясь на изображенных в гроте Лоссель двух полных обнаженных женщин, одна из которых держит в руке рог, предположил, что палеолитические Венеры – это изображение жриц, проводящих некие обряды. Обративший внимание на то, что не все статуэтки изображают тучных или беременных женщин, С.Н. Замятин попытался проникнуть в суть изображенного в Лоссель обряда, противопоставив свою трактовку мнению П.П.Ефименко о статуэтках – изображениях «матери-богини» [72]. С.Н. Замятин считал, что женщины были участницами неких «мистерий», предварявших охоту, и статуэтки и иные женские изображения наряду с изображениями животных тоже играют роль детали обряда охотничьей магии. По сути дела, уходя от «Матери-богини» он пришел к параллельной версии «Хозяйки природы». Увы, и эта гипотеза оказалась слабо подкреплена этнографическими аналогиями. Симпатическая охотничья магия, похоже, имела место в палеолите. Недавняя находка статуэтки бизона в Зарайске, на которой есть несомненные следы ударов острым предметом в область сердца, ясно свидетельствует о наличии таковой [32]. Есть такие следы ударов и на сделанной из песчаника статуэтке мамонта из Авдеево-Нового

[44] однако это ничуть не проясняет роли и женских статуэток и самих женщин в этом обряде. В традиционных обществах, как правило, имеется четкое гендерное разделение бытовых обязанностей, и охота обычно входит в «мужскую зону деятельности». Если же сравнивать преднамеренно разбитые женские статуэтки с указанными артефактами, то можно прийти и до абсурдного мнения об охоте не только на мамонтов и бизонов, но и на представительниц противоположного пола (пусть, возможно, и с другой целью – сексуально овладеть оными). Тоже симпатическая магия, но причем, в таком случае, жрицы и участницы обрядов подчинения природы?

В западной науке теория «богини-матери» испытала кратковременный ренессанс во время расцвета феминизма. Среди публикаций этого периода есть и вполне серьезные, хотя и дискуссионные научные исследования. Однако палеолитических «Венер» они касаются скорее вскользь. Так, Мария Гимбутас пишет в своих работах чаще о поклонении «Великой Богине» плодородия уже в неолитическую эпоху, во времена ранних земледельцев, но время от времени проводит параллели с «Венерами» палеолита, считая их предшественницами неолитического культа Великой Богини [40]. Ряд других ученых, например Б.А.Рыбаков, также упоминают о таких параллелях и даже усматривают некие генетические связи, загадочным образом протянувшиеся через десяток тысячелетий из охотничье-собирацкого социума развитой поры позднего палеолита в социум раннеземледельческий (в котором культ плодородия был бы более уместен, хотя тоже сомнителен) [50]. Эти взгляды на сквозной образ божества, пронесенный сквозь эпохи, не согласуются с тем неоспоримым фактом, что женские изображения практически отсутствуют в археологических материалах в эпохах финального палеолита и мезолита, когда оседлость населения резко снизилась ввиду изменений природной среды. Более того, ретроспективный метод при изучении не связанных генетически и сильно разнесенных во времени культур, чреват серьезными ошибками. Не вполне корректен перенос реалий раннеземледельческого общества в общество охотников и собирателей.

Значительная часть западной литературы о Богине-Матери палеолитической эпохи написана женщинами-феминистками и мужчинами-неоязычниками, не являющимися специалистами в области доистории и первобытной археологии [38; 48; 70]. Они переполнены мистикой и отражают скорее личные квазирелигиозные убеждения авторов, чем научный поиск и аргументацию. С их точки зрения статуэтки – образ доисторической «супервумен», которой поклоняются мужчины за ее женственность и способность производить на свет детей [65]. На постсоветском пространстве мы наблюдаем движение в том же направлении с еще большей маргинализацией теории «Матери-Богини». Она перешла от утративших к ней интерес историков и археологов в пользование к одиозным псевдоученым. Последние ищут в ледниковом периоде следы русских и славянских богов (статуэтки, по их мнению – не что иное, как изображения славянской Макоши) и «читают» на палеолитических фигурках «надписи» на «русском» языке, начертанные фантастическим алфавитом-перуницей. Впрочем, сходные надписи эти «исследователи» видят на потрескавшейся штукатурке и на фотосфере Солнца, и на поверхности Марса и Луны [24]. Печально, что подобными профанациями на грани безумия полнятся книжные магазины и библиотеки, за пределами засорен ими и российский сектор Интернета.

Итак, в чистом виде теологическое толкование «Венер» как кумиров верховных божеств, Первоматери, для специалистов в настоящее время является большей частью достоянием историографии. Культ «Матери-богини», как вариация культа плодородия, характерного в первую очередь для аграрных обществ, в палеолите отсутствовал или находился в зачаточном состоянии, занимая второстепенное положение [25].

3. Версия магическая

По гипотезе, также существующей уже более столетия, статуэтки зверей и женщин объединяет понятие не возвышенного культа плодородия и Матери-Богини, а банальной симпатической магии: первых изготавливали для магической охоты, предваряющей охоту настоящую, вторых – для того, чтобы женщины племени почаще беременели и рожали больше детей [34, p.51-52; 71, p.258]. Согласно этой гипотезе женщина рассматривалась наравне с животными – как производитель потомства, не более. Именно поэтому, по мнению философа П. Флоренского мы видим, что «подчеркивание особенностей женского организма превосходит пределы даже шаржировки, и статуэтка изображает уже женский безголовый торс, в котором особенно выделены бедра и груди. Наконец, последний предел упрощения – статуэтка, представляющая одни только груди, - чистая деятельность рождения и вскармливания без малейшего намека на мышление» [21, с.57]. Вторит ему искусствовед Н.А.Дмитриева: «Бросается в глаза одновременно и мастерство, и примитивность... Мастерство - в том, как цельно и сильно почувствована пластика объемов тела: в этом смысле фигурки выразительны и... даже монументальны. Но в них нет проблеска духовности. Нет даже лица - лицо не интересовало, вероятно, просто не осознавалось как предмет, достойный изображения. Палеолитическая Венера... - сосуд плодородия, и ничего сверх этого» [9]. Из этого следует вывод, что изображения «Венер» более «животные», чем звери на стенах пещер, ибо последних человек изображал с чувством восторга перед их силой, а потому их образы «одухотворены», а вот статуэтки - нет. На фоне глубоко субъективных понятий «одухотворенность» и «духовность» мы вновь наблюдаем приземленное, если не примитивное восприятие женских фигурок как банального средства для повышения рождаемости.

На статуэтки как реалистичные портреты соплеменниц, некоторые исследователи попытались взглянуть с точки зрения первобытной медицины, носившей отчасти магический характер. Дж. Р. Хардинг полагает, что фигурки изображают паталогическое состояние организма, в частности гигантомастию - гипертрофия груди, которую может вызывать гормональное нарушение, например при беременности [46]. При гипертрофии III-IV степени развивается состояние хронической усталости и даже деформация позвоночника с вытекающими последствиями. Фигурки, по мнению Хардинга, применялись шаманами для лечения конкретной пациентки через симпатическую магию. Отсюда – портретное сходство. Жан-Пьер Дюкар, профессиональный гинеколог, тоже воспринимает статуэтки как «медицинский инструмент» шамана, бывшего в палеолите его собратом по профессии [36]. Изучив статуэтки и антропологический материал, он пришел к выводу, что граветтское население по сути дела не отличалось от современных женщин по антропометрическим показателям. По его мнению, исследованные им 23 статуэтки из памятников граветтьена Франции реально воспроизводят различные типы ожирения, известные современной медицине, из этого следует индивидуальность фигурок и, соответственно, живых моделей.

Ни Хардинг, ни Дюкар, увы, не могут объяснить ни то, почему шаман лечил с помощью фигурок лишь гигантомастию, ни то, почему пользовал магическими благами только женщин, оставляя мужчин без внимания. Помощь при родах? Но не все фигурки изображают беременных. Нельзя считать бесспорным, что даже все женщины пышных форм обязательно беременны – иначе нам придется считать беременными «по определению» и многих дам с картин Рубенса или Кустодиева. А ведь помимо тучных дам мы имеем и фигурки, по всей видимости, молодых, не достигших или едва достигших зрелости девушек, у которых не так развита грудь и почти отсутствуют подкожные жировых отложения. К примеру, именно как девушку, даже девочку характеризует Венеру из Петржковице И. Свобода (Институт археологии АН Чешской республики, Брно) [69].



Фигурки Венер, изображающие женщин и девушек различного телосложения и, вероятно, возраста. Слева – направо стоянки: Виллендорф, Дольни Вестонице, Авдеево, Елисеевичи, Петржковице, Люжери-Басс (1-4 – фото автора, 5-6 – из открытых источников)

Заслуживает пристального внимания набирающая аргументы точка зрения, что фигурки женщин и животных могут быть трактованы как вместилища духов-помощников шамана. К таким выводам, например, пришли Маргарита Мюсси, Якоб Сен-Мар и Пьер Болдус [60]. Выделив несколько типов женских фигурок и близких к ним изделий выяснив, что каждый из типов распространен территориально очень широко, авторы предполагают, что палеолитические Венеры являются проявлениями протошаманизма или палеошаманизма – древних верований, имевших место у населения огромных пространств Евразии. Исследователи смогли предположить, что «в середине верхнего палеолита Европы существовал сложный набор верований, в который вошло представление, что некоторые лица (особенно женщины) имели способность или силу для перехода с обыденного на иной уровень бытия. Эти, а также иные сильные идеологические связи, вероятно, способствовало успешной колонизации огромной евразийской мамонтовой степи». Привлечение идеи шаманизма может объяснять также безликость и примитивность, грубость части артефактов. Сандра Сазелова в этой связи пишет, что по этнографическим наблюдениям художественная интерпретация амулетов часто груба и схематична, чтобы вселившийся в них дух не оживил их [66].

Из этнографических наблюдений вытекает и весьма перспективная гипотеза этнографа С.А.Токарева, который полагал, что женские палеолитические скульптуры олицетворяли «хозяек очага», семейных духов. «Для многих народов, сохранивших пережитки родового быта, - писал Токарев, - характерны религиозное почитание родового и семейного очага как средоточия и материального воплощения жизни рода, семьи, и олицетворение очага в образе его “хозяйки”» [19]. Одновременно он указывал, что по данным этнографии ему практически не известны случаи почитания «женщины-родоначальницы», зато у многих народов присутствует культ семейного очага и его матерей-охранительниц, хозяек [20]. Отголоски такого первобытного культа мы наблюдаем не только у традиционных племен и этносов, но и у древних римлян, где каждый член семьи, а также семейный очаг имел своего покровителя – лара. Лары выглядели как куклы, и их складывали в особый сундучок [61], так же, как ранее палеолитические статуэтки в ямки-хранилища. К ним обращались за помощью в связи с родами, обрядом инициации, бракосочетанием, смертью.

Развивает в настоящее время идею С.А. Токарева автор данного обзора – А.А. Чубур [23]. Вероятней всего палеолитическая семья была экзогамной и патрилокальной, то есть мужчины супругу брали из другого рода, или, по крайней мере, из другой локальной группы. Девушка, выходя замуж, переходила в общину мужа (замуж с той поры именно «выходят» – т.е. покидают свою общину). С точки зрения первобытного мышления такой переход означал смерть девушки для ее общины и ее новое рождение уже в статусе замужней женщины для другой общины. Такие переломные моменты жизни, как рождение, свадьба, смерть, сопровождаются ритуальной скверной, поскольку в каждом из переходов человек пересекает границу «мира живых» и «мира мертвых», нарушая их стабильность, что, с точки зрения первобытного восприятия требует неких обрядов очищения. Переход к семейной жизни, как другие переходы, в традиционных обществах сопровождался обрядами инициации, широко распространённый сценарий которой – символическая смерть иницируемого лица и его последующее символическое возрождение в новом качестве [30].



Сергей Александрович
Токарев (1899-1985)



Кетская фигурка
женского духа очага



Статуэтки ларов и пенатов
Древний Рим



трипольская
статуэтка

Вспомним, что статуэтки делятся и по материалу, и по их положению в культурном слое, и сохранности. Часть статуэток разбита, их фрагменты лежат в культурном слое, часто на окраине жилой площадки. Возможно, что при уходе невесты в другую общину непрочная, «одноразовая» статуэтка разбивалась («умирала») и выбрасывалась либо на периферию поселения, за пределы зоны активной жизнедеятельности, либо просто под ноги, как прах, мусор. Это символизировало виртуальную смерть данной женщины для этой общины, ее отчуждение, разрыв мистической связи. Не исключено, что подобный обряд мог сопровождать и рождение первого ребенка (смена статуса на материнский – снова переход) – отсюда фрагментированные фигурки рожениц. Легко данная гипотеза объясняет и почти полное отсутствие мужских фигур: мужчины в другую общину вряд ли уходили, а значит и не нуждались в мистериях перехода.

Вот что пишет об обряде разбивания фигурок известный российско-австралийский этнограф Владимир Кабо: «Жизнь, созидание, творчество парадоксально совмещены в первобытном сознании со смертью и разрушением. Чтобы создать, надо разрушить. ... Глиняные изображения Дарамулуна, одного из высших существ юго-восточной Австралии, показывались посвященным во время обряда инициации, после чего дробились на осколки. В Меланезии, на о.Новая Ирландия, в священных обрядах маланган, связанных с культом предков, разбивали на части сделанные из известняка их изображения. Замечательная аналогия этому обычаю обнаружена в позднепалеолитическом местонахождении Костенки – намеренное

разбивание мергелевых антропоморфных статуэток. Возможно, мы имеем дело с родственным кругом идей и действий, включающих ритуальное созидательное разрушение как источник возрождения новых человеческих существ» [13].

Логично предположить, что создание новой семьи, появление нового постоянного члена другой локальной группы, общины, тоже должно быть закреплено неким ритуалом. Поскольку появлялся новый семейный очаг (это не только образ, но и реальный очаг с горящим в нем огнём), это событие могло маркироваться вырезанием «постоянной» прочной костяной (или каменной, из более твердых пород) статуэтки, в которую во время некоего ритуала вселялся дух «хозяйки огня» - помощницы новой реальной хозяйки. Такая статуэтка «поселялась» в ямке-хранилище – символическом жилище. Кто именно создавал статуэтку на новом месте - мы не знаем: был это шаман, счастливый муж или «вновь рожденная» жена? Трактуя часть статуэток, как образы духов очага, стоит задуматься об их связи с реальными хозяйками очага. Такая связь в первобытном сознании могла быть весьма недвусмысленной. Дух дома, «домовой», даже по современным поверьям, зафиксированным этнографами и фольклористами, предпочитает принимать облик реальных хозяев дома [16].

Объяснимы и преднамеренно расколотые статуэтки из прочных материалов, если предположить, что смерть реальной хозяйки семейного очага должна была повлечь за собой ритуалы перехода. Тогда, возможно, со смертью реальной женщины должно было быть разрушено и ее изображение – вместилище духа-помощника, которого отпускали на свободу или переселяли в другую фигурку.

4. Версия бытовая.

Как статусные вещи, связанные с высоким социальным положением в палеолитическом обществе женщин, занимавшимся плетением из растительных волокон рассматриваются статуэтки О. Соффер, Д. Адовазио и Д. Хайланд [68]. Безусловным достижением исследователей является изучение плетения и примитивного ткачества в палеолите, не вызывает возражений и наличие на некоторых статуэтках вязаных или плетеных головных уборов, поясков, набедренных повязок, однако многие археологи и антропологи справедливо указывают в комментариях к статье на то, что необходимо учитывать больше факторов, а не упрощать решение проблемы.

Следует заметить, что нередко археологи относят предметы к культовым лишь потому, что не находят им иных полноценных разумных объяснений, а не потому, что удалось убедительно доказать именно культовую принадлежность артефакта. Таковы, на взгляд автора, например многочисленные глиняные фигурки животных, в первую очередь лошадок, с городищ раннего железного века лесной зоны Евразии. Традиционно их причисляют к культовым предметам, но они вполне могут быть и банальными детскими игрушками: вспомним, что еще недавно в деревнях малыши игрались глиняными лошадками, птичками, коровками, всадниками. Миниатюрные сосуды того же периода, копировавшие форму настоящих горшков, также долгое время считали культовыми, но оказалось, что они изготовлены детьми и использовались как кукольная, игрушечная посуда. Подобная ситуация принципиально возможна и для артефактов палеолитической эпохи.

Сандра Сазелова (Университет Брно, Чехия) ссылаясь на отдаленные этнографические аналогии справедливо указывает что, рассматривая возможное назначение статуэток, нельзя полностью игнорировать вариант их трактовки как игрушек, кукол. Обращает она внимание и на тот факт, что «...существуют заметные различия в художественном стиле и окончательной обработке женских фигурок верхнего палеолита. При использовании этнологических аналогий эта ситуация может быть частично объяснена ожидаемым применением. Вообще

говоря, бытовые женские фигурки изготавливаются с гораздо большей реалистичностью и детализацией, чем фигурки, изображающие непосредственно женских духов-хранителей, предлагающих помощь и защиту. Художественная интерпретация этих амулетов часто груба и схематична, чтобы дух не оживил их» [66, p.228].

Д-р Иржи Свобода предлагает свою смелую версию: использование статуэток в качестве персонажей «кукольного театра», своеобразного «палеолитического вертепа», а может и театра теней [69, Fig.61]. Такой театр мог быть нужен и полезен не только и не столько для развлечения, сколько для обучения – трансляции подрастающему поколению мифологической картины мира с ее неизвестными нам ныне культурными героями, демиургами, космогонией. Таким образом, мы переходим уже в сферу первобытной педагогики.

Лерой Макдермотт (Университет Миссури, США) выдвинул версию статуэток как палеолитического «сэлфи»: по его мнению, женщины палеолита изображали сами себя. Зеркал в то время не существовало, и можно было просто осматривать свое тело. Именно поэтому на автопортретах, как правило, отсутствует лицо и искажены пропорции тела. Л. Макдермотт показывает, что практически во всех ракурсах контуры и пропорции статуэток совпадают с реальными пропорциями взрослых беременных женщин на 4-6-м месяце. Его аргументация представляется убедительной, поскольку дается сравнение фотографий, на которых Венеры из Леспюг и Виллендорфа, сняты под теми же углами и в тех же ракурсах, что и фотографии тела современной беременной женщины [49]. Увы, причины «сэлфи» так и остаются не до конца ясными, как и приписываемая статуэткам «дидактическая» роль. Не находят ответа многие вопросы, например: какую «информацию о биологических процессах уникальных для жизни женщин» хранили статуэтки, и почему ее нельзя было транслировать, к примеру юным девушкам, с использованием не менее дидактичной собственной живой природы? Почему женщины так были заинтересованы в почти фотографически точном воспроизведении некоторых частей своего тела? Почему женщины детально изображали именно те части своих собственных тел, которые увидеть в принципе не могли: затылок, спину, ягодицы, и, наконец, наружные половые органы? В то же время собственное лицо, всегда являющееся идентификатором личности, они, несмотря на отсутствие зеркал, безусловно, видели в зеркале водной глади – а потому его отсутствие на большинстве статуэток скорее связано не с незнанием, а с нежеланием изображать. Не объясняет автор и почему рассматривал лишь частный случай - статуэтки, хорошо вписывающиеся в ромбический канон.

Заключение

Проблема интерпретации, попытка объяснить назначение артефактов – одна из ключевых проблем в изучении первобытного искусства и первобытного мира вообще. Некоторые трактовки, как мы могли убедиться, основаны на умозрительных теориях, некоторые родились на свет под давлением современных идеологий, однако ключ к интерпретации предметов лежит в них самих.

Возьму на себя смелость предположить, что будущее – за синтетической гипотезой, которая сможет по принципу матрешки соединить несколько частных попыток трактовки палеолитических «Венер», что поможет одновременно объяснить различные стороны данного феномена. Так, идея саморепрезентации женщин, высказанная Лероем Макдермоттом, к примеру, вполне укладывается в гипотезу, сочетающую идеи «хозяйки очага» и брачных обрядов перехода. Ничуть не мешают такой трактовке и сведения об отражении в статуэтках высокого статуса женщин, занимавшихся плетением и вязанием из растительных волокон. Трактовка данных артефактов, как инструментов шамана или (скорее всего) шаманки тоже может найти множество дополнительных непротиворечивых компонентов из ряда других гипотез.

Безусловно, играла определенную роль и сексуальность изображенного женского тела, особенно если вспомнить, что и создание семьи, и многие шаманские практики оказываются связанными с сексуальной сферой бытия.

Отвергнуты должны быть, по моему мнению, как не выдержавшие испытания временем лишь одиозные теории дилетантов, не знакомых с данными современной археологии, а также крайние точки спектра мнений. На одном конце этого спектра воплощение исключительно животных инстинктов, а на противоположном – фантастические суждения о всеохватывающем культе Матери-Богини и распевании гимнов материнству и плодородию. Жизнь людей палеолита явно была интересней, разнообразней и сложнее.

Библиографический список

1. Абрамова З.А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.–Л. 1966.
2. Абрамова З.А. Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы / Труды ИИМК РАН, т.15. – СПб: Европейский дом, 2005. -352 с.
3. Абрамова З.А. Древнейший образ человека. Каталог по материалам палеолитического искусства Европы. / Труды ИИМК РАН, т.34. – СПб.:Петербургское востоковедение, 2010. – 304 с.
4. Аникович М.В., Платонова Н.И. Первобытное искусство, аутизм и «полумозглый» кроманьонец // Российский археологический ежегодник №1. – СПб, 2011. С.650-656.
5. Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. – М. 1991.
6. Боринская С.А., Коротаев А.В. Алгебра и гармония социальных структур: от общины до империи // Природа, 2005 – № 6
7. Григорьев Г.П. Женские статуэтки эпохи палеолита как художественное явление // ΣΥΣΣΤΙΑ: памяти Ю.В. Андреева. Древнейшие памятники истории и культуры. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 33–44.
8. Джоргуди С. Создание мифа о матриархате // История женщин на Западе: В 5 т. Т.1: От древних богинь до христианских святынь. - СПб.: Алетейя, 2005, С.457-471.
9. Дмитриева Н.А. Краткая история искусств, М., 2008
10. Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. – СПб., 2003
11. Ефименко П.П. Значение женщины в ориньякскую эпоху. Известия ГАИМК, т.11, вып.3-4, Л., 1931
12. Искрин В.И. Загадка веныры каменного века. – СПб. : Нестор-История, 2013. – 156 с.
13. Кабо В.Р. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. – М.: Восточная литература, 2007
14. Куценков П.А. Начало. Очерки истории первобытного и традиционного искусства. - М.: Алетейя, 2001. – 264 с.
15. Куценков П.А. Психология первобытного и традиционного искусства. - М.: Прогресс-Традиция, 2007. - 232 с.,
16. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила / Этнографическое бюро князя В.Н. Тенешева. - СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг. – 530 с.
17. Обермайер Г. Доисторический человек. СПб, 1913;
18. Праслов Н.Д. Об одной головке женской статуэтки из Хотылево 2 или К вопросу о портрете в палеолитическую эпоху // Деснинские древности. Материалы межгос. науч. конф. памяти Ф.М. Заверняева. Брянск, 1995. С.21-22
19. Токарев С.А. К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита // Советская археология. 1961 - №2, С.12-20.
20. Токарев С.А. Символика огня в истории культуры // Природа, 1984 - № 9.
21. Флоренский П. Первые шаги философии. - Сергиев Посад, 1917.
22. Хлопачев Г.А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб: Наука, 2006.

23. Чубур А.А. Палеолит Верхнего Поднепровья. История исследований, экономика, жилище, социум. Saarbrücken: LAP Lambert, 2011. – 340 с.
24. Чубур А.А. Каменный век Восточной Европы в кривом зеркале российской лженауки // Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа: Сборник материалов Междунар. науч.-практич. конф., посв. памяти акад. Э.П.Круглякова, СПбГУ, 21-22 июня 2013 г. – СПб.: ВВМ, 2013. – 291 с.
25. Чубур А.А., Касимчук Е.А. Существовал ли культ плодородия в каменном веке Верхнего Поднепровья? // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-21. С.4790-4793.
26. Шмидт И.В. Пренатальная символика палеолита // Вопросы культурологии. 2007. №12. С.72-74.
27. Шмидт И.В. Пренатальная символика палеолита. Продолжение // Вопросы культурологии. 2008. № 4. С.59-64.
28. Шмидт И.В. Архетип «плодородия» в изотекстах палеолита (к содержательности образов) // Памятники археологии и художественное творчество: материалы осеннего colloquium. – Омск: Наука, 2011. – С.104-107.
29. Шмидт И.В. «Плодородие» палеолита - попытка уточнения содержания символа// *Universum Humanitarium*. 2015. №1. С.190-202.
30. Элиаде М. Тайные общества: Обряды инициации и посвящения. К.: София, 2002.
31. Absolon K. The Diluvial Anthropomorphic Statuettes and Drawings Especially the So-Called Venus Statuettes, Discovered in Moravia, A Comparative Study. *Artibus Asiae*, Institute of Fine Arts, New-York University, т.ХII, 3, 1949, p.204-208
32. Amirkhanov Kh., Lev S. Une statuette de bison découverte dans le site de Zaráisk (région de Moscou, Russie). *Bulletin de la Société préhistorique française* 2009, tome 106, no 3, p.1-19
33. Bachofen J. *Das Mutterrecht* - Stuttgart 1861
34. Berenguer M. *Prehistoric Man and His Art*. – London: Souvenir Press, 1973.
35. Burdukiewicz A., Burdukiewicz J.M. Od Luci do Wenus. *Archeologia zywa*. 2009. № 4(44), s.11-17.
36. Duhard J.-P. The Shape of Pleistocene Women // *Antiquity*. 1991- 65, p.552-561.
37. Eaton R. The evolution of trophy hunting // *Carnivore*. 1978. Vol.1, №1, p.110-121.
38. Farrar J., Farrar S. *The Witches' Goddess*. - London: Robert Hale, 1987
39. Feustel R. Sexuologische reflexionen uber jungpalaolithische objekte. *Alt-Thüringen* 1971 (11), 7-46.
40. Gimbutas M. *The Language of the Goddesses*. - New York: Harper Row, 1990
41. Green R.E., Krause J, Ptak S.E., Briggs A.W., Ronan M.T., Simons J.F., Du L., Egholm M., Rothberg J.M., Paunovic M., Paabo S. Analysis of one million base pairs of Neanderthal DNA. *Nature*, Vol.444, 16 November 2006, p.330-336
42. Guthrie R.D. Ecological observations from Palaeolithic art. *La Contribution de la Zoologie et de l'ethologie a l'interpretation de l'art des peuples chasseurs prehistoriques*. Fribourg, 1984. P.35-74.
43. Guthrie R.D. *The Nature of Paleolithic Art*. University of Chicago Press: 2006. – 520 p.
44. Gvozdover M. *Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Avdevo*. *Oxbow Monograph* 49, 1995.
45. Halverson J. Art for Art's Sake in the Paleolithic. *Current Anthropology*. 28(1) February 1987 p.63-98.
46. Harding, J.R. Certain Upper Paleolithic 'Venus' Statuettes Considered in Relation to the Pathological Condition Known as Massive Hypertrophy of the Breasts. *Man* 1976 – 11, p.271-272.
47. James E.O. *The Cult of the Mother-Goddess*. London, 1959
48. Markale J. *The Great Goddess: Reverence of the Divine Feminine from the Paleolithic to the Present*. - Vermont: Inner Traditions International, 1999.
49. McDermott L.R. Self-Representation in Upper Paleolithic Female Figurines. *Current Anthropology* . Vol.37, No.2 (Apr., 1996), p.227-275.
50. Mellaart J. *Catal Huyuk*. - London: Thames and Hudson, 1967
60. Mussi M., Cing-Mars J. Bolduc P. Echoes from the mammoth steppe; the case of the Balzi Rossi. Hunters of the golden age. The mid upper palaeolithic of Eurasia 30,000-20,000 bp University of Leiden, 2000. 105-124.

61. Palaguta I.V., Mitina M.N. On the problem of interpretation of the Neolithic anthropomorphic clay sculpture: figurine sets — their structure, functions and analogies. *Anthropomorphism and symbolic behaviour in the Neolithic and Copper Age communities of S-E Europe*. Suceava, 2014. p.275–301
62. Piette E. La station de Brassempouy et les statuettes humaines de la periode Glyptique // *L'Anthropologie*. 1895 - №6, p.129-151;
63. Piette E. *L'art pendant l'age du renne*. - Paris: Masson, 1907.
64. Rice P. Prehistoric Venuses: Symbols of motherhood or womanhood? *Journal of Anthropological Research*. 1981 – 376, p.402-414.
65. Russell P. The Paleolithic Mother-Goddess: Fact or Fiction? *Reader in Gender Archaeology*. – London: Routledge, 1998. p.261-268
66. Sazelova S. Female figurines of Northern Eurasia: an ethnological approach. Petřkovice. *On Shouldered Points and Female Figurines / Edited by J.A. Svoboda. (The Dolni Věstonice Studies, Vol.15)*. Brno 2008. p.224-232.
67. Schuchhardt C. *Alteuropa. Eine Vorgeschichte unseres Erdteils*. 2. Aufl. Berlin - Leipzig, Walter de Gruyter. 1926.
68. Soffer O., Adovasio J.M., Hyland D.C. The “Venus” Figurines. Textiles, Basketry, Gender, and Status in the Upper Paleolithic. *Current Anthropology Volume 41, Number 4, August–October 2000*. p.511-537.
69. Svoboda J. Upper Paleolithic Female figurines of Northern Eurasia. Petřkovice. *On Shouldered Points and Female Figurines. (The Dolni Věstonice Studies, Vol.15)*. Brno 2008. p.193-223.
70. Stone M.. *When God Was a Woman*. - Mariner Books. 1978
71. Wymer J. *The Palaeolithic Age*. – New York: St. Martin's Press, 1982.
72. Zamiatnine S. La station aurignacienne de Gagarino et les donnes nouvelles d'elle fournit sur les rites magiques des chasseurs quaternaires. M.L. 1934.



Сведения об авторе

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, профессор Российской Академии естествознания, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, директор Научно-исследовательского центра комплексного изучения среднедеснинского региона (совместного с Институтом археологии РАН).

E-mail fennecfox66@gmail.com

УДК. 94(410)

Д.И. Шендыгаев

БРИТАНСКИЙ АРМЕЙСКИЙ ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ: К ПЕРСПЕКТИВЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: Статья посвящена проблемам военной истории Великобритании во время Первой мировой войны. Автором предпринимается попытка проанализировать основные способы пополнения офицерского состава британской армии во время войны. Помимо прочего, в работе рассматриваются проблемы подготовки офицеров в военных учебных учреждениях Великобритании.

Ключевые слова: Первая мировая война, британский офицерский корпус, Штабной колледж в Кэмберли, Королевское военное училище в Сандхерсте, Королевская военная академия в Вулидже.

Shendygaev D.I. The British Army Officer Corps in Great War: prospective of the problem

Abstract: This article is devoted to problems of military history of Great Britain in the First World War. The author tried to analyze commission source in British Army in the war. Besides, there are studied the problems of officers' training in the military institutions of Great Britain.

Keywords: The First World War, British Officer Corps, the Staff College at Camberley, the Royal Military College at Sandhurst, the Royal Military Academy at Woolwich.

Образ офицерского корпуса британской армии в Великой войне был крайне далек от благоприятного. Во время Первой мировой войны офицерский корпус британской армии столкнулся с аналогичными проблемами, характерными для всех противостоящих сторон, однако порой им удавалось успешнее их разрешать. Огромные потери среди офицеров британской армии и увеличение численного состава вооруженных сил Великобритании порождало проблему нехватки среди офицеров, как младшего, так и старшего звена. С другой стороны потери офицерского состава непосредственно на фронтах войны и необходимость численного увеличения Генерального штаба Великобритании приводили к сложностям при взаимодействии среди «фронтовиков» и «штабных». Важной проблемой до сих пор остается степень виновности генералов британской армии в огромном количестве боевых потерь во время Великой войны. Несмотря на то, что данный вопрос неоднократно поднимался в работах таких историков как: Генри Бэзил Лиддел-Гарт «Правда о Первой мировой войне», Джон Киган «Великая война 1914-1918», Макс Хейстинг «Первая мировая война. Катастрофа 1914 года», Барбара Такман «Европа перед катастрофой» и «Августовские пушки», определенного, единого мнения так и не появилось, а вопрос о эффективности деятельности высшего военного руководства Первой мировой войны остается одним из самых спорных ее историографии. Одни исследования подталкивают нас к выводу, что генералы были некомпетентными в подведомственных им вопросах, другие ссылаются на определенно новый характер войны и пытаются объяснить приказы, отдаваемые высшим военным руководством, как неизбежные в сложившихся условиях. Анализ деятельности британского генералитета и офицерского корпуса Первой мировой войны начался вскоре после ее окончания, и продолжился с удвоенной силой после Второй мировой. В обозначенные периоды в научных трудах и популярной литературе стало превалировать мнение о некомпетентности британского генералитета и сравнения его с жестокосердными злодеями и «ослами, ведущими львов» на смерть.

Ко времени вступления Великобритании в Первую мировую войну британский офицерский корпус, включая регулярные войска, специальный резерв, территориальные силы и офицеров запаса, составлял 28 060 человек. Однако по мере развития военных действий Великобритания не ограничилась лишь поддержкой левого фланга французской армии на За-

падном фронте, а все больше брала на себя ответственность, расширяя свой участок фронта во Франции, отправляя войска для противоборства туркам, в Галлиполи и Месопотамии, а также, оказывая давление на немецкие колонии в Африке. К 11 ноября 1918 г. состав британского офицерского корпуса достиг 164 255 человек [8, р. 234]. Офицерские потери в британской армии насчитывали 116 781, убитыми, ранеными и пропавшими без вести с 1914 по 1919 гг., и с 29 889 убитыми только на Западном фронте. Для восполнения младшего офицерского состава пришлось призвать на службу большое число мужчин, плохо знающих военное дело, которые проходили краткие курсы подготовки и направлялись на фронт [11, р. 162]. Генеральный штаб столкнулся с такими же трудностями, и лишь небольшая часть обучалась в Штабном колледже в Кэмберли, в результате военное ведомство организовало специальные курсы для претендентов на штабные должности.

В довоенной британской армии не существовало определенно сложившейся офицерской касты, на подобии прусских юнкеров в Германии. Офицерский корпус британской армии исчерпывался тонким слоем британского общества, а непопулярность службы в офицерском корпусе и дефицит офицеров объяснялись большой зависимостью от финансового состояния [10, р. 742]. Так, будущий фельдмаршал Бернанд Монтгомери вспоминал: «Армейская жизнь требовала расходов, которые заметно превышали денежное довольствие. Считалось, что нужен личный доход, по меньшей мере, 100 фунтов в год для службы даже в, как говорится, наименее «престижных» частях территориальной армии. Чтобы приняли в кавалерийские и в более престижные пехотные полки, требовался доход в 300-400 фунтов» [3, с. 16]. Армейский Совет в 1910 г. весьма оптимистично заявил, что в случае необходимости для мобилизации Британского экспедиционного корпуса понадобится 3201 офицер.

Увеличение численности Британского экспедиционного корпуса вынужденно привело к увеличению Генерального штаба и поставило вопрос о поиске подходящих кандидатур. Штаб Британских экспедиционных сил на момент окончания войны увеличился в 13 раз по сравнению с августом 1914 г., который в то время состоял из почти 30 человек [4, р. 52]. Однако острая необходимость состояла в поиске офицеров для штабных должностей и на других театрах военных действий. Основным способом получения штабных должностей являлось обучение в Штабном колледже в Кэмберли. Однако до начала Первой мировой войны лишь небольшое число офицеров прошло курс обучения в колледже, а до отмены патентов на офицерские звания в 1870 г., обучение в колледже и вовсе считалось потерей 2 лет военной службы и возможностью продвижения по карьерной лестнице, в связи с заповедями офицерско-джентельменской традиции [5, р. 136-137]. Важные изменения произошли в 1880-х гг. когда стало невозможным получение сертификата об окончании колледжа без фактического прохождения курса обучения и началось постепенное увеличение вакантных мест в колледже. С 1871 по 1883 гг. количество мест в колледже составляло около 40, с 1886 по 1905 гг. количество мест увеличилось до 60, и накануне Великой войны было уже около 100 мест [7, р. 59]. В преддверии Первой мировой отношение офицеров к возможности прохождения обучения в колледже и дальнейшего продвижения по карьерной лестнице изменились. Так Монтгомери писал, что для овладения военным искусством требуется вся жизнь, а для постижения всех его тонкостей первым шагом должно было стать поступление в штабной колледж в Кэмберли [3, с. 30-31].

Несмотря на то, что Штабной колледж в Кэмберли был закрыт во время войны, подготовка офицеров продолжилась, в том числе для выполнения штабных обязанностей в Сандхерсте и Вулидже, однако лучшие преподаватели ушли на войну, и общее их количество было уменьшено [5, р. 163]. Королевское военное училище в Сандхерсте и Королевская военная академия в Вулидже, которые являлись основными источниками пополнения офи-

церских кадров, смогли обеспечить только 42 % от общего количества новоиспеченных офицеров регулярной армии. В период с 5 августа 1914 г. по 1 декабря 1918 г., из 16 544 постоянных присвоенных званий второго лейтенанта британской армии, на долю Королевского военного училища приходится 5 013, а королевская военная академия подготовила лишь 1 928 человек [8, р. 234]. Важные изменения произошли в начале войны в вопросе оплаты за обучение в Сандхерсте и Вулидже. В ноябре 1914 г. Армейский Совет решил отменить плату за обучение кадет, однако родители должны были внести 35 £ в стоимость униформы и книг [12, р. 10]. До Первой мировой войны обучение в училище и академии являлось платным, и стоимость зависело от категорий, под какую попадали кадеты. Первая категория кадет, которые планировали отправиться служить в Индию, и дети офицеров армии и флота, отцы которых погибли во время несения службы, платили наименьшую сумму, которая составила 20 £. Если кадеты являлись детьми офицеров, генералов и адмиралов, а также преподавателей военных учреждений, то плата варьировалась от 40 до 80 £, в зависимости от военного звания отца и должности, занимаемой в армии. Дети частных лиц, не имеющих отношения к военной службе, платили больше всего, и стоимость года обучения составляла 125 £. В оплату обучения входило обмундирование и питание кадет, остальные расходы должны были оплатить родители кадет [6, р. 215].

Организация вступительных экзаменов в военную академию и военный колледж осталась очень похожей на ту, которая существовала до войны. Хотя в августе 1914 г. было принято решение отказаться от устных экзаменов и лабораторных тестов, они были восстановлены к 1916 г. Для поступления в военный колледж кандидату необходимо было сдать обязательные экзамены по английскому языку, английской истории (с 1558 по 1901 гг.) и географии, математике А (основы) и французскому или немецкому языкам. Затем он выбирал для прохождения не более 2 экзаменов из перечня: французский или немецкий, латинский, греческий, естественные науки (физика и химия), математика В (средний уровень) и математика С (высокий уровень). Кандидаты в военную академию должны были сдавать те же обязательные экзамены, что и для военного колледжа, наряду с математикой (средний уровень) и естественными науками (физика и химия). Кандидаты в военную академию также должны были сдавать еще один дополнительный экзамен: немецкий, французский, латинский, греческий или математику (высокой уровень). Такие экзамены предназначались для тех, кто ходил в частные школы, и вероятности их поступления способствовал тот факт, что директора школ, которые входили в Ассоциацию директоров, сохраняли за собой возможность выдвижения кандидатов в военную академию и военный колледж на протяжении войны, и это была привилегия, которая не распространялась на воспитанников других школ.

Учитывая характер этих вступительных испытаний, если молодой человек хотел стать профессиональным солдатом, с нетерпением ожидая послевоенного периода, то обучение с репетитором было разумным экономическим решением. Конкуренция за получения комиссии оставалась ожесточенной на протяжении всей войны, так один кадет утверждал, что на вступительных экзаменах в июле 1915 г. в Вуллидж, 600 кандидатов конкурировали за 150 мест. В приемной комиссии военного колледжа за ноябрь 1915 г., в одних из немногих сохранившихся данных о кадетах, говорится, что, по меньшей мере, 7 успешно прошедших испытания кадет готовились с репетиторами. Репетиторы являлись наставниками, которые специализировались на подготовке к поступлению в военную академию и военный колледж, и, часто, также на экзаменах для государственной службы или при поступлении в Оксфордский и Кембриджский университеты [4, р. 57-58].

Для восполнения потерь среди офицерского состава британской армии пришлось призвать в армию огромное количество гражданских лиц, с приемлемым уровнем образования,

которые проходили короткие подготовки и отправлялись на фронт, а из запаса были вызваны офицеры младшего и среднего звена [9, р. 298]. Во время создания Новой армии, а также расширения Особого Резерва и Территориальных Сил многие офицеры проходили обучение, фактически в боевых условиях. На протяжении войны для Особого Резерва было предоставлено 30376 офицерских званий, в то время как за 1913 г. в офицеры были пожалованы только 81 человек. В Территориальных Силах 60044 человека были предоставлены к офицерскому званию, тогда как весь офицерский корпус Территориальных Сил насчитывал 9563 человека на момент вступления Великобритании в Великую войну. Однако большинство офицерских званий имело статус временных и распространялось на время войны. В ходе войны, лишь 1 109 временных званий в Новой армии, 1008 в Особом Резерве и 335 в Территориальных силах были преобразованы в постоянные, что давала право на получение пенсии [8, р. 234].

Проблемный вопрос роли командования во время Первой мировой войны остался неразрешенным в силу того, что основными способами изменения ситуации являлись безуспешные попытки заменить и подобрать подходящих людей. Так, главнокомандующий британских сил генерал Хейг сместил с должностей и отправил нескольких генералов в Англию, после танковой атаки британских сил при Камбре в ноябре 1917 г., несмотря на то, что всю полноту ответственности за неудачную атаку взял на себя [2, с. 357]. Однако вопрос заключался в изменившихся технологических условиях ведения войны и роли командующих на поле боя. Для эффективного командования, возможности собирать информацию и отдавать приказы, в условиях Первой мировой войны, верховное командование не могло находиться в эпицентре сражения, однако средства связи и технологии не позволяли результативно справляться с поставленными задачами. Так во время наступления британской армии на Сомме в 1916 г. приказ от штаба дивизии до передовой достигал в среднем за 8-10 часов, и столько же времени информация шла обратно, и связь могла быть нарушена на всех уровнях – батальона, бригады, дивизии, корпуса, армии и Генерального штаба [1, с. 486-487].

Библиографический список

1. Киган Дж. Великая война. 1914-1918. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. 672 с.
2. Лиддел Гарт Б.Г. Правда о Первой мировой войне. М. : Яуза: Эксмо, 2010. 480 с.
3. Монтгомери. Мемуары фельдмаршала Монтгомери виконта Аламейнского. М. : Изографус, ЭКСМО, 2004. 560 с.
4. Beckett I., Bowman T., Connelly M. The British Army and the First World War. NY. : Cambridge University Press, 2017. 476 с.
5. Clayton A. The British Officer. Leading the Army from 1660 to the Present. NY. : Taylor & Francis, 2007. 335 с.
6. Dumaresq de Carteret-Bisson F.S. Our Schools and Colleges. Vol. I. L. : Simpkin, Marshall, & CO., 1884. 1250 с.
7. Leask G.A. Sir William Robertson. The Life Story of the Chief of the Imperial General Staff. L., NY. : Cassel and Company, LTD., 1917. 150 с.
8. Statistics of the Military Effort of the British Empire during the Great War. 1914-1920. The War Office. : Published by his Majesty's Stationery Office., 1922. 880 с.
9. The Army and Navy Gazette. №. 2881. Vol. LVI. Saturday, April 10, 1915.
10. The Army and Navy Gazette. №. 2900. Vol. LVI. Saturday, August 21, 1915.
11. The Army and Navy Gazette. №. 2900. Vol. LVI. Saturday, February 27, 1915.
12. The Belfast News-Letter. Vol. CLXXVIII. № 31047. Wednesday, November 4, 1914.

Сведения об авторе:

Шендыгаев Дмитрий Игоревич – аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, shendygaev@inbox.ru

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45 **Адрес в сети Интернет:** www.clio-brgu.ru